КОРОЛЕНКО В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

КОРОЛЕНКО В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

В. Г. КОРОЛЕНКО
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
1917—1921

Биографическая хроника

Составил П. И. Негретов

Под редакцией А. В. Храбровицкого

KOROLENKO: REVOLUTION YEARS (1917–1921)

Completed by P. Negretov

Published by Chalidze Publications
BENSON VERMONT 05731
Manufactured in USA

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7
От составителя 9
Список условных сокращений 11
1917 16
1918 83
1919 147
1920 221
1921 303

Приложения:
Интервью 1919 года 380
Письма к Луначарскому 384

П. И. Негретов. Послеоктябрьская публицистика
В. Г. Короленко. Проблемы изучения. 434

Именной указатель 445

КОРОЛЕНКО
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

ОТ РЕДАКТОРА

Пять последних лет жизни знаменитого русского писателя Владимира Галактионовича Короленко совпали с годами революции и гражданской войны в России.

К 1917 году авторитет Короленко как писателя-художника, публициста и общественного деятеля был чрезвычайно высок; после смерти в 1910 году Л. Н. Толстого Короленко стоял во главе русской литературы. Он был широко известен и на Западе.

С первых дней Февральской революции 1917 года, несмотря на уже преклонный возраст (63 года), переутомление и болезни, со всей силой своего темперамента Короленко ринулся в общественную борьбу. Между Февральской и Октябрьской революциями он написал и напечатал большие публицистические работы "Падение царской власти", "Война, отечество и человечество" и много откликов на текущие события.

1 ноября 1917 года в полтавской газете появилась статья Короленко под названием "Опять цензура". 6 ноября 1917 года Короленко писал дочерям: "Придется просто приняться за "Современника", удалившись от всякой борьбы. Полем завладели большевики".

С этого времени до конца жизни работа над мемуарами — "Историей моего современника" — была главным литературным делом Короленко. Одновременно с этим он писал, по его выражению, "докладные записки по начальству" — огромное количество заявлений с ходатайствами о заключенных и осужденных. Много людей обязаны ему своим спасением. Общественный темперамент Короленко находил также выход в письмах к отдельным лицам и в записях дневника.

Весь этот материал, представляющий огромный интерес не только для биографии выдающегося русского писателя и общественного деятеля, но и для истории времени, за истекшие после смерти Короленко 60 лет не только не опубликован, не приведен в известность, но и недоступен для изучения даже специалистам, так как находится в советских архивах на секретном хранении.

Труд П. И. Негретова, осуществленный в этих сложных условиях, выполнен с возможной полнотой, тщательностью и точностью.

А. В. Храбровицкий

Москва, 16 сентября 1982.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга обязана своим появлением на свет Александру Вениаминовичу Храбровицкому, автору первого тома "Летописи жизни и творчества В. Г. Короленко", охватывающего 1853—1885 годы. Том этот, машинопись на 486 листах, хранится в Ленинской библиотеке в Москве и в Пушкинском Доме в Ленинграде. От продолжения работы А. В. Храбровицкий по состоянию здоровья вынужден был отказаться. В 1980 году Александр Вениаминович передал мне все свои материалы о последних годах жизни Короленко. Предлагаемая работа в значительной степени основывается на них.

Ссылки на архивы я даю, пользуясь записями А. В. Храбровицкого, так как допуска в архивы не имею. То же самое относится и к библиотечному спецхрану.

В 1974 году мне представилась неповторившаяся возможность сделать в Отделе рукописей Ленинской библиотеки выписки из неизданных дневников Короленко за 1917—1921 годы и части его писем за этот период. В том же 1974 году в музее В. Г. Короленко в Полтаве я выписал отрывки из некоторых неопубликованных писем 1917—1921 годов.

Мои выписки из дневников Короленко в большей своей части были опубликованы Т. Тилем и В. Рыжовым в 1979 году во втором выпуске ис-

торического сборника "Память", с. 374–421. Некоторые из них здесь опущены, но включен ряд других, не попавших в "Память". Купюры всюду обозначены отточием, заключенным в скобки. Содержание пропусков дается в двойных скобках. До начала 1919 года даты указываются по старому стилю, далее – по новому, исключения оговариваются. Во избежание путаницы сохраняются даты по обоим стилям, если они так даны в оригинале.

П. И. Негретов

Воркута, 31 июля 1982.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АКЛ – Архив дочери Короленко – Н. В. Короленко-Ляхович. А. В. Храбровицкий привел его в порядок, и С. К. Ляхович сдала его в Отдел рукописей Ленинской библиотеки 29 ноября 1955. У А. В. Храбровицкого остались копии некоторых материалов архива.

Белоконский – Письма В. Г. Короленко к И. П. Белоконскому. 1883–1921 гг. "Задруга", М. 1922.

Беренштам – Владимир БЕРЕНШТАМ. В. Г. Короленко как общественный деятель и в домашнем кругу. Кн-во "Москва", Берлин, 1922.

БК – Биографическая канва жизни и деятельности В. Г. Короленко. В кн.: Владимир КОРОЛЕНКО. Полное собрание сочинений. Посмертное издание. Том V. Госиздат Украины, 1929.

"Былое", 1922, № 20 – С. ПРОТОПОПОВ. Материалы для характеристики В. Г. Короленко. – "Былое", Пг. 1922, № 20, с. 3–31.

ГБЛ, ф. 135 – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве. Отдел рукописей. Фонд В. Г. Короленко (135). Архив Короленко поступил в ГБЛ в 1938 от семьи писателя. Дневники были переданы в 1952.

Горнфельд – Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. "Сеятель", Л. 1924.

ГПБ – Государственная публичная библиоте-

ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Отдел рукописей.

Дневник – В. Г. КОРОЛЕНКО. Дневник. Том VI. 1917–1921. Не издан. Машинопись на 309 листах, подготовленная Редакционной комиссией к печати в 1928 году. Пометка на титульном листе: "Отвезен в Харьков 27/IV 1928".

Дополнит. список – А. В. ХРАБРОВИЦКИЙ. Материалы к библиографии произведений В. Г. Короленко. М. 1975, с. 21–4. (Машинопись в ГБЛ). Об этом списке на с. 21 сказано: "В материалах Е. В. Мокршанской, переданных мне в 1953 году, находился "Дополнительный список публицистических статей за 1917–1919 годы. (По материалам архива В. Г. Короленко)". В указателе Е. В. Мокршанской, хранящемся в Центральной справочной библиотеке ГБЛ, этот список отсутствует; привожу его с включением моих уточнений и дополнений".

"Задруга" – Памяти Вл. Г. Короленко. Под редакцией В. А. Мякотина. "Задруга", М. 1922.

Ивановская – В. Г. КОРОЛЕНКО. Письма к П. С. Ивановской. Изд-во Политкаторжан, М. 1930.

ИМС – В. Г. КОРОЛЕНКО. История моего современника. "Художественная литература", М. 1965. Подготовка текста и примечания А. В. Храбровицкого.

ИП–2, ИП–3 – В. Г. КОРОЛЕНКО. Избранные письма. Под редакцией и с примечаниями Н. В. Короленко и А. Л. Кривинской. Том II. ГИХЛ, М. 1936.

КВС – В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. ГИХЛ, М., 1962. Предисловие, подготовка текста и примечания Т. Г. Морозовой.

КОЛ – В. Г. Короленко о литературе. ГИХЛ, М. 1957. Составление, подготовка текста и примечания А. В. Храбровицкого.

Коллекция А. В. Храбровицкого – Коллекция воспоминаний о В. Г. Короленко, собранная А. В. Храбровицким и сданная им в ГБЛ 21 апреля 1977. К периоду 1917–1921 относятся воспоминания В. В. Яковенко "Три месяца"; Ник. Арденса (Н. Н. Апостолова) о встрече с Короленко в июне 1917; Г. П. Григорьева (1920); В. П. Катаева (лето 1919); Г. И. Майфета (1918 – Короленко и юбилей Тургенева); П. А. Митропана "Год деятельности Короленко" – из журнала "Объединение", Одесса, 1918, № 3–4, ноябрь-декабрь, с. 185–98. (В библиотеках Москвы отстутствует, переписано в Одессе); А. Романовского (период Февральской революции); Д. М. Стонова.

ЛДЛ – Летопись Дома литераторов. Литературно-исслед. и критико-библиографич. журнал. Пб. 1922, № 3 (7).

НС – Нижегородский сборник памяти Вл. Гал. Короленко. Издание Нижегородского губсоюза, 1923.

ПАМЯТЬ–2 – ПАМЯТЬ. Исторический сборник. Выпуск 2. Москва, 1977 – Париж, 1979.

ПАМЯТЬ–4 – ПАМЯТЬ. Исторический сборник. Выпуск 4. Москва, 1979 – Париж, 1981.

ПД – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1970 год. "Наука", Л. 1971.

Первая годовщина... — Первая годовщина смерти Владимира Галактионовича Короленко. Однодневный журнал. Полтава, 1922.

Петерб. сборник — Короленко. Петербургский сборник под ред. А. Б. Петрищева. "Мысль", Пб., 1922.

ППСС — Полное собрание сочинений. Посмертное издание. Госиздат Украины. Издание прекращено в 1929. Том X. Письма 1915—1921. Машинопись в ГБЛ, не издан; Том XXXII. Публицистические статьи 1915—1920. Машинопись в ГБЛ, не издан.

70-летие... — Семидесятилетие со дня рождения Владимира Галактионовича Короленко. Полтава, 1923.

СК — С. В. КОРОЛЕНКО. Книга об отце. "Удмуртия", Ижевск, 1968.

СС, т. 10 — В. Г. КОРОЛЕНКО. Собрание сочинений в десяти томах. Том 10. Письма 1879—1921. ГИХЛ, М., 1956.

Т. X (Дублеты) — Письма, не вошедшие в неизданный том X ППСС (Дублеты). 1917—1921. Машинописные копии в фондах музея В. Г. Короленко в Полтаве.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва. Фонд 234 (В. Г. Короленко).

Яковенко — В. В. ЯКОВЕНКО. Три месяца. Из воспоминаний о Вл. Г. Короленко. Бутова гора, май 1922. Копия неопубликованных воспоминаний В. В. Яковенко (1886—1938), сына доктора

В. И. Яковенко (1857–1923), получена А. В. Храбровицким в марте 1971 у дочери В. В. Яковенко – Нины Всеволодовны Яковенко (ум. в январе 1973). Кроме оригинала воспоминаний отца, у дочери хранились автографы 24 писем Короленко к Владимиру Ивановичу и Надежде Федоровне Яковенкам и их сыну, Всеволоду Владимировичу, собственноручный анамнез В. Г. Короленко от 2 сентября (ст. ст.) 1919 года и книги с его автографами.

Копии писем Короленко после его смерти были переданы Яковенками семье Короленко, ныне в ГБЛ. Сверка дат, произведенная по просьбе А. В. Храбровицкого, показала, что в ГБЛ отсутствуют копии десяти писем, виденных им у внучки В. И. Яковенко.

1917

3 марта

"Приезжие из Петрограда и Харькова сообщили, — записал Короленко в дневнике 3 марта 1917 года, — что в Петрограде переворот... У нас, в Полтаве, тихо. Губернатор забрал все телеграммы... Где-то далеко шумит гроза, в столицах льется кровь... А у нас тут полное спокойствие, и цензор не пропускает никаких, даже безразличных, известий... Ни энтузиазма, ни подъема. Ожидание... Слухи разные. Щегловитов и Штюрмер арестованы, все политические из Шлиссельбурга и Выборгской тюрьмы отпущены. Протопопов будто бы убит... Царь будто уехал куда-то на фронт и оттуда якобы утвердил "временное правительство". Наконец, будто бы царица тоже убита..."

В тот же день, когда были написаны эти строки, губернатор, задерживавший раньше телеграммы, разрешил их печатание, и Полтава, наконец, узнала о свершившемся.

СК, с. 289.

4 марта

Пишет жене, Е. С. Короленко, из Полтавы в Дубровку, Саратовской губ.: "У нас телеграммы

с этими известиями задерживал губернатор и не пропускала цензура".

АКЛ

Пишет сестре жены, П. С. Ивановской, в Кисловодск: "Наверное уже и до Вас, на погибельный Кавказ, домчались известия о перевороте. Правительство свергнуто, установлено новое. По-видимому, переворот произведен главным образом военными, потом — рабочими. Кажется, так. Во всяком случае, он пока имеет характер всепартийного. Его конкретные формы и подробности пока и здесь неизвестны. У нас вчера еще газеты вышли без этих телеграмм. Но вчера же выпустили днем экстренное прибавление. Губернатор получил распоряжение в этом смысле от начальника военного округа. Пока в городе все спокойно. На первый взгляд даже как будто *все* довольны. Дума (полтавская) постановила послать привет Государственной Думе. Вчера было собрание в губернском земстве. Образовывается комитет с участием общественных деятелей и рабочих. /.../ Я пока принимаю (осторожно) участье даже в вечерних заседаниях, но не засиживаюсь до поздних часов. В земской управе вчера участвовал и после этого все-таки сравнительно скоро заснул. Девочка наша* благополучна. Прибавляется в весе. Я ее поздравил с событьями и с новыми условьями, в которых придется жить ее поколению. Она ви-

---

*Внучка Короленко – Соня(С. К. Ляхович; род. 1914)

дела общее оживление и тоже радостно кивала головкой...

Но... много разных туманных мыслей заволакивает еще горизонт и теснится в голову. Как бы то ни было, огромный факт совершился и совершился на фоне войны. Войска, без сомнения, двинуты этими мотивами, петербургский народ — явной экономической разрухой и голодом. Общество — скандальным характером правления".

Ивановская, с. 250—1.

6 марта

Выступает с балкона театра на митинге в Полтаве: "Монарх уходит — Россия остается. /.../ Будем же едины /.../, враг еще на нашей земле /.../. Нужно быть снисходительными к тем слугам старого режима, которые уже вредить не могут. /.../ Пусть же будет ответственность по суду, но не нужно насилий и мести".

ППСС, т. XXXII, л. 99.

Пишет П. С. Ивановской: "У нас тут все идет хорошо: все начальство уже признало новое правительство. Выбраны комитеты. Полиция добровольно подчинилась городскому управлению. Сегодня предстоит манифестация с участьем войск; настроение всюду спокойное и радостное."

Ивановская, с. 252.

9 марта

Получил из Петрограда от Временного Коми-

тета Государственной Думы просьбу высказаться по телеграфу о злобах дня и в частности о войне.

БК, с. 246.

11 марта

ПОЛТАВА. 11 марта. Состоялся первый митинг солдат полтавского гарнизона. Почетный председатель митинга В. Г. Короленко призывал солдат к единению с народом и сохранению спокойствия и дисциплины, необходимой в переживаемый момент.

”Русские Ведомости” (Москва), 14.3.1917, № 58.

13 марта

Пишет Е. С. Короленко: ”Полтава перешла к новому строю спокойно”.

АКЛ

14 марта

Появилась в столичных газетах переданная по телеграфу Комитету Государственной Думы статья ”Родина в опасности”. Статья была выпущена также отдельным листком (издательство ”Освобождение России”, № 1. Телеграмма В. Г. Короленко”).

БК, с. 246.

РОДИНА В ОПАСНОСТИ

Телеграммы военного министра и временного правительства бьют тревогу. Опасность надвигает-

ся. Будьте готовы. К чему? К торжеству свободы, к ликованию, к скорейшему устройству будущего? Нет! К сражениям, к битвам, к пролитию своей и чужой крови. Это не только грозно, но и ужасно. Ужасно, что эти призывы приходится слышать не от одних военных, чья профессия — кровавое дело войны на защиту родины, но и от нас, писателей, чей голос звучит естественнее в призывах к любви и миру, к общественному братству и солидарности, кто всегда будил благородную мечту о том времени, "когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся".

Эта далекая заветная мечта жива и теперь, но она еще более отдалилась, затянулась дымными и кровавыми туманами, и нам, писателям, соединившим в своей душе любовь к человечеству с любовью к родине, приходится подхватить тревожный клич тех, кого судьба поставила на страже родины в труднейшую годину ее жизни.

Тревога звучит, ширится, облетает страну. Я желал бы, чтобы голос печати звучал, как труба на горе, чтобы подхватить ее, передать дальше, разнести всюду до самых дальних углов, заронить в наименее чуткие средца, самые беспечные души.

Тревога, тревога... Смотрите в одну сторону. Делайте в эти дни одно дело, им довлеющее. С запада идет туча, какая когда-то надвигалась на Русь с востока. И она готова опять покрыть своей тенью родную землю, над которой только что засияло солнце свободы.

1917

До сих пор я не написал еще ни одного слова с таким призывом, но не потому, чтобы я и прежде не считал обязательной защиту родины. Правда, я считаю безумную свалку народов, озарившую кровавым пожаром европейский мир и грозящую перекинуться в другие части света, великим преступлением, от ответственности за которое не свободно ни одно правительство, ни одно государство. И когда наступит время мирных переговоров, то, по моему глубокому убеждению, эта истина должна лечь в основу их для того, чтобы этот ужас не повторился. Нужно быть на страже великого сокровища — мира, которое не сумели сберечь для нас правительства королей и дипломатов, когда это несчастье готово было разразиться.

Я говорю это искренно и с сознанием всего значения слова, я не пожалел бы отдать остаток жизни тем, кто мог бы с каким-нибудь вероятием успеха противопоставить этому безумию деятельную идею человеческого братства. Она давно зародилась в благороднейших умах и пускала уже ростки в человечестве. Да, за это дело стоило бы отдать жизнь, если бы была малейшая надежда удержать море вражды и крови.

Но ростки международного братства еще бессильны, как игрушечные плотинки перед порывом моря, и ничего удержать не могли. Это — не упрек идее международного братства. Слабая вначале идея часто со временем завоевывает мир.

Но теперь, пока она слаба в действительности, она может служить опорой благородной мечты, утешением, но не средством защиты. Это — дальний огонь, но не указание ближайших путей в виду страшной опасности. А речь идет именно о том, что надвигается, что уже близко, что закрывает нам свет, требует немедленного ответа. Оно может на столетие наложить тяжкий гнет на жизнь поколений.

Вот почему я чувствую повелительную обязанность заговорить о предмете, мне несвойственном в обычные дни, чтобы передать моим согражданам свою тревогу. Россия только что свершила великое дело, — свергла вековое иго. Одним деспотизмом стало меньше, одной свободой больше на свете. Еще недавно союз с нами враги ставили в упрек нашим союзникам и свою борьбу выставляли как борьбу с восточной деспотией. Теперь все народы обращаются к нашей родине с восхищением и надеждой, потому что юная свобода в момент рождения имеет волшебную силу омолаживать свободу других народов, придавать ей новую свежесть и жизнь.

Вот что значит для нас защита родины. Нужная всегда, теперь она вдвое нужнее. С нею мы защищаем новую свободу, которой внешнее нашествие грозит смертельной опасностью. Если бы теперь немецкое знамя развернулось над нашей землей, то всюду рядом с ним развернулось бы также мрачное знамя реставрации, знамя восста-

новления деспотического строя. Нами стал бы повелевать не только Николай Романов, но через него и Вильгельм Гогенцоллерн. А Гогенцоллерну нужно, чтобы Россия надолго оставалась подавленной и темной.

Неужели это не ясно?

Для отражения этой опасности Россия должна стать у своего порога с удвоенной, с удесятеренной энергией. Перед этой грозой забудем распри. Отложим споры о будущем. Долой партийное местничество! Долой призыв к раздорам! Пусть историческая роковая минута застанет Россию готовой. Пусть все смотрят в одну сторону, откуда раздается тяжелый топот германца и грохот его орудий. Задача ближайших дней — отразить нашествие, оградить родину и ее свободу.

Два русских соседа в траншее зорко смотрят на наступающего противника: один — республиканец, другой — конституционалист. Чем они должны чувствовать себя в эту роковую минуту? Соратники политические в настоящем, противники — в будущем, сейчас они делают одно дело: защищают свободу родины от внешнего и внутреннего порабощения. Оставим же будущему дню его злобу и его вопросы. Теперь одно внимание, — внимание в этот великий решительный час. Нужно не только радоваться и пользоваться свободой, но и заслужить ее до конца, а заслужить можно одним, — последним усилием для отражения противника, работая на фронте и в тылу, на

всяком месте для отражения опасности, до конца великой войны.

Может быть, это время уже близко; близок день, когда на великое совещание мира явятся в семью европейских народов делегаты России и скажут: мы вошли в войну рабами, но к концу ее приходим свободными. Выслушайте же голос свободной России. Она скажет теперь не то слово, которое бы сказали царские дипломаты. У свободной России есть что сказать на великом совещании народов, которое должно положить основы прочного мира.

"Русские Ведомости", 14.3.1917, № 58

15 марта

Пишет члену редакции "Русских Ведомостей" В. А. Розенбергу: "Горячее поздравление и привет всем товарищам по "Русским Ведомостям". Обнимаю всех, как в светлый праздник".

"Голос Минувшего", 1920–1921, с. 152.

18 марта

Избран почетным председателем на собрании рабочих и солдатских депутатов Полтавы.

БК, с. 246.

Пишет сестре М. Г. Лошкаревой в Москву: "В несколько дней политическая физиономия меняется, как по волшебству, почти без кровопролития. Республика, о которой не приходилось даже

заговаривать в 1905 году, – теперь чуть не общий лозунг. Судьба подарила нам такого царя, который делал не просто поразительные глупости, но глупости точно по плану, продиктованному каким-то ироническим гением истории..."

СК, с. 291.

21 марта

Телеграмма из Нижнего Новгорода: "Нижегородские граждане, солдаты и офицеры всего гарнизона, объединенные чувством восторга, что, наконец, над нашей родиной воссияло солнце свободы, шлют стойкому борцу за нее, своему учителю привет".

Ответ Короленко: "Глубоко тронут доброй памятью нижегородских граждан, рабочих, солдат и офицеров. В свою очередь тепло вспоминаю о Нижнем, в котором жил и работал в глухое безвременье России. От души желаю Нижегородскому краю внести свою долю в упрочение свободы. Путь к этому – единение на месте всех народнообщественных сил и единение всего края с временным правительством, выдвинутым революцией. Всем сердцем желаю избежать розни и гибельных споров за власть до отражения внешнего нашествия и установления нового строя вольными голосами народа".

НС, с. 237.

28 марта

Пишет П. С. Ивановской: "У нас, как всюду: и

хорошо и плохо. Хорошо, что все-таки есть демократические организации, плохо, что их вожаки лишены чутья действительности. /.../ Третьего дня было собрание в Кобищанах, где я пытался разъяснить самой простой аудитории значение происходящих событий. Говорил около часу".

Ивановская, с. 254.

Телеграмма в Якутск: "Глубоко тронут приветом народного собрания. В свою очередь шлю привет знакомым и незнакомым друзьям, желаю, чтобы свет свободы осиял в далеком крае города и села, дальние наслеги и одинокие юрты. Счастливого пути возвращающимся".

Короленко отвечал на следующую телеграмму из Якутска: "Дорогой Владимир Галактионович, народное собрание города Якутска приветствует в великие дни Вас, воплотившего в себе совесть народа. Вы дали всему миру дивные произведения слова, в них воплотили вы всю красоту души вашей, вобравшей в себя холодную красоту края якутского, где провели вы годы неволи. Пусть долгие, долгие годы еще длится ваша жизнь, пусть сон бедного Макара станет явью и бедняк Макар увидит светлое царство на земле. По поручению Комитета общественной безопасности председатель депутат Петровский".

СС, т. 10, с. 557.

1917

30 марта

Присутствовал в собрании рабочих и солдатских депутатов.

БК, с. 246.

Поездка Ромена Роллана в Кларан (Швейцария) к Н. А. Рубакину, встреча там с А. В. Луначарским. Запись в дневнике Роллана 12 апреля (н. ст.): "В разговоре речь заходит о функциях президента Республики. Луначарский склоняется к мысли либо об отмене такой должности, либо о ежегодном переизбрании президента и ограничении его прав. Но если уж придется сохранить эту должность, то он лично избрал бы президентом Короленко, чей характер внушает ему (и, по его словам, не только ему, но и всему народу) полное доверие и глубокое уважение".

Перевод с франц.: Romain Rolland. *Journal des annies de guerre 1914–1919*. Paris, 1952, p. 1140.

12 октября 1926 г. Ромен Роллан писал дочери Короленко – Софье Владимировне:

"Имя Короленко внушает мне глубокое уважение. /.../ Меня всегда поражало, что все русские, с которыми мне приходилось иметь дело – к какой бы партии они ни принадлежали, – говорили о Вашем отце с одинаковой искренней любовью, относящейся не только к писателю, но и к нему как человеку высокой морали, стоящему

над партиями. Припоминаю, как здесь, в Швейцарии, среди русских эмигрантов, в кружке Луначарского, говорилось: "Если в России будет республика, Короленко должен стать ее президентом".

Дружба народов", 1971, № 2, с. 284–285.

Март

Пишет толстовцу Журину о необходимости защиты родины и ее свободы от германского нашествия: "Я думаю, верю, убежден, что в идеальном образе человека, по которому должна отливаться совершенствующаяся человеческая порода, — негодование и гнев против насилия и всегдашняя готовность отдать жизнь на защиту своего достоинства, независимости и свободы — должны занимать нормальное место".

СС, т. 10, с. 559.

В журнале "Русские Записки", кн. 2–3, напечатан очерк "Пленные" (написан в феврале).

БК, с. 245.

Писатель Е. Н. Чириков посетил Короленко, рассказавшего о собрании в городской думе, разогнанном хулиганами. "Мне не дали говорить, обозвали буржуем и обругали площадной бранью".

Е. Ч и р и к о в. Последняя встреча с В. Г. Короленко. "Сегодня", Рига, № 270, 29.9.1929.

1917

Начало апреля

Избран почетным председателем Полтавского комитета помощи военнопленным. В ”Полтавском Дне” № 80 от 12 апреля напечатан призыв Короленко ”К полтавским гражданам” — о помощи военнопленным.

БК, с. 246.

1 апреля

Пишет С. Д. Протопопову: ”Порой приходится выступать публично. Мне всего интереснее говорить с простыми людьми. Недавно говорил на митинге на одной из темных окраин города, откуда во все тревожные дни грозит выползти погром. Аудитория была внимательная. Я выбрал взглядом два-три лица с особенно малокультурными чертами и говорил так, как будто есть только они. И это меня завлекло. Когда я видел внимание, а потом и интерес, любопытство и признаки согласия по мере продолжения, — то это возбуждало мысль и воображение. Теперь работаю над популярной брошюркой для народа, в которой показываю, как последний Романов разрушал и разрушил самодержавного идола (выражения другие). /.../

Часто чувствую старость... Выступать приходится много реже и меньше, чем в 1905/6 году. Поздних ночных прений избегаю”.

СС, т. 10, с. 560.

1917

5 апреля

Пишет Е. Н. Чирикову: "До сих пор я не вступал ни в одну партию, оставаясь внепартийным писателем".

ППСС, т. X.

6 апреля

Выступление на съезде учителей в Полтаве в защиту преподавания на родном украинском языке.

Первая годовщина..., с. 4–5.
Павло М а л и й. В. Г. Короленко и Україна., Львов, 1958, с. 180–181.

10/23 апреля

Выступление американского публициста Джорджа Кеннана на митинге в Нью-Йорке, посвященному победе русской революции. Говоря о русских писателях, преследовавшихся царизмом, Кеннанн назвал Короленко, "беллетриста, некоторые книги которого переведены на английский язык".

"Каторга и ссылка", 1927, № 1, с. 105.

Получил известие о смерти в Москве сестры – Марии Галактионовны Лошкаревой. "Для меня это тяжелый удар, кинувший тень на остаток моей жизни" (из письма к И. П. Белоконскому от 1 мая 1917).

БК, с. 246; Белоконский, с. 78.

1917

11 апреля

Письмо академику А. А. Маркову с благодарностью за избрание в Комитет "Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук".

"Русские Ведомости", 4.5.1917, № 99.
А. М. Горький и В. Г. Короленко, М., 1957, с. 258–259.

12 апреля

В письме П. С. Ивановской объясняет, почему не мог поехать на похороны сестры: "Дороги ужасны: приходится по 12 часов простаивать в тесных проходах, а у меня в это время как раз простуда".

Ивановская, с. 256.

14 апреля

В петроградских газетах опубликовано воззвание о создании "Дома-музея памяти борцов за свободу". Среди подписавшихся – В. Г. Короленко.

"Исторический вестник", 1917, май-июнь, с. 658–659.

16 апреля

Пишет П. С. Ивановской: "У нас пока в Полтаве все идет в общем довольно гладко. Сильно оживилось украинство и находит широкие отголоски. Автономия! Порой раздаются и более

крайние возгласы, порой говорятся глупости "мазепинского" рода, но и тут в общем, думаю, перемелется".

Ивановская, с. 258.

17 апреля

Присутствовал на крестьянском съезде в Полтаве.

БК, с. 246.

18 апреля

Пишет С. В. Короленко: "У нас теперь происходит "селянський зъїзд". Впечатление сильное. Зал музыкального училища переполнен мужиками. Их огромное, подавляющее большинство. Они торопятся, потому что начинаются полевые работы. Интерес огромный. Меня они встретили, даже незнакомые, с такой простотой и сердечностью, что это меня тронуло. "А чі то вы той писатель Короленко, що написав "Сорочинскую трагедию"? Они говорят, что в уезде есть план выбрать меня в Учредительное собрание... Не думаю я, что это мое дело. Останусь с пером..."

СК, с. 292–293.

21 и 24 апреля

Участвует в качестве арбитра в деле печатников и владельцев типографий. В результате рабочие получили увеличение заработной платы на 80%.

Первая годовщина..., с. 14–15.

1917

28 апреля

Переезд на лето в деревню Хатки Миргородского уезда Полтавской губернии.

БК, с. 246–247.

30 апреля

Выступал на сельском митинге в селе Барановке.

БК, с. 246.

1 мая

Пишет И. П. Белоконскому: "Пишу Вам эту открыточку из деревни, куда поехал дней на 10, чтобы немного приглядеться к новым настроениям крестьян. Много интересного".

Белоконский, с. 78.

2 мая

Речь на деревенском митинге в селе Ковалевке.

БК, с. 246.

"В светлое летнее утро 1917 года я ехал в одноконной тележке по деревенскому проселку между своей усадьбой и большим селом Ковалевкой. /.../ Вражда разливалась всюду. Первый радостный период революции прошел, и теперь всюду уже кипел раздор. Им были проникнуты и отношения друг к другу разных слоев деревенского населения.

Я ехал по вызову жителей большого села, что-

бы высказать свое мнение о происходящем... Я много писал о /.../ карательной экспедиции чиновника Филонова (в Сорочинцах), меня за мои статьи держали почти год под следствием, брошюра моя ходила по рукам, и это доставило мне некоторую местную известность. Поэтому мои соседи хотели теперь знать мое мнение о происходящих событиях, и я не считал себя вправе уклоняться от ответа.

Теперь я ехал и думал, что скажу этим людям.

Им нужна земля, и они (большинство) ждут, конечно, что я, человек, доказавший свое благорасположение к простому народу, еще раз повторю то, что они уже много раз слышали за это время, — земля вся теперь принадлежит им; стоит только захватить ее, чтобы всех поровнять... Но... я не верил ни в возможность такого "равнения" захватом, ни в "грабижку", на которую грозила уже сойти аграрная реформа революции. /.../

Я перешел к вопросу о земле, предупредив, что теперь мне придется говорить многое, что, может быть, покажется неприятным. И я изложил, насколько мог понятнее, свою точку зрения. /.../ Одна из важнейших задач — устройство земельных отношений. Кто думает, что это дело легкое, что тут все дело в том, чтобы просто отнять земли у одних и отдать их другим, — тот сильно ошибается. /.../

Уже в начале этой части моей речи я видел, что настроение толпы меняется. Почувствовалось

глухое волнение. /.../ Большинству ее мои мысли казались нежелательными и ненужными. А она уже привыкла, что к ней обращаются только с льстивыми и приятными большинству словами. Лесть любят не одни монархи, но и "самодержавный народ", а от лжи погибают не одни правительства, но и революции. /.../

Я оставался на этой площади более трех часов, окруженный спорами и страстью. Я искал понятных форм, чтобы выяснить всю серьезность и трудность задачи. Я старался объяснить им сложность и взаимную зависимость жизни города и деревни, земледельческой и обрабатывающей промышленности, а также роль государства... Вероятно, человек, лучше меня владеющий предметом, мог бы добиться лучших результатов... Но передо мной была крестьянская масса, непривычная к самодеятельности и сложным процессам мысли. Она так долго жила чужой мыслью. За царями им жилось трудно, но был кто-то, кто, предполагалось, думает за них об их благе. Надежды на царей не оправдались... Теперь пришла какая-то новая чудодейственная сила, которая уже, наверное, все устроит – и опять без них.

Один из возражателей обезоружил меня сразу, сказав с необыкновенной уверенностью и простодушием:

– А по-нашему, так все очень просто: нам раздать всю землю, а городским рабочим при-

бавить жалованья. И все будут довольны.

Мне казалось, что над этим простым рассуждением все еще носится образ милостивого царя, который может все сделать, лишь бы захотел... Теперь его место заняла царица-революция...

Я безнадежно оглянулся. На многих лицах виднелось сочувствие этому простому решению. /.../

Один солдат, пришедший во временный отпуск с фронта и слушавший все, как мне казалось, с внимательным и вдумчивым видом, сказал:

— Если бы вы, господин, сказали такое у нас на фронте, то, пожалуй, живой бы не вышли.

— Не знаю, — ответил я, — довелось ли бы мне говорить у вас на фронте, где, очевидно, не умеют слушать. Но если бы уже пришлось говорить, то ничего другого сказать бы не мог... Ну, а сами вы что думаете?

— Нам это... что вы говорили, — не надобно, — ответил он.

С этим последним впечатлением я уходил со схода".

СК, с. 293–299 (отрывки из глав "Несколько мыслей о революции" и "На сельском сходе" очерков Короленко "Земли, земли!"; эти главы не вошли в публикацию московского журнала "Голос Минувшего", 1922, №№ 1, 2;

опубликованы впервые в журнале "Современные записки", Париж, книга 14, 1923).

2–4 мая

В московской газете "Русские Ведомости" напечатана статья Короленко "Падение царской власти (Речь простым людям о событиях в России)".

Статья содержит исторический очерк царской власти, изложенный в главах: "Дом Романовых. Вал, отделяющий царей от народа. – Петр Великий и Александр II. – Народные надежды. Ходоки к царям", "Александр III"; "Николай II"; "Ходынка"; "Японская война. Волнения. Петербург посылает последних ходоков к царю. Забастовка 1905 года. Манифест 17 октября"; "Нарушение обещаний. Реакция. Царь-помещик, Россия – вотчина. Распутин"; "Великая война. Требование министерства доверия и борьба с Госуд. Думой. Убийство Распутина великими князьями"; "Волнения из-за хлеба. Повторение 9-го января. Войска становятся на сторону народа. Отречение царя".

Статья заканчивается следующими словами: "Триста лет назад, при звоне колоколов, при кликах народа первый Романов вступил в Москву. Теперь при таком же ликовании всего народа Россия низложила последнего представителя этого дома, и власть опять в руках народа. То-

гда был Земский Собор, теперь предстоит Учредительное Собрание, которое установит будущую форму правления русским государством. Каково будет это решение земского собора, на котором русские граждане призываются высказаться вольными голосами?

Царское правительство привело Россию на край гибели. Настоящая историческая минута решит нашу судьбу на много десятилетий, быть может, на целые века. Нужно много мудрости, чтобы прекратить внутри страны разногласия, опасные споры из-за власти и междоусобия. Нужно, чтобы Россия единой душой и единым сердцем стала на стороне своей независимости. Она уже заявила всему миру, что она не стремится к завоеваниям для себя, что она готова протянуть руку для заключения мира. Но до тех пор, пока родине грозит нашествие и гибель ее молодой свободы, она должна стоять в полной готовности для отражения великой опасности.

Царской власти нет уже доли в этом великом и трудном общенародном деле. Не будет ей доли и в счастливом будущем после грозы. Россия слишком долго верила в царей, слишком долго и напрасно надеялась. Последний Романов отучил ее от этих наивных упований, и теперь со всех концов и сел, из столиц и деревень несется, по-видимому, общий единодушный крик:

"Да здравствует народное правление!.. Да здравствует демократическая республика!"

Статья вызвала огромный интерес. До конца 1917 года в разных городах России вышло около сорока отдельных изданий; известны также зарубежные издания – в Лозанне, Берлине, Берне, Нью-Йорке. М. Г. Петрова по данным "Книжной летописи 1917 года" подсчитала общий тираж отдельных изданий статьи – около 600 тысяч экземпляров. ("Русская литература конца 19–начала 20 в.в. 1908–1917", М., 1972, с. 674).

13 мая

Пишет П. С. Ивановской: "Совершенно завален телеграммами и перепиской по поводу своей статьи "Падение царской власти". Отовсюду требуют разрешений на издание".

Ивановская, с. 259.

17 мая

Благодарит Ровенскую городскую думу за "почетное внимание" – переименование Романовской улицы в улицу Короленко.

СС, т. 10, с. 562.

Около 25 мая

Возвращение мужа дочери Натальи – Константина Ивановича Ляховича, который провел 7 лет во Франции в качестве политического эмигранта.

БК, с. 246.

26 мая

Пишет члену редакции "Русских Ведомостей" В. А. Розенбергу о своей статье "Падение царской власти": "Что бы ни случилось даль-

ше, — нужно, чтобы правда о старом вошла глубоко, своего рода осиновым колом. Это моя главная цель, и этим определяется мой образ действий".

ЦГАЛИ, ф. 1280, оп. 1, № 8.

29 мая

Отвечает на письмо академика Д. Н. Овсянико-Куликовского от 21 марта 1917 г.: "Вчера на заседании Разряда изящной словесности было выражено единодушное желание, чтобы Вы опять стали почетным академиком и вступили в нашу среду".

Короленко ответил отказом: "Вышел я из Академии не потому, что царь не утвердил избрания Горького./.../ Если бы о неутверждении было объявлено обычным порядком "от высочайшего имени", то я, как и другие, просто принял бы это к сведению. К сожалению, это было объявлено не от царя, а от самой Академии. /.../Это было сделано так бесцеремонно, что у нас даже не спросили, желаем ли мы брать на свою ответственность эту царскую функцию неутверждения. Это уже была "беда", и только против этой бесцеремонности я и протестовал. Царь мог не утверждать сколько ему угодно, но я не желал, чтобы он прикрывал свое неутверждение моим именем.

Вот в чем было дело и почему я сложил с себя звание почетного академика. Согласитесь,

что будет непоследовательно с моей стороны, если я аннулирую эту причину моего ухода и соглашусь войти в "Отдел" после того, как история аннулировала самого царя".

ИП–2, с. 197–198.

Май

С № 4–5 "Русские Записки" восстановили название "Русское Богатство"; впервые появилась подпись "Редактор-издатель В. Г. Короленко".

10 июня

Пишет Н. Е. Афанасьеву: "Пишу Вам /.../ как члену Комитета по постройке памятника Чернышевскому в Якутске. /.../ Время выбрано Вами неудачно. Теперь в России столько сборов на самые неотложные животрепещущие нужды, что объявлять сбор на памятник очень трудно. То есть трудно рассчитывать на успех. Придет, конечно, время для этого, но теперь у нас здесь настроение таково, что нет возможности выйти в эту смятенную сутолоку и, отвлекая ее от настоятельнейших нужд и слов быстро бегущего дня, — призвать оглянуться назад и строить памятник".

"По заветам Ильича", Якутск, 1926, № 3–4, с. 5

1917

15 июня

Пишет А. С. Малышевой, сестре жены: "Что сказать о всем происходящем? Пыль поднялась до самого, можно сказать, неба, и ничего не разглядишь... До сих пор удержались от общей свалки. Авось, и дальше удастся..."

СК, с. 301.

17 июня

Письмо в редакцию "Русских Ведомостей" (с датой 12 июня) в защиту Х. Раковского и К. Доброджану: "Считаю своей нравственной обязанностью заявить, что отвергаю с глубоким негодованием всякую мысль о возможности обвинения, взведенного на него румынскими властями. Раковский не мог быть "немецким агентом"; это, несомненно, злая клевета, пущенная противниками румынских социалистов".

"Русские Ведомости", 17.6. 1917, № 136.

21 июня

Пишет С. И. Гриневицкому, председателю Нижегородского союза писателей и журналистов. Благодарит за избрание почетным членом.

НС, с. 238.

27 июня – 4 июля

Поездка в Полтаву на выборы гласных в Полтавскую городскую думу. Кандидатура Короленко не выставлялась ввиду его отказа. На-

кануне и в день выборов (1 и 2 июля) в "Полтавском Дне" напечатаны его статьи "Письмо по поводу выборов" и "Об элементарной политической честности".

БК, с. 247.

5 июля

В "Русских Ведомостях" напечатана статья "Побольше честности", написанная по поводу полтавских городских выборов:

"Всеобщая подача голосов! Сколько надежд возбуждали эти три слова /.../ Да, многое издали кажется красивее, чем вблизи. Всеобщая подача голосов, — этот палладиум гражданской свободы, — имеет тоже свою изнанку. Политическая неразвитость народа, его безграмотность, непривычка разбираться в идеях и направлениях, недостаток известных народу деятелей /.../, — все это поселяет самые реальные опасения, дает простор для искажения народного мнения, заставляет сильно задуматься над ближайшими результатами. /.../ Народ — толпа, народ не развит политически, его мнения детски неустойчивы и изменчивы. Пока эти политические мнения нельзя уважать.

Но нужно уважать *человека* и его непосредственное человеческое искание правды. Нужно уважать его свободу. Долой демагогию и излишнее политиканство!"

"Русские Ведомости", 5.7.1917, № 151.

1917

6 июля

В "Русских Ведомостях" напечатана статья "К городским выборам":

"Цензовая Государственная дума в столице, цензовые городские самоуправления в провинции отошли в прошлое. Можно только приветствовать резкую демократическую струю, которая врывается, наконец, в затхлые, застоявшиеся порядки цензовых самоуправлений. /.../

На мой взгляд, теперь опасность угрожает уже с другой стороны. Не надо забывать, что если цензовый выборный закон определял характер думского *большинства,* то даже и он не мог помешать тому, что в городских думах, как и в государственной, все-таки было *меньшинство,* боровшееся при трудных условиях за истинные интересы населения. /.../ Вот почему, горячо приветствуя грядущий обновленный состав гласных, я не менее горячо желал бы, чтобы в новой думе не исчезло то оппозиционное ядро прежней, которое на виду у населения делало полезную работу в тяжелых условиях. Пусть в обновленном составе работников они явятся носителями необходимого опыта и преемственности деловых общественных навыков. Они будут содействовать тому, чтобы новое содержание муниципальной работы не распылялось излишне в общих идеях и теоретических отвлеченностях".

"Русские Ведомости", 6.7.1917, № 152.

1917

23 июля

Пишет С. Д. Протопопову: "Здесь у нас пока тихо и спокойно. Зять мой, К. И. Ляхович, работает в губернском комитете и принимает деятельное участие в местной жизни. Он — с.-д., меньшевик. Малый дельный, разумный и горячий. /.../

Долго сдавленная пружина расправляется слишком стремительно. По-видимому, теперь много ошибок уже сознано и из них главная: непризнание важности "отечества". Загипнотизированные пошлостью расхожего "патриотизма", мы отвергли и всякий патриотизм во имя будущего единого человечества. За это приходится всей России платиться. /.../

Большевизм принес много вреда вообще, но, — что хотите, — в подкупность и шпионство вождей я не верю. Бурцев тоже, по-моему, в этом деле оскандалился. Недавно обвинял Раковского, а я Раковского хорошо знаю и то, что писал в его защиту, — совершенно верно. Я ждал, что Бурцев представит хоть какие-нибудь доказательства, но вместо этого он уклонился от третейского суда. Не хорошо это. Причислять с такой легкостью заведомо честных людей к шпионам — значит, в сущности, реабилитировать шпионство. Старая истина: нужно бороться только честными средствами /.../".

"Былое", 1922, № 20, с. 5, 8, 25–26.

27 июля

Пишет М. А. Ромасю о своей статье "Война, оте-

чество и человечество". Сообщает, что первоначально хотел назвать "Трагедия войны и отечества".

ГБЛ, ф. 135, П. 8.17.

8 августа

Пишет члену редакции "Русских Ведомостей" В. А. Розенбергу при посылке статьи "Война, отечество и человечество": "Как видите, я до известной степени интернационалист и сочувствую обращению с предложением мира без аннексий и контрибуций. Но мысль моя такова: нам предстоит или слава великого почина в пользу мира для всего человечества (приблизительно так), или бесславие и позор. И это зависит от дальнейшего отношения к отечеству. Человечества единого еще нет. Для него приходится работать через отечество. Если мы изменим отечеству, не сумеем защитить его, то погибнем и надолго затормозим дело самого человечества".

"Голос Минувшего", 1920–1921, с. 152–153.

12 августа

В "Русских Ведомостях", № 184 напечатано "Открытое письмо В. Л. Бурцеву": "Я не кинталец, не циммервальдец, даже не интернационалист в том узком смысле, какой ныне придается этому слову. Защиту родины считаю важнейшей из ближайших задач, а настроение, создаваемое так называемым "большевизмом" в стране и на

фронте, могу сравнить разве с прививкой горячечной бациллы к ослабленному народному организму. /.../ Не всякое лекарство годится даже и против большевизма, в том числе хотя бы и "полезная клевета". /.../

В. Л. Бурцев 5 октября 1917 г. в газете "Общее дело" № 9 опубликовал "Мой ответ В. Г. Короленко": "Защищая Раковского, В. Г. Короленко просит поставить его имя рядом с именем Раковского и одинаково их или обвинять или защищать. Разумеется, этой просьбы В. Г. Короленко мы ни в каком случае выполнить не можем. Для нас В. Г. Короленко есть В. Г. Короленко и таковым останется навсегда. Он может совершить ту или другую ошибку, когда он говорит по поводу Раковского о мало знакомых для него вопросах, но от этого походить на Раковского он никогда не будет".

15–27 августа

В "Русских Ведомостях" (№№ 186, 188, 191, 194, 196) печатаются очерки Короленко "Война, отечество и человечество. Письма о вопросах нашего времени". Позднее вышли отдельными изданиями (известно восемь изданий). Здесь излагаются по изданию Совета Всероссийских кооперативных съездов (Издание, дополненное автором. Москва, 1917).

Короленко выступает против пораженцев и отстаивает мысль о необходимости защиты родины,

отечества; "В самом деле есть ли уже единое человечество? Его еще нет. А отечество есть. Для единого человечества нужно еще много работать. Где? В отечествах".

Было время, когда социалисты считали, что любовь к родине, патриотизм нужны только буржуазии, а пролетариат знает одну только классовую борьбу. В 1848 году Маркс и Энгельс писали в "Коммунистическом манифесте": "Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет". По мере того, как рабочее движение в передовых европейских странах становилось более массовым, сторонники пораженчества теряли влияние среди социалистов. На международных конгрессах Интернационала социалисты всех стран признали, что рабочие имеют отечества и обязаны их защищать.

Такое отношение к защите отечества стало господствующим среди социалистов всех западноевропейских стран и только в отсталой России сохранилось сильное влияние пораженцев. Почему?

"Тут мы опять расплачиваемся за грехи нашего долгого рабства. Наш народ слишком долго был отделен от интеллигенции, слишком долго жил без общественной мысли. В свою очередь демократическая интеллигенция слишком долго жила со своей уединенной мыслью, без ее применения вместе со своим народом". И вот произошла революция. "Царь пал. Россия осталась. Опасность для отечества так же велика, задачи его за-

щиты перешли к революции... И мы видим: страна ослабела... Как будто в рабстве была сила, как будто свобода принесла слабость". "Мы вообразили, что стали уже во главе движения всего передового человечества одним тем, что отрешились от собственного отечества" и усвоили мысль, что "родина не нужна, что она не дело всего народа, а только дело каких-нибудь классов". Короленко предупреждает, что, усвоив эту гибельную мысль, мы пойдем по пути, в конце которого нас ждет анархия и война всех против всех.

Очерки Короленко делятся на главы: "Война всех против всех. Семья, род, область, отечество"; "Любовь к родине"; "Война всех против всех между народами"; "Мечта о вечном мире и социализм"; "Интернационал и отечество"; "Предвестники великой войны. Базельский съезд"; "Война – трагедия"; "Тоска о мире и русский мирный призыв"; "Отечество и человечество. Урок русской революции".

В конце очерков Короленко пишет: "...Если я успел хоть отчасти выяснить главную мысль этих очерков, если они способны зародить сомнение в правильности слишком узких мыслей, если они обратят некоторые умы к сознанию важности отечества, пробудят в некоторых сердцах старое, святое, законное чувство ответной любви к родине, то я буду считать, что я не даром думал над этими мучительными вопросами нашего страшного времени".

1917

В 1965 году впервые было опубликовано письмо В. И. Ленина к А. М. Горькому от 15 сентября 1919 года, в котором Ленин дал отрицательную оценку очеркам Короленко "Война, отечество и человечество":

"Интеллектуальные силы" народа смешивать с "силами" буржуазных интеллигентов неправильно. За образец их возьму Короленко: я недавно прочел его, писанную в августе 1917 г., брошюру "Война, отечество и человечество". Короленко ведь лучший из "околокадетских", почти меньшевик. А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистской войны, прикрытая слащавыми фразами! Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками! Для таких господ десять миллионов убитых на империалистской войне — дело, заслуживающее поддержки (*д е л а м и,* при слащавых фразах "против" войны), а гибель сотен тысяч в *справедливой* гражданской войне против помещиков и капиталистов вызывает ахи, охи, вздохи, истерики /.../.

Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г..." (В. И. Ленин. ПСС, т. 51, с.48).

16 августа

Из письма В. Н. Григорьеву: "Сила большевиз-

ма всякого рода в демагогической упрощенности".

ГБЛ, р. 135. П. 2.12.

22 августа

Пишет М. Ф. Николевой: "Как всегда, я верю в жизнь, но думаю, что вблизи времена тяжелые и трудные... Надо их как-нибудь пережить. А там опять наладится, и что бы ни наступило, все-таки это уже будет новое. Той установившейся, прочной гнусности, которая называется теперь старым режимом, – уже не будет".

СК, с. 302.

29 августа

Пишет А. Г. Горнфельду: "Еще один урок: не верить в сказку про Иванушку дурачка, который без наук все науки произошел и посему женится на принцессе. Мне вспоминается вариант этой сказки, который я слышал на Волге. Женился вахлак на царской дочери, конечно, с помощью волшебства. Обернул ее в кобылу и стал на ней ездить. Так и с революцией: далась она истинно по волшебству, и быстро заездил ее вахлак до смерти. Большевики, большевики! Они только по-своему, по-сумасшедшему последовательны. А в сущности почти все – большевики, только без этой твердости лунатиков. Все толкуют: революция, конечно, "буржуазная", но с тем, чтобы она была социальная. И из этого никак не выско-

чить. Обида страшная! Урок тяжелый и надолго, а порой все-таки не хочется верить: все думаешь, откуда же спасение? И опять шевелится в сердце: а может, как-нибудь. Ведь всякая революция немножко чудо. Недавно читал в газете ("Речь") историческую справку: как раз те же мерзости были во времена Французской революции: и дезертирство, и военная анархия и трусость. На этом фоне и вырисовываются Наполеоны. Что-то вырисуется у нас?"

Горнфельд, с. 144–145.

31 августа

Пишет П. С. Ивановской: "Вчера вечером пришли газеты с известием о Корниловщине. Мне очень печально, что при этом упоминается имя Гучкова. Я его знаю по голоду 1891/2 года, считаю его честным человеком, но – увы! – склонным к авантюризму. В нем чувство "отечества" до преувеличенности чутко, и оно могло толкнуть его на эту авантюру. А Корнилов, по-видимому, человек легковесный".

Ивановская, с. 262.

9 сентября

Пишет М. А. Никитину: "Если бы даже Толстой был жив, то и его призыв к миру имел бы немного значения. Эта война – огромный стихийный взрыв, приготовленный всем укладом

жизни народов, и отвлеченная моральная проповедь тут не поможет".

"Былое", 1925, № 3/31/, с. 111–112.

Письмо министру иностранных дел М. И. Терещенко в защиту румынского социалиста Александра Доброджану, арестованного румынскими властями.

"Международная жизнь", 1922, № 2, с. 6–7.

10 сентября

Переезд в Полтаву из Хаток.

БК, с. 247.

11 сентября

Пишет Е. А. Сайко: "Я мало пишу и мало участвую в борьбе не потому, что пришел в отчаяние и решил только смотреть на неизбежное крушение. /.../ У меня была затяжная болезнь сердца от переутомления... Что могу, стараюсь сделать пером, хотя сознаю, что сделать могу мало. Мало – все-таки не значит "ничего". Поэтому все обязаны сделать, кто что может на своем месте. /.../ Есть французская поговорка: "Делай, что ты должен делать, и пусть будет, что будет". В этом большое успокоение".

СК, с. 302; "Огонек", 1978, № 31, с. 12.

17 сентября

Пишет А. А. Дробышевскому: "Вот мы и до-

жили до "революции", о которой мечтали, как о недосягаемой вершине стремлений целых поколений. Трудновато на этих вершинах, холодно, ветрено... Но все-таки, несомненно, это – перевал. Началась "новая русская история"! Любопытно чрезвычайно".

НС, с. 33.

1 октября

Пишет П. С. Ивановской: "Меня сманивают в Учредительное собрание (с трех сторон), но я уклоняюсь. Политик я всегда был неважный, теперь и совсем не гожусь. Может, еще пригожусь с пером в руке".

Ивановская, с. 268.

15 октября

Пишет П. С. Ивановской: "Неужели ты думаешь, что я бы уклонялся, если бы мог быть полезен в Учредительном собрании. Но я политик был неважный и прежде, а теперь вдобавок опять расшалилось сердце и делает меня для такой работы совершенно неспособным. Пришлось с большим горем отказаться от приглашений энесов (народных социалистов – Ред.), к которым я теперь чувствую большую симпатию".

Ивановская, с. 271.

25 октября

В "Полтавском Дне" № 238 напечатана статья

"Голос из плена". Короленко цитирует письмо русского офицера, находящегося в немецком плену. Офицер пишет, что по сравнению с французами и англичанами русские военнопленные находятся на положении париев.

"Среди других тяжких поражений, – пишет Короленко, – Россия несет еще одно тяжкое и позорное поражение. Это там, за всеми фронтами, в глубине неприятельских земель, где наши пленные, оборванные и голодные, бродят у выгребных ям, добывая из них объедки англичан и французов /.../. Россия бедна, Россия не организована, дух ее разложен и угнетен отсутствием единства и гибельными раздорами. Но ей все-таки следует помнить о людях, которые в стане врагов томятся и умирают позорною смертью, – позорной не для себя, а для родины, оставляющей их без помощи".

ППСС, т. XXXII, л. 160.

26 октября

Запись в дневнике: "Большевистская агитация с одной стороны разрушает боеспособность, агитирует против наступления и затем пользуется чувствами, которые в армии вызывают наши позорные поражения и объясняет неудачи изменой буржуев-офицеров. Ловко, но подло".

Пишет Н. И. Сергееву, автору рукописи "Из жизни людей семидесятых годов. (Воспомина-

ния)":"Рукопись Вашу я всю прочитал и скоро отошлю ее в редакцию. Это отдел не мой, поэтому окончательный ответ Вы получите от других моих товарищей (Мякотина или Пешехонова). Мое мнение, что рукопись надо напечатать в "Русском Богатстве".

Архив АН СССР в Москве, ф. 646, оп. 1, № 596.

Об этой рукописи Короленко писал Горнфельду 19 января 1918 г.: "В случае принятия я предполагал написать маленькое вступление". /Горнфельд, с. 150/. Рукопись осталась неопубликованной; хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Репродукцию страницы с правкой Короленко см. в Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома за 1970 год. Л. 1971, с. 27.

26 октября – 2 ноября

Октябрьские бои в Москве. Отставка А. В. Луначарского.

"Пишущий эти строки был испуган разрушениями ценных художественных зданий, имевшими место во время боев революционного пролетариата Москвы с войсками Временного правительства, и подвергся по этому поводу весьма серьезной "обработке" со стороны великого вождя. Между прочим ему были сказаны тогда такие слова: "Как вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии

дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?"

А. Луначарский. Ленин и литературоведение. В кн.: Литературная энциклопедия, т. 6, М. 1932, стр. 211–212.

29 октября

В "Полтавском Дне" № 242 появилась статья Короленко "Испытание".

БК, с. 247.

Так как газету с этой статьей нам не удалось разыскать, приводим выдержки из нее в обратном переводе с украинского по статье Л. Дяченко "Борьба за Советскую власть на Полтавщине":

"Если верить телеграммам, которые были оглашены в театре в то время, когда я пишу эти строки, то к тяжким испытаниям и несчастьям, которые познала Россия, последние дни угрожают прибавить еще одно, возможно, самое тяжелое. В столице – междоусобие. В то время, когда внешний враг угрожает наступлением от Риги и со стороны моря, орудия Петропавловской крепости, занятой большевиками, повернуты против своего же революционного правительства, а военный крейсер, который пришел из Кронштадта, готов уничтожить столицу с Невы. Если

это правда, то теперь, наверное, русская кровь проливается русскими же руками на радость наступающему на Россию врагу /.../.

Недавно Россия пережила лихорадку Корниловского восстания... Теперь вихрь сорвался с другой стороны. Это снова – самоуверенная попытка меньшинства навязать кружковую диктатуру всему народу, свергнуть революционное правительство почти на пороге Учредительного собрания. /.../ Читатель узнает из телеграмм, что большевистская авантюра приближается к ликвидации вообще и в частности у нас в Полтаве, и кто знает: может быть, из тумана и пыли, поднятой этим новым вихрем, чело нашей великой страдалицы – родины выйдет ясным, просветленным с призывом к более единогласной творческой работе великого обновления. Пусть же каждый на своем месте выполнит свой долг..."

"Наше слово", Полтава, 1928, № 3, с. 23.

1 ноября

В "Вестнике Полтавского губернского общественного комитета" № 157 появилась статья Короленко "Опять цензура" в связи с введением в Полтаве Советом Революции предварительной цензуры. В "Полтавском Дне" статья была снята цензором.

БК, с. 247.

Запись в дневнике: "Если бы здесь было 3–4 решительных представителей власти, – стоило бы

только сказать слово – и все кончилось бы мирно. Но все охвачено каким-то параличом и большевизм расползается, как пятно на протечной бумаге. Полтава пассивно отдается во власть самозванных диктаторов.

Интересно: мне сообщили, что в совете можно говорить все, что угодно. Не советовали только упоминать слово "родина". Большевики уже так нашколили эту темную массу на "интернациональный" лад, что слово "родина" действует на нее, как красное сукно на быков".

2 ноября

В "Бюллетене Вестника Полт. губ. общ. комитета" напечатано воззвание Короленко "Граждане, члены Совета рабочих и солдатских депутатов". Приводим текст в обратном переводе с украинского:

"Граждане члены Совета рабочих и солдатских депутатов!

В Петрограде и Москве льется кровь. Под грохот немецких орудий на суше и на море, перед лицом близкого Учредительного собрания, которое должно окончательно выявить мысль всего народа – поднято гибельное междоусобие. /.../ И вот льется братская кровь на радость врагу, который готовится последним ударом захватить охваченную разбродом столицу, и на радость старому режиму, который надеется вернуться вслед за войсками кайзера. /.../

Вы начали с повторения действий Петроградского Совета, которые привели к междоусобию. Вы тоже создали Совет революции и выставили требование передать ему местную власть. Вы сделали попытку захватить почту и телеграф, чтобы установить свою цензуру на известия, которые приходят из разных источников. Вместе с тем делается то, что всегда сопровождает всякое насилие: вы установили предварительную цензуру и закрыли независимую газету. /.../

Я не вижу кругом власти, которая с достаточной твердостью защитила бы мою и общегражданскую свободу от ваших поползновений. Я протестую против них единственной, что находится в моем распоряжении силой — силой своего слова и убеждения. Я заявляю, что не признаю вашей власти и обращаюсь к вам с братским призывом: остановитесь! Не идите дальше по этому пути гибельного разъединения революционных сил, по пути смерти. /.../ Не обманывайте же граждан, солдат и народ. Никто, кроме вас, не покушается на свободу в нашем крае. Откажитесь от поддержки междоусобия и разлада, и пусть дальше идет братская работа над сложным делом созидания нового строя".

"Наше слово", Полтава, 1928, № 3, с. 24.

2—4 ноября

Пишет дочери, Н. В. Ляхович: "Полтава, можно сказать, в "междуцарствии", в каких-то сумер-

ках. /.../ Большевики трусят, опасаясь нападения, да и большевиков трусят. /.../ Что, собственно, происходит в столицах, — в точности не известно".

АКЛ

3 ноября

Передовая статья Короленко без подписи в "Бюллетене Вестника Полтавского губ. общ. комитета".

Дополнит. список, с. 22.

4 ноября

Объявление в петроградском журнале "Нива" № 44 об издании в 1918 г. запрещенных военной цензурой сочинений В. Г. Короленко. (Издание не состоялось.)

Запись в дневнике: "Я получил письмо от ж.-д. служащего из Бендер: каждый день, отправляясь на службу, прощается с семьей, как на смерть. Насилия и грабежи со стороны... опять-таки солдат. Близ станции — виноградники. При остановке поездов солдаты кидались туда и для скорости рвали виноград с плетьми! Автор письма пишет с отчаянием, что же ему думать о такой "свободе"?

Это — анархия. Общественных задерживательных центров нет. Где хорошие люди солдаты, — они защитят от притеснения железнодорожника,

где плохие, там никто их не удержит от насилия над теми же железнодорожниками, честно исполняющими свой долг. Общество распадается на элементы без общественной связи".

6 ноября

Запись в дневнике: "Нет у нас общего отечества! Вот проклятие нашего прошлого, из которого демон большевизма так легко плетет свои сети..."

Пишет дочерям: "...Придется просто приняться за "Современника" ("История моего современника" – Ред.), удалившись от всякой борьбы. Полем завладели большевики. Это победа Пирра".

АКЛ

7 ноября

В "Вестнике Полт. губ. общ. комитета" напечатана статья "Прежде и теперь" о большевистской цензуре: "Выходит так, если просто закрыть газету ненравящегося направления, – то это будет произвол. Но если при этом обругать ее всякими крепкими словами, то это будет свобода..."

ППСС, т. XXXII, л. 167.

8 ноября

Из письма дочерям: "Городецкий (большевистский цензор – Ред.) напечатал в "Известиях Совета революции" объяснение, где наряду с преувеличенными комплиментами в адрес "гиганта

Короленко" говорится, что во имя революции он предсказывал, что придется перешагнуть через Анатоля Франса, перешагнули уже через Плеханова, перешагнут и через Короленка... Но в сущности ни через кого они не перешагивают, а просто топчутся на месте, чувствуя, что вокруг них образуется пустое пространство".

АКЛ

Пишет переводчице М. Л. Балабай: "Охотно согласен на перевод и издание по-украински моего рассказа "Дети подземелья". Сам я по-украински, к сожалению, не пишу, но язык понимаю, и мне бы очень хотелось, чтобы перевод был близок к нашему полтавскому наречью. Я убедился, что галичину наш народ понимает гораздо хуже, и коренной язык, который должен остаться в основе развития украинской литературной речи, — язык Шевченка, Котляревского и Кулиша".

ИП—3, с. 262.

9 ноября

Пишет С. Д. Протопопову: "Я не сомневаюсь, что никакими "приказами" нельзя дать перевеса в печати ни "правительственным вестникам", ни "рептилиям", хотя бы это были рептилии его величества пролетариата. Преобладание в прессе всегда будет за печатью независимой. /.../

У нас прошел слух, что Керенский идет с фронта с внушительными силами. Так ли? И есть ли

теперь какая-нибудь "внушительная сила" на какой-нибудь стороне? Вообще, есть ли теперь "воля России", то есть преобладающее стремление среди тысяч противоречивых импульсов, — это вопрос. У нас не кризис болезни, какой бывает в здоровых организмах, а затяжной, долгий "лизис". Это всегда хуже".

Петерб. сборник, с. 134.
"Былое", 1922, № 20, с. 15.

13 ноября

Запись в дневнике: "Трагедия России идет своей дорогой. Куда?.. Большевики победили и в Москве и в Петрограде. Ленин и Троцкий идут к насаждению социалистического строя посредством штыков и революционных чиновников. /.../ Во время борьбы ленинский народ производил отвратительные мрачные жестокости. Арестованных после сдачи оружия юнкеров вели в крепость, но по дороге останавливали, ставили у стен и расстреливали и кидали в воду. Это, к сожалению, точные рассказы очевидцев. С арестованными обращаются с варварской жестокостью. У Плеханова (больного) три раза произвели обыск. /.../ Большевизм изолируется и обнажается в чистую охлократию".

14 ноября

Газета "Полтавский день" № 246 печатает статью Короленко "Голоса отрезвления":

1917

"Я, нижеподписавшийся, кажется, только один в Полтаве получаю газету "Нижегородский листок". Я долго жил в Нижнем и продолжаю интересоваться местными делами. После событий 28 ноября* газета прекратилась. В Нижнем, обок с Москвой, события проходили бурно. Большевики посягнули на власть Городской думы, избранной всенародным голосованием. Население разделилось. Дело доходило до того, что гласные и часть войск укреплялись в помещении думы. К счастью, до прямых вооруженных столкновений дело не дошло. Большевики удовольствовались частичными успехами вроде... (это уже общее влечение – род большевистского недуга) закрытия газет "Нижегородский листок" и "Волгарь" и... реквизиции типографий.

Дня три газеты не выходили. В типографиях стояла охрана красногвардейцев. Но затем, 31 октября "Нижегородский листок" опять появился с изложением событий. В этом номере обращает на себя внимание следующий протест рабочих по поводу закрытия большевистским революционным комитетом газеты "Нижегородский листок" и реквизиции типографии:

"Мы, рабочие типографии "Нижегородского листка", протестуем против насильственного закрытия газеты большевиками. Такой способ борьбы с печатным словом недостоин революционной демократии. Мы будем бойкотировать типографию до тех пор, пока там стоит охрана, и не приступим к работе без гарантии свободы труда."

---

*Описка. Надо читать 28 октября (Ред.).

Рядом с этим в том же номере напечатан также протест сотрудников и служащих "Нижегородского листка", которые со всей силой негодования протестуют против насильственного закрытия газеты революционным большевистским комитетом. Попрание свободы печати, идущее наряду с захватом власти большевиками, якобы во имя свободы человечества, является доказательством, что большевики несут не свободу, а ограничение ее...

Известно уже, что этот натиск на независимую прессу потерпел крушение повсюду... Ленинский проект "свободы печати", предполагавший искоренение всей печати, кроме большевистской, своею смелостью превосходил самые безумные мечты царских ретроградов. Его можно было бы сравнить с проектом какого-нибудь Горемыкина или Дурново уничтожить всю независимую печать, а все ее средства обратить на издание правительственных органов и рептилий... Это сразу же оказалось старчески мрачной, но детски наивной утопией.

В лице рабочих печатного дела голос самой жизни и в столицах, и в провинции властно сказал ленинцам: руки прочь. Это не только идеалистическая теория свободы печати, это именно действительность в ее разумном сознании против исступленно фанатической утопии. Покушение оказалось с негодными средствами.

Номер той же газеты от 3 ноября приносит

другое проявление того же сознания разумной действительности, охватывающей рабочую среду. В газете помещен протокол экстренного собрания служащих и рабочих новой центральной городской нагорной станции. В городе носились слухи, что предприятия, обслуживающие городские нужды, намерены забастовать в виде протеста против выступления большевиков. В постановлении собрания служащих и рабочих говорится по этому поводу, что

> "разного рода забастовки, идущие против большевиков, приносят больше вреда населению, которое лишится последней возможности спокойного существования, и такого рода выступления, по мнению общего собрания, преступны перед населением, так как ясно ведут к погромному выступлению.
>
> Поэтому общее собрание выражает резкий протест против других предприятий, которые своими необдуманными забастовками приносят большой вред населению.
>
> Общее собрание доводит до сведения всех граждан города, что оно может быть спокойно на все время переживаемых событий как в отношении снабжения водой, так и электрической энергией.
>
> Следуют подписи".

В этом постановлении подчеркиваем следующие черты: во-первых, стремление изолировать

забастовками большевистские притязания. Во-вторых, — совершенно разумный призыв служащих и рабочих поставить интересы всего населения выше партийной борьбы.

Когда этот здоровый и широкий истинно гражданский мотив обобщится настолько, что станет не только местным, но и общим, то есть, когда над партиями и их борьбой встанет идея общего отечества, просветленная борьбой за свободу и тяжкими испытаниями; когда все классы научатся проверять свои требования, и в случае надобности подчинять их мысли об общих интересах отечества, — тогда можно будет сказать, что в России начинается выздоровление. Сознание отечества будет первым проблеском здорового революционного сознания, затемненного бредовым кошмаром последних дней".

"Полтавский день", 14.11.1917, № 246.

15 ноября

Консилиум врачей. Предписано временное воздержание от всякой работы.

БК, с. 247.

Запись в дневнике: "В Бахмаче разграбили винный склад. Толпа была отвратительна. /.../ Как-то даже замирает естественное чувство жалости: не жаль этих опивающихся и сгорающих скотов. А в сущности, конечно, должно быть жаль".

1917

16 ноября

Пишет Н. В. Ляхович о выборах в Учредительное собрание: ”Есть уже цифры: всего больше кадет. /.../ Я голосовал на этот раз за народных социалистов. /.../ Горький в ”Новой жизни” спохватился и теперь громит большевиков”.

АКЛ

18 ноября

В ”Русских Ведомостях” напечатан ”Протест В. Г. Короленко в защиту свободы печати”:

”Газета ”Полтавский день” вышла с белыми страницами, на которых вместо обычного текста красовалась только одна фраза: ”Редакция протестует против воскрешения политической цензуры”.

Провинциальная печать по этому поводу печатает письмо В. Г. Короленко:

”Мне, профессиональному писателю, кровь бросилась в лицо от стыда и негодования, когда я увидел этот нумер ”Полтавского дня” с белыми полосами, в которых так ясно почувствовалась властная ”рука-владыка”, считающая себя вправе стать между гласностью и населением нашего края.

Я спрашиваю: по какому праву это сделано и в чьих интересах? Ответ ясен: без всякого права и в интересах узко партийных и односторонних. В Полтаве истинно неисповедимыми судьбами водворилась худшая и самая унизи-

тельная из цензур, потому что эта цензура партийная, во-первых, и самозванная, во-вторых. Это — не прежний гнет, полный и бессмысленный, ложившийся равномерно на весь народ и на все партии как стихия. Это — просто попытка одной партии наложить печать молчания на остальные, инакомыслящие и не разделяющие ее ожиданий.

В последнее время я по личным обстоятельствам держусь в стороне от активной местной политики. Но в такие дни, как нынешние, нельзя молчать. А постыдное зрелище газетного листа, изуродованного послереволюционными цензурными пробелами, наложенными неизвестно в каких видах и целях, меня, старого писателя, всю жизнь отстаивавшего свободу слова, побуждает к горячему протесту.

И я спрашиваю опять: кто и по какому праву лишил меня, как читателя и члена местного общества, возможности знать, что происходит в столице в эти трагические минуты? И кто заявляет притязание закрыть мне, как писателю, возможность свободно высказывать согражданам свои мысли об этих событиях без цензорской указки? И во имя каких государственных или общественных интересов я обязан этому подчиниться?

У меня нет к этому желания, у господ цензоров нет права. Но если речь идет не о праве, а только о фактической возможности принудить меня подчиниться предварительной цензуре, то я жду от нее по меньшей мере того приема, кото-

рый практиковала хотя бы позорной памяти цензура губернаторских чиновников: вычеркивая "преступное содержание", она не посягала на заглавие и подпись. Пусть будет ясна причина молчания. Явление дикое, странное, парадоксальное, но... очевидно, водворившееся в Полтаве как торжествующий факт".

"Русские Ведомости", 18.11.1917, № 253;
ср. "Газета-протест Союза русских писателей",
Пг., 26.11.1917.

19 ноября

Пишет С. Д. Протопопову о брошюре "Война, отечество и человечество": "Я думал об этих вопросах еще во Франции, читая наши русские "интернационалистские" газеты, в которых так опошливался интернационализм, что в нем не было бы места ни Бебелю, ни Жоресу".

Петерб. сборник, с. 134.

22 ноября

В № 1 петроградской газеты "Слово в цепях" (орган ЦК трудовой народно-социалистической партии, вместо закрытой газеты "Народное слово"; редактор А. В. Пешехонов; издатель А. Б. Петрищев) напечатано: "Телеграмма В. Г. Короленко. Наша редакция получила из Полтавы от В. Г. Короленко телеграмму следующего содержания: "Глубоко возмущен насилием, совершенным в лице Плеханова над истинными друзьями

народа, не забывшими, что сила революции в возвышенных стремлениях человечности, разума и свободы, а не в разнуздании животных инстинктов вражды, произвола, насилия. Животные побеждают порой человека в человеке, но такая победа не прочна. Бывают случайные положения, когда по словам поэта Якубовича:

”Не тот, кто повержен во прах, побежден,
Не тот, кто разит, победитель”.

С зловещей печатью Каина на челе нельзя оставаться надолго вождями народа; плод той победы: убивающее партию негодование всего человечного в стране.

Короленко”.

24 ноября

Запись в дневнике: ”Южному Краю” пишут из Лебедина: недавно разгромлено имение Василевка, ген. Глазмана. Прежде всего перепились на винном заводе. Задохлись в цистерне 3 человека, 8 опилось до смерти, 22 отправлены в больницу... Племенной скот и инвентарь растащили по домам. Действовавшие энергичнее или явившиеся ранее захватили больше, что вызвало неудовольствие солдаток: их мужей не было, когда они явятся, придется устроить новый дележ всего крестьянского имущества поровну...”

1917

29 ноября

Запись в дневнике (по поводу эсеровской угрозы террором): "Этого еще не доставало! /.../ Сделать из Лениных и Троцких мучеников пролетариата, оправдать заугольным насилием открытые насилия красногвардейцев... Идея! А ведь чего доброго. Мы и после революции остаемся рабами..."

Ноябрь

Отвечает 15-летней девочке Людмиле Умыруко-Запольской, жаловавшейся на окружающую ее жизнь: "Кругом я вижу только гадости и подлости, приходится разочаровываться в людях, а это больно". Короленко ответил анализом почерка ее письма: "Я, человек занятой, на прочтение Вашего коротенького письмеца должен был затратить усилий втрое больше, чем на прочтение иного длинного. /.../ В старости человек меняется, но вот я, старик, пишу Вам разборчиво и внятно. Это потому, что я не позволяю себе писать кое-как и думаю о том, что письмо будут читать другие. /.../ Постарайтесь все, что Вы *должны* делать, — делать хорошо, отчетливо, просто. Может, есть в Вашем поведении такие же ненужные трудности, как и в Вашем почерке".

"Вечерняя Москва", 8 февраля 1964 г., № 3.

1 декабря

Пишет Н. В. Ляхович о начале работы над очер-

ками "Земли! Земли!": "Начал новую работу, которая мне очень нравится. Тон для нее уже взят, – в полуповествовательной форме о земле и о других основных внутренних вопросах. Первые главы уже набросаны. Работаю не спешно и с удовольствием".

АКЛ.

3 декабря

В "Русских Ведомостях" № 265 напечатана статья "Торжество победителей", опубликованная также в Петрограде, Киеве, Харькове, Одессе, Екатеринославле.

Статья является ответом на статью А. В. Луначарского "Сретение" в петроградских "Известиях" 17 ноября.

Нарком просвещения рассказал, как к нему в Зимний дворец пришел старый литератор Иероним Ясинский, чтобы подобно библейскому Симеону-богоприимцу сказать свое "ныне отпущаеши" новой власти.

Короленко напомнил позорную литературную биографию Ясинского: "Итак, гражданин Луначарский, к вашим кровавым именинам в Зимнем дворце влетела не первая ласточка независимой русской литературы /.../, но в лице И. И. Ясинского в окровавленный пролом Зимнего дворца вползла к вам только старая рептилия, привыкшая извиваться перед всякой восходящей силой /.../. Вы торжествуете победу, но эта победа ги-

бельная для победившей с вами части народа, гибельная, быть может, и для всего русского народа в целом. /.../

И вот почему в момент торжества вы боитесь свободного слова так же, как боялось его самодержавие в периоды наибольшего могущества. И вот почему вы стремитесь уничтожить независимую литературу. Вы закрываете газеты, вы арестуете редакторов и сотрудников "за направление", вы вводите самое ненавистное и самое глупое из орудий царского гнета, – предварительную цензуру... И вот теперь я не знаю даже, куда направить эти строки моего протеста, и обращаю их ко всем, кому дорога свобода русской мысли, русского слова и русской воли. Да, и русской воли! Вот вы уже цинично заносите руку насилия над всеобщим избирательным правом, разгоняете избранные всеобщим голосованием Думы и готовитесь насильственно подавить самый голос Учредительного собрания. И это понятно: власть, основанная на ложной идее, обречена на гибель от собственного произвола.

Берегитесь же! Ваша победа – не победа. Русская литература, и притом вся она, как вы сами говорите, – "безукоризненная", марксистская и народническая, социалистическая, демократически радикальная и либеральная, вся она, без различия партий, оттенков и направлений, – *не с вами, а против вас.*

Горькие уходят, приходят Ясинские... И я по-

здравляю вас, бывший писатель, а ныне министр-комиссар, гражданин Луначарский, с этой символической заменой".

"Русские Ведомости", 3.12.1917, № 265.

Почти одновременно, 6 декабря, Горький писал в "Новой Жизни": "Лирически настроенный, но бестолковый Луначарский навязывает пролетариату в качестве поэта Ясинского, писателя скверной репутации". (Архив А. М. Горького, Т. XIV, М., 1976, с. 76.)

Пишет Т. Н. Галапуре: "У писателей-самоучек из народа есть одна черта: они думают, что уже самое их положение — "из народа" делает их мнения интересными. /.../ В Ваших писаниях сквозит некоторое высокомерие: о мужицком деле что могут сказать "писатели из народа". А между тем никто еще не описывал народную жизнь лучше дворянина Тургенева, или разночинца Успенского, или *графа* Толстого. И о вопросах земли сказано много умного экономистами, никогда не ходившими за плугом.

Вы ошибаетесь также, думая, что для меня было неожиданно то, что у нас случилось, в большей степени, чем для Вас, и что я, как увлекшийся мальчик, готов отречься от всей своей жизни".

СС, т. 10, с. 563—564.

5 декабря

Запись в дневнике: "Наша психология — пси-

хология всех русских людей — это организм без костяка, мягкотелый и неустойчивый. Русский народ якобы религиозен. Но теперь религии нигде не чувствуется. Ничто "не грех". Это в народе. То же и в интеллигенции. /.../ Успех — все. В сторону успеха мы шарахаемся, как стадо. /.../ Это и есть страшное: у нас нет веры, устойчивой, крепкой, светящей свыше временных неудач и успехов. Для нас "нет греха" в участии в любой преуспевающей в данное время лжи. /.../ И оттого наша интеллигенция, вместо того, чтобы мужественно и *до конца* сказать правду "владыке народу", когда он явно заблуждается и дает себя увлечь на путь лжи и бесчестья, — прикрывает отступление сравнениями и софизмами и изменяет истине...

И сколько таких неубежденных глубоко, но практически примыкающих к большевизму в рядах той революционной интеллигенции, которая в массе способствует теперь гибели России, без глубокой веры и увлечения, а только из малодушия и без увлечения. Быть может, самой типичной в этом смысле является "модернистская" фигура большевистского министра Луначарского. Он сам закричал от ужаса после московского большевистского погромного подвига... Он даже вышел из состава правительства. Но это тоже было бесскелетно. Вернулся опять и пожимает руку перебежчика Ясинского и... вкушает с ним "идоложертвенное мясо" без дальнейших оглядок в

сторону проснувшейся на мгновение совести...

Да, русская душа — какая-то бесскелетная. У души тоже должен быть свой скелет, не дающий ей гнуться при всяком давлении, придающий ей устойчивость и силу в действии и противодействии. Этим скелетом души должна быть вера... Или религиозная в прямом смысле, или "убежденная", но такая, за которую стоят "даже до смерти", которая не поддается софизмам ближайших практических соображений, которая говорит человеку свое "non possumus" — "не могу". И не потому не могу, что то или другое полезно или вредно практически, с точки зрения ближайшей пользы, а потому, что есть во мне нечто не гнущееся в эту сторону... Нечто выше и сильнее этих ближайших соображений.

Этого у нас нет или слишком мало..."

8 декабря

Пишет Н. В. Ляхович о статье "Торжество победителей": "Я послал во многие газеты, так как нельзя быть уверенным, что данная газета не закрыта. В Петрограде, кажется, ни "Речь", ни "Народное Слово" не существует. Мне хотелось, чтобы мое отношение к этой мерзости было ясно. Теперь я сравнительно успокоился".

АКЛ.

13 декабря

В "Петроградской вечерней почте" № 19 напе-

чатана статья И. Ясинского "Золото... но американское. Мой ответ В. Г. Короленко". К статье Ясинского редакция дала предисловие: "Считая необходимым предоставить место ответу И. Ясинского обвинителям его (свободная печать не должна никому затыкать рта, если она не большевистская, тем более лишать слова обвиняемого), — мы в то же время несколько удивлены "большевистскому" тону талантливого писателя. Старый журнальный "Юпитер" не должен сердиться, если он прав".

Ответ Ясинского остался не известен Короленко. 19 января 1918 г. он писал А. Г. Горнфельду: "В какой-то малораспространенной газетке старая рептилия Ясинский что-то отвечал мне, но эта газета, посланная мне из Питера, — потерялась, и я ее не получил. Это жаль. Мне было бы очень легко написать "случайную заметку" для "Русского Богатства". /Горнфельд, с. 149/.

Горнфельд, с. 149.

15 декабря

Запись в дневнике: "К Косте Ляховичу обратились неожиданно за советом большевики из "Совета революции", что им делать: украинцы взяли верх и собираются их арестовать. /.../ А силы у большевиков нет. Их "правительство" парализовано: убили общерусский патриотизм, вытравили сознание отечества в рабочей и солдатской массе, и теперь областные патриотизмы одолевают их

на куски. Каждая часть живет собственной жизнью. /.../ А разумная федерация — это несомненное будущеее свободной России".

28 декабря

Запись в дневнике: "Наконец, "оно" пришло. Полтава три дня пьянствует и громит винные склады. /.../ Около нас тоже есть склад, и потому на нашей улице то и дело таскают ведрами, бутылками, кувшинами красное вино. Я пошел туда. Зрелище отвратительное, хотя и без особенного "исступления". /.../

— Все наше, — кричат солдаты. — Буржуи попили довольно. Теперь мы...

При всякой подлости выдвигается этот мотив. /.../ Охрана тоже ненадежна. От складов погром уже перекинулся на магазины. /.../ Тротуары засыпаны мукой. /.../

Я болен. Меня очень волнует, что я не могу, как в 1905 году, войти в эту толпу, говорить с ней, стыдить ее. /.../

Но не нашлось пока никого, кто собрал бы этих протестующих, кто сорганизовал бы их и придал силу. Несомненно, что достаточно было бы вначале немного, чтобы остановить погром. Но этого не сделано, как это бывало и при прежних "царских" погромах. /.../

Мне захотелось предложить этим людям тотчас же подойти к толпе и начать стыдить ее, говорить ей. Но сильное стеснение в груди тотчас же

напомнило мне, что у меня теперь для этого не хватит голоса. Я пошел вдоль решетки сада... Меня обогнали четыре человека: двое рабочих, женщина и солдат. Они несли три ведра вина. Солдат, шатаясь, шел сзади с видом покровителя.

— Что, будет вам три ведра на троих?.. А, будет, что ли?..

Обогнав меня, железнодорожный рабочий взглянул мне в лицо и что-то сказал другому солдату. По-видимому, он узнал меня. Они пошли быстрее. Только солдат вдруг повернулся и пошел пьяной походкой мне навстречу.

— Что, старик?.. Осуждаешь?..

— Идите, идите своей дорогой, — ответил я, чувствуя опять приступ болезни... Прежде я непременно ответил бы ему, и, может быть, собрал бы толпу... Но теперь, и именно сегодня, должен был от этого отказаться. И я чувствовал к этому человеку только отвращение, а с этим ничего не сделаешь.

— Ступайте своей дорогой...

Он повернулся и сжал кулак.

— Не осуждай!.. Это кровь наша! Четыре года в окопах...

Один из рабочих взял его под руку, и вся компания ушла вперед...

//Пожилой извозчик://

— Что делается, что делается! Вот тебе и свобода! Теперь не иначе, только придут чужие народы,

поставят свое начальство. Пропала наша Россия. Нет никакого порядка.

Теперь слово "свобода" то и дело звучит именно в этом значении. /.../

Сколько времени придется еще очищать лик этой загрязненной свободы, чтобы он опять засветился прежним светом..."

1918

4–5 января (22–23 декабря ст. ст.)

В "Правде" №№ 221–222 напечатана статья "Советское правительство и Вл. Короленко", подписанная – "Интеллигент из народа". Автором ее был литератор И. С. Книжник-Ветров, работавший в то время в редакции "Правды" (см. Ив. К н и ж н и к. Октябрьская революция в Доме писателей. – "Красная летопись", 1923, № 6, с. 193, 198–199).

В начале статьи говорится: "В "Деле Народа" от 5 декабря помещена большая статья Вл. Короленко "Торжество победителей", направленная против Рабочего и Крестьянского Правительства. Короленко – величайший писатель России из живых в текущий момент, и к голосу его нельзя относиться равнодушно".

Возражения автора носят риторический характер следующего рода: "Вы говорите, Владимир Галактионович, что правительство "разогнало" городские думы. Но оно их не разогнало, а только временно распустило, пригласив население к проверке выборов, вследствие требования части самого же населения". Автор заключает, что "все упреки, которые Вы делаете Советскому правительству, /.../ лишены основания".

По поводу инцидента с Ясинским автор гово-

рит: ”Велика же ваша злопамятность, если гадость, совершенную И. И. Ясинским 21 год тому назад, вы не согласны простить ему даже теперь /.../. А. В. Луначарский тоже знал о ”небезукоризненном” прошлом И. И. Ясинского, но он поступил по завету Христа относительно блудницы...”

Статья заканчивается обращением к Короленко: ”Народ нуждается в вашей помощи, так как знает, что вы не из тех, кто лишь любит на словах ”в богато убранной палате потолковать о бедном брате, погорячиться о добре”...

13 января (31 дек. ст. ст.)

В ”Правде” № 227 напечатано стихотворение Демьяна Бедного ”Горькая правда” с посвящением: ”Посвящается всем отшатнувшимся от народа писателям, М. Горькому и В. Короленко особливо”. Стихотворение заканчивается строками:

”Родной народ, любя писателей своих,
Как ГОРЬКО ими ты обманут!”

3/16 января

”Киевская мысль” №2 печатает статью Короленко ”Московский ”большевик” Моисеев” о присяжном поверенном А. М. Моисееве, который в 1913 году был приговорен в Полтаве окружным судом к году тюремного заключения за мошенничество. В ноябре 1917 года он прислал в

Полтаву предложение прочесть лекции на тему — "Переворот октябрь-ноябрьских дней в Петрограде и Москве и влияние его на европейскую революцию". За каждую лекцию требует вознаграждение в полторы тысячи рублей. Моисеев называет себя членом Московского совета солдатских депутатов и членом президиума Московской военной организации РСДРП, утверждает, что принимал деятельное участие в Октябрьских событиях, знает лично всех участников переворота.

Короленко комментирует: "Права г-на Моисеева на общественное внимание, как мы видим, основаны на двух мотивах. Первом — крупное воровство. Этот мотив неоспоримый. Второй, конечно, не установлен с такой же достоверностью, и может возникнуть сомнение: быть может, г-н Моисеев в этом случае является лишь Хлестаковым, и московские большевики поспешат отречься от лестного сотрудничества... Посмотрим. А пока...

Чего, в самом деле, не бывает в наши дни? Очень вероятно, что г. Моисеев теперь действительно "видный большевик". И не в его власти (и не в нашей также) сделать так, чтобы рядом с этим новым званием не всплывало также другое... Впрочем, это так теперь привычно: Рейснеры, Деконские, Моисеевы отлично прижились к большевизму, и большевизм отлично уживается с ними".

"Киевская мысль", 3.1.1918, № 2.

1918

5/18 января

Открытие Учредительного собрания в Петрограде. Как старейший член, собрание открыл С. П. Швецов. (Учредительное Собрание. Стенографический отчет. Пг. 1918, с. 3.) В "Истории моего современника" Короленко писал в главе "История юноши Швецова": "Сергей Порфирьевич Швецов, впоследствии известный сибирский статистик и писатель, игравший в последние годы довольно видную роль в период неудавшегося Учредительного собрания". (В. Г. Короленко. История моего современника. М., 1965, с. 603.)

6/19 января

Запись в дневнике: "Сплошное скотское пьянство, наконец, прекратилось. В центре города оно было еще безобразнее. В Думе было решено уничтожить все вино и спирт. /.../ Вино выливалось на улицы или в овраги. Текло по сточным канавам мимо больницы. Эти "люди" ложились и лакали по-собачьи из канав. /.../ Солдаты озлоблены: "наше народное вино выливают". Ляховича, энергично распоряжающегося этим делом, грозят убить".

Вступление в Полтаву большевистских эшелонов под командованием Муравьева.

БК, с. 248.

13/26 января

Пишет А. В. Пешехонову: "У нас тут орудует теперь некий загадочный Валленштейн, именуе-

мый Муравьевым. /.../ Муравьев разрешает социальный вопрос очень просто: арестует богатых людей и затем "деликатно" торгуется. У нас в Полтаве требовал миллион. Сошлись на 600 тысячах. Прежде всего, конечно, удовлетворяются ландскнехты нового Валленштейна, остальное идет на "социальный вопрос". А зато он разрешил вопрос о "власти" и дисциплине. Солдатам грозит расстрелом без суда, офицерам также. Вопрос о смертной казни тоже уже разрешен: в Совете рабочих и солдатских депутатов, на членов которого он кричал, как какой-нибудь Думбадзе в Ялте, — он прямо буквально заявил:

— "Нам говорят: судите, но не казните. Отвечаю: буду казнить, но не судить".

/.../ Для меня этот человек (с несомненным черносотенным прошлым) — загадка, и едва ли Ленин, приславший одобрение его методам в решении социальных проблем, не окажется в больших дураках".

Т. Х. (Дублеты)

15/28 января

Запись в дневнике: "Из Питера получено известие (с оказией) и, кроме того, напечатано в харьковской "Земле и Воле". В лазарет ворвались "неизвестные" и убили ночью Шингарева и Кокошкина. Два чистых и умных человека, очень много сделавших для русской свободы... Ленин

приказом требует разыскать убийц. Конечно, приказывается не для исполнения".

19 января / 1 февраля/

Пишет А. Г. Горнфельду: "Вдобавок ко всему — выступает террор с одной и другой стороны. Какие-то злые пауки, пожирающие друг друга. Какая польза была бы от убийства Ленина? Впрочем, кажется, и покушение — по-видимому, проблематично. Но было глупо со стороны Чернова грозить террором. Вообще, я считал его умнее".

Горнфельд, с. 149.

22 января /4 февраля/

Пишет Н. В. Лякович: "В "Правде" была статья по моему адресу (целых два фельетона). Тон вполне приличный и по существу. Думаю ответить. Но это было еще... 4 января!"

АКЛ

24 января /6 февраля/

Запись в дневнике: "Не успеваю записывать. Мирная манифестация за Учредительное собрание 5 января расстреляна большевиками. /.../

Одному латышу-красногвардейцу сказали:

— Зачем вы убиваете рабочих?

— Рабочим было приказано сидеть дома.

— Так же было "приказано" и 9 января."

27 января /9 февраля/

Письмо от комитета библиотеки служащих

Пермской ж. д. и съезда движенцев с просьбой разрешить назвать библиотеку именем Короленко.

"Вечерняя Пермь", 9.9.1972, № 212.

30 января /12 февраля/

Письмо Короленко в Петроград редакционной коллегии "Русского Богатства" в связи с 25-летием журнала:

"Дорогие товарищи!

Только вчера из столичных газет (которые на этот раз пришли несколько скорее, чем это ныне обычно) узнал о том, что 1 февраля предполагается отметить юбилей "Русского Богатства". Не знаю, поспеет ли моя приветственная телеграмма, и не уверен, что она опередит это мое письмо. Теперь ведь телеграммы иногда доставляются чуть ли не с товарными поездами. Как бы то ни было, — шлю душевный привет товарищам по литературе и тем друзьям-читателям, которых в этот день соединит признание общности наших задач.

С грустной отрадой вспоминаются образы дорогих ранее ушедших товарищей. С гордостью думаю, что в нашей дружеской журнальной семье, собравшейся вокруг Н. К. Михайловского, всегда жила вера, которая стояла выше и коренилась глубже временной смены партийных и классовых взглядов, восходя к высшим началам вечной правды. Михайловский умел схватить основной

жизненный нерв интеллигенции, определить ее право на самостоятельную роль и великое ее значение в общественной жизни — в сжатой формуле, противуполагавшей *идеалы идолам*. Теперь об этом приходится вспоминать особенно часто, когда одностороннее классовое идолопоклонство грозит затемнить лучшие стремления русской интеллигенции к правде, социальной справедливости, к разуму и истинной свободе.

Я — старший годами из оставшихся товарищей, чувствую, что теперь моя очередь присоединиться к ранее ушедшим друзьям.

Время бурное и туманное, пути застилаются мглою. Но я верю, что русский народ найдет свою дорогу среди этого бездорожья. Верю также, что русской интеллигенции суждено сослужить ему при этом прежнюю службу, и надеюсь, что моим более молодым товарищам предстоит еще много хорошей работы, под знаменем неугасимой веры наших покойников. Тьма часто сгущается перед рассветом, а рассвет встает мглистый и бурный.

Тем с большим одушевлением повторим старый клич одного из величайших представителей русской интеллигенции:

"Да здравствует солнце, да скроется тьма!"

Да здравствует вечное солнце истины и свободы, которым суждено сменить неправду и насилие отжившего строя, и пусть не удастся в будущем прежнему произволу, хотя бы и в новых

формах, подменить истинную свободу обманчивыми призраками без содержания.

Еще раз привет всем работающим для журнала, до самых скромных его тружеников, а также всем тем, кого в этот день общие стремления соединили в один дружеский круг.

Ваш Вл. Короленко.

Вся наша семья присоединяется к этому привету.

30 января 1918 г."

"Русское Богатство", 1918, № 1–3, с. 340.

Запись в дневнике: "Меня всегда возмущало слишком раннее вовлечение юношества в "политику". А между тем – несколько поколений прошло эту школу скороспелок. И за это Россия теперь платится. Общее негодование русского общества изливалось только в словах, не имея действительного исхода. И это словоизлияние было непрестанной пропагандой, обращенной к юношеству. За этот грех долгого подавления русской активности Россия расплачивается ужасной ценой: дети умирают и убивают, не имея понятия за что".

Начало февраля

Бессонница, сердечные боли; консилиум врачей.

БК, с. 248.

1/14 февраля

25-летний юбилей "Русского Богатства". Тор-

жественное собрание в Петрограде, почетным председателем выбрана В. Н. Фигнер.

Из приветствия А. Ф. Кони: "Душевно присоединяюсь к чествованию органа, четверть века стоявшего за человечность и справедливость и тесно связанного с таким благородным именем, как В. Г. Короленко".

"Русское Богатство", 1918, № 1–3, с. 358.

9/22 февраля

Пишет Н. В. Ляхович: "Вчера принялся за "Современника" и продиктовал Соне для начала несколько страниц".

ППСС, т. V, с. 17.

26 февраля /10 марта/ (так!)

Пишет Н. В. Ляхович: "Не писал тебе дня три, а может, и четыре. Причина та, что это время увлекся "Современником". И ложусь, и встаю с мыслью об этой работе. Сначала диктовал Соне, теперь Пашеньке. Каждое утро работаю с 10 утра до 12 1/2 или часу. Больше пока еще остерегаюсь. Сначала с непривычки диктовать мне было труднее, чем писать, но теперь привык и, наоброт, диктовать стало легче. Так работаю дней 10 и уже написал около двух печатных листов. Это меня необыкновенно ободрило..."

ППСС, т. V, с. 17.

4–8 /17–21/ марта

Письмо к неустановленному лицу в Петроград:

1918

"Скоро, быть может, мы окажемся в разных государствах. В Киеве уже немцы, "союзники украинцев". Третьего дня приехала оттуда одна дама. Выехала по точному расписанию, ganz akkurat, как в Берлине. Те же начальники станций, те же кондуктора. Только в вагонах чисто, вставлены стекла, никто не ломится, нет давки, — точно волшебство. Просто обидно думать, что этот весь хаос — результат одной некультурности и дикости народа, который думает вести человечество по пути переустройства жизни...

Как бы то ни было — пишу Вам пока из незанятой Полтавы. Большевики "укладываются", но еще самодурствуют и производят дикие реквизиции. Придут украинцы, — начнут, пожалуй, самодурствовать по-другому. А там, пожалуй, начнутся самодурства "реставрационные". Еще мгла кругом. Нигде не видно простых, ясных, азбучных представлений о начале свободы... Ну, да все это ясно, и повторять ни к чему. Теперь ждем самого мрачного: когда одни станут уходить, другие приходить. Впрочем, все уже стало привычно. Нервы притупились. В среде рабочих и простого народа поворот против большевиков. И дело не в программах, а просто в "бытовом явлении". У хлеба хвосты стоят уже и у нас. И в это время подъезжает автомобиль, приостанавливаются все очереди, накладывают полный автомобиль припасов и уезжают... "Это для большевиков". В толпе ропот. При прежнем режиме это

умели делать приличнее, не так грубо. — Третьего дня к бедному рабочему, зарабатывающему пилкой дров, пришли два "красных гусара". Они и гулять ходят вооруженные. Потребовали денег. Тот отдал 10 рублей. Обиделись и, не говоря худого слова, один застрелил хозяина. Мало! Товарища задержали, убийца убежал. Понятно, все ждут: когда этому конец! Обидно до отчаяния, что прихода немцев многие, в том числе самый настоящий народ, ждут как избавления... В ожидании — сносят пограбленное в экономии.

Ей-Богу, садился, не желая писать всего этого. Но... тронь теперь русского человека, из него польются все те же мотивы...

Письмо задержалось дня на два-три... Немца все еще нет, но он близится и, пожалуй, это последнее письмо перед тем, как мы отчалим за границу. "Порядка" станет больше, но будет не менее тяжело жить в атмосфере позора и измены общей родине. Ужасно! И наверное расцветет отвратительный национализм. Для городского населения, интеллигентного и полуинтеллигентного, русский язык ближе украинского, и переучиваться приходится, например, учителям и служащим города, земства и т. д. искусственно... Пойдет теперь та же история наизнанку: маскарадный и "квасной" патриотизм!..

Вчера над нами летал аэроплан, — пока не знаем, немецкий или русский. Вчера же и сегодня приходят доброжелатели, предупреждающие, что

будто бы большевики решили взять заложников, отступая из Полтавы, в том числе якобы намечен я и Л. //Ляхович//. Другие это отрицают, и я думаю, что это, вероятно, неверно. Но... все может статься. Мне, будь я здоров, это было бы даже интересно. Теперь было бы трудно. Впрочем, почти наверное этого не будет".

"Народное слово" (М.), 19.4.1918, № 1.

Ср. "Петроградское эхо", 2.4.1918, № 41.

Судя по отметке в записной книжке-календаре Короленко 10 марта 1918 г. (ст. стиля), это письмо было адресовано Т. А. Богданович. (ГБЛ, ф. 135, 1295, л. 61).

6/19 марта

Запись в дневнике: "Немцы заняли Киев, движутся к Полтаве. //Одна знакомая// приехала из Киева в аккуратно составленном и аккуратно вышедшем поезде. Стоило прийти немцам, и русские поезда пошли как следует. Доехали до Ромодана. Полторы версты пешком, а там опять теплушка, опять грязь, разбитые окна, давка, безбилетные солдаты, отвратительный беспорядок. И этому народу, не умеющему пустить поезда, внушили, что он способен пустить всю европейскую жизнь по социалистическим рельсам. Идиотство. Кровавое и безумное.

//Убийства, грабежи//. Все это вызывает глухую вражду в населении, — не против большевистских программ, — в этом отношении масса,

пожалуй, не прочь от большевизма, – но против данного бытового явления. Большевик – это наглый "начальник", повелевающий, обыскивающий, реквизирующий, часто грабящий и расстреливающий без суда и формальностей. У нас теперь тоже хвосты у хлеба. Стоят люди целые часы, зябнут, нервничают. Вдруг выдача приостанавливается. Подъехал автомобиль с большевиками. Им выдают без очереди, и они уезжают, нагрузив автомобиль до верху... В Петербурге все голодают. Но стоит быть близким к большевикам, чтобы не терпеть ни в чем недостатка: они питаются от реквизиции".

9/22 марта

Напечатана статья Короленко (без подписи) "Нужна ли дума? (Ответ "Вістям Ради")" в полтавской газете "Свободная Мысль" (орган объединенных социалистов).

БК. с. 248.

11/24 марта

Запись в дневнике: "Самая глупая теперь позиция этих анти-оборонцев, так называемых (неправильно) "интернационалистов". Самый талантливый из них Мартов. Теперь громит большевиков за тягостный и позорный мир. Но еще недавно восставал против "оборонцев" и "соглашателей", как будто можно было защищать Россию иначе, как дружным ополчением всех на защиту отечест-

ва! Великую задачу защиты родины они сделали задачей узкопартийной. Внушили народу, что война — дело исключительно капиталистов и буржуев, а для рабочего народа она безразлична. Теперь оказывается, не безразлична... И они винят одних большевиков, когда и для них кличка оборонцев была позорной".

12/25 марта

Запись в дневнике: "За ночь ограблено 6 магазинов. Днем разгромы продолжаются. Идет стрельба. Грабят и громят красногвардейцы и хулиганы. /.../

Часов с 2-3-х большевистскому начальству удалось удалить орду грабителей. У вокзалов поставлены сильные заставы. /.../ Эвакуируются лишь по одному направлению — на Лозовую. Беспорядочная орда, грозя расстрелами, вынуждает железнодорожников пускать поезда без очереди и без "отходов". От этого произошло крушение, к счастью, в таком месте, что можно было скоро очистить путь".

Отметка в записной книжке-календаре: "Работал (беспорядки в Петровской академии")

ГБЛ, ф. 135, 20.1295.

Имеется в виду глава "Волнения в Петровской академии" во 2-м томе "Истории моего современника".

1918

15/28 марта

Поездка в штаб (на вокзал) по делу о крестьянах села Мачехи, приговоренных к расстрелу. (Крестьяне освобождены).

БК, с.248.

Запись в дневнике (по поводу разговора в "юридической секции штаба"): "Великая народная революция считает человеческую жизнь священной. Она преследует великие цели, но к ней примазалось много людей, не понимающих ее, и т. д... Мне припомнились сцены из Вальтер Скотта: индепендентские воины-проповедники также любили поговорить, так же легко вдохновлялись красноречием, хотя и другого характера. Там тон был божественный, тут — фразеология социализма. И часто много искренности личной, и масса лицемерия в общем".

16/29 марта

Вступление в Полтаву немецких войск и украинских отрядов Центральной Рады. Обстрел города.

БК, с. 248.

16–17 /29–30/ марта

Запись в дневнике: "Немцы и гайдамаки вступили в город. /.../ Большевики, застигнутые еще на вокзале, обстреливают город. Зачем? /.../ В этом — весь большевизм. Все небольшевистское

— враги. Весь остальной народ для них ничто. /.../

Начинаются безобразия и с другой стороны: хватают подозреваемых в большевизме по указаниям каких-то мерзавцев-доносчиков, заводят во дворы и расстреливают. /.../ Говорят также о грабежах. Немцы, по-видимому, довольно бесцеремонно приступают к реквизиции.

Вчера в вечернем заседании думы Ляхович сделал разоблачения об истязаниях, произведенных над совершенно невинными и не причастными даже к большевизму жителями. Тут были евреи и русские. Их арестовали, свезли в Виленское училище, положили на стол, били шомполами (в несколько приемов дали по 200—250 ударов), грозили расстрелять, для чего даже завязывали глаза, потом опять били и заставляли избитых проделывать "немецкую гимнастику" с приседаниями и кричать ура "вільной Украине и козацтву" и проклятия "жидам и кацапам". Потом всех отпустили".

18/31 марта

Запись в дневнике: "Среди гайдамаков рядовых оказывается много русских и украинцев-офицеров. Тут уже не программы. Большевистский идиотизм погнал их в эти ряды из простого чувства самосохранения".

20 марта /2 апреля/

В "Свободной Мысли" № 24 напечатана статья

1918

Короленко "Грех и стыд" по поводу истязаний, производившихся над арестованными в здании военного училища:

"Это грех и стыд... То, что происходило в застенке Виленского училища, дает черты поистине ужасные и позорные...

И пусть те, кто это делал и кто этим руководил, не говорят о естественном чувстве мести за пережитое ими самими. Да, они сами пережили, может быть, зверства и ужасы. Но в истинно человеческом сердце после этого должна явиться вражда ко всякому зверству, ко всякой слепой и беззаконной распре... /.../

Борьба людей должна отличаться от звериной свалки. А отличие это заключается в давно уже провозглашенном требовании: "Мужество в бою, великодушие к побежденному противнику".

СК, с. 312. 70-летие..., с. 13.

"После статьи "Грех и стыд" /.../ Короленко предупредили о готовящемся на него покушении, советовали скрыться. В. Г. Короленко ответил: "Я останусь здесь даже в том случае, если верны предупреждающие слухи. Смерть? Ну, так что же! Жизнь писателя должна быть также литературным произведением".

(Примеч. автора:) Подлинные слова В. Г. Короленко, записанные его домашними.

Г. Гайдовский. Дом В. Г. Короленко. — "Красная Нива", 1927, № 1, с. 19.

1918

21–23–28 марта /3–5–10 апреля/

Пишет Н. В. Ляхович в Крым.

Из письма от 21 марта /3 апр./: "Доклад твоего супруга в думе о зверствах, производимых вступившими в город украинцами, произвел огромное впечатление. Молодец Костя! Ему говорили, что это опасно и для него, и вообще. Но доклад был напечатан в "Свободной Мысли" вместе с моей статьей. Правду сказать, мы ждали репрессий для газеты. Но – номер быстро разошелся в количестве восьми с половиной тысяч и разошелся бы больше, но нельзя было больше напечатать, а сегодня появился ответ офицера украинца, написанный очень страстно (в виде ответа В. Г. Короленко), но обещающий сделать все для прекращения мести. Озаглавлено: "Стыдно и нам".

Из письма от 23 марта /5 апреля/: "Вчера газета закрыта. Украинцы разъярены. /.../ Сегодня вышла уже вместо "Свободной Мысли" – "Наша Мысль".

Из письма от 28 марта /10 апреля/: "Не писал почти неделю: не было надежды переслать. Теперь надежда является. В городе успокоились. Кажется, и отдельные случаи гнусных истязаний в Виленском училище прекратились".

СС, т. 10, с. 564–566.

21 марта /3 апреля/

Запись в дневнике: "Какой-то офицер украи-

нец принес в редакцию "Ответ украинского офицера на письмо В. Г. Короленко", озаглавленный "Стыдно и нам". /.../ "Верьте, Вл. Гал., что мы понимаем всю тяжесть вашего справедливого обвинения", но автор верит также, что и я пойму "тот ужас безысходный, те муки безотчетные, которые свободолюбцев и идеалистов сделали убийцами и дикими мстителями".

Письмо производит впечатление искренности. Несомненно, большевистские подстрекательства первые породили зверства дикой толпы над "буржуазией". Но зверства, хотя бы ответные, — все-таки зверства".

23 марта /4 апреля/ (так!)

Запись в дневнике: "Я диктовал Прасковье Семеновне свои воспоминания, когда мне сказали, что меня хочет видеть какая-то женщина. На замечание, что я занят, сказала, что дело касается меня и не терпит отлагательства. Я вышел. Женщина молодая, взволнована, на глазах слезы.

— Я пришла сказать вам, что вам нужно поскорее скрыться. Приговорены к смерти 12 человек, в том числе и вы. Только, ради бога, не говорите никому... Меня убьют...

— То есть не говорить, от кого узнал? Не могу же я скрыть от своих семейных.

— Да, не говорите, как узнали... Это очень серьезно... Мне сказал человек верный... Мы вас лю-

бим, хорошие люди нужны... Уезжайте куда-нибудь поскорее...

Я попросил ее достать список остальных обреченных и принести мне... Она обещала постараться...

Я вернулся и продолжал работать, хотя не скажу, чтобы сообщение не произвело на меня никакого впечатления... Начинается старая история: такие предостережения и угрозы мне приносили в 1905—6 годах со стороны "погромщиков" черной сотни... Теперь те же погромщики действуют среди вооруженных украинцев. Я, конечно, не скрылся, и мы с Костей вели себя, как всегда. Эти негодяи, если у них было такое намерение, наверное, не решились бы: представители самоуправления резко протестовали против всех этих безобразий, а мои статьи читались солдатами и вызывали сочувствие..."

СК, с. 313—314.

23 марта /5 апреля/

В "Нашей Мысли" напечатана статья Короленко "Два ответа" — украинскому офицеру, приславшему письмо "Стыдно и нам", и члену Центральной Рады П. Макаренко, обвинявшему Короленко в "великорусском национализме".

Из первого ответа: "Да, мне понятны эти чувства. Все, что совершалось в Петрограде, Москве, Севастополе, Киеве и Одессе, — все это ляжет не-

смываемым позором на нашу революцию, окрасившуюся большевизмом и кровью..."

Из второго ответа: "Мужество в бою и великодушие к побежденному противнику" — это лозунг не всепрощения, а борьбы... /.../

Я выступаю с подобными статьями не первый раз. Мне случалось защищать мужиков-вотяков в Вятской губернии, русских мужиков в Саратовской, сорочинских украинцев в Полтавской — против истязаний русского чиновника. Вотяк, черемис, еврей, великоросс, украинец — для меня были одинаково притесняемыми людьми. И каждый раз, — должен прибавить, — раздавались при этом нехорошие намеки и инсинуации вроде тех, к каким теперь прибегает г. Макаренко".

ППСС, т. XXXII, л. 187. СК, с. 313.

27 марта /9 апреля/

Запись в дневнике: "Мне попалась старая газетная вырезка из "Русских Ведомостей" (24 сентября 1917 г., № 218): //об аресте И. Рудзика, соучастника убийства М. Я. Герценштейна//.

Что большевики сделают с этим Рудзиком? Если бы Герценштейн дожил до 1917 года, то, вероятно, был бы убит теми же большевиками вместе с Шингаревым и Кокошкиным. Гамзеи и Рудзики избавили нынешних убийц от лишней работы. Кронштадтские герои, произведшие эти подлые убийства, остались ненаказанными... Почему же большевикам наказывать Рудзиков?"

1918

1/14 апреля

В "Нашей Мысли" напечатана статья Короленко "Добей его".

Дополнит. список, с. 23.

11/24 апреля

Отметка в записной книжке-календаре: "Раскладывал карту Глазовского уезда".

ГБЛ, ф. 135, 20.1295.

Ссылка Короленко в 1879—1880 гг. в Глазовский уезд Вятской губ. описана во 2-м и 3-м томах "Истории моего современника".

14/27 апреля

Сообщение полтавской социалистической газеты "Наша Мысль":

"Вчера в 5 1/2 часов вечера на квартиру писателя В. Г. Короленко явился немецкий вооруженный отряд из 6 солдат в сопровождении 2-х украинских офицеров, предъявивших ордер на имя Мирошниченко, за подписью коменданта города Самойленко для производства обыска в целях отобрания оружия. Таковогo не оказалось, и отряд удалился".

"Первая годовщина...", с. 20.

15/28 апреля

В "Нашей Мысли" напечатана статья Короленко "Характерное".

Дополнит. список., с. 23.

1918

Переворот в Киеве. Разгон Центральной Украинской Рады. Избрание гетманом Скоропадского.

БК, с. 248.

24 апреля /7 мая/

Торжественное заседание в Михайловском театре в Петрограде по случаю 75-летия со дня рождения Н. К. Михайловского. Выступали А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. И. Кареев, А. Н. Потресов, Е. Е. Колосов. Собрание устроило овацию Вере Фигнер, Вере Засулич, Г. А. Лопатину. По предложению В. А. Мякотина отправлена приветственная телеграмма В. Г. Короленко.

"Новая Жизнь", 8.5 /25.4/.1918, № 84.

27 апреля /10 мая/

В полтавской "Вольной Мысли", № 2 (сменившей закрытую "Нашу Мысль") напечатана статья Короленко "Пределы свободы слова":

"Когда, например, одна большевистская газета, перечислив по именам идейных противников большевизма, восклицала затем: "И эти люди еще живы", — то все разумные люди понимали, что газета перешагнула за пределы свободы /.../"

ППСС, т. XXXII, л. 191.

29 апреля /12 мая/

Полтавская социалистическая газета "Вольная Мысль" начинает публикацию "Дело по наблюдению за писателем Короленко. (По материалам канцелярии Полтавского губернатора)".

1918

Публикация содержит изложение жандармских документов о Короленко, относящихся к 1885—1892 гг., из архива Нижегородского жанд. губ. управления и материалы слежки за Короленко, начиная с его переезда в Полтаву в 1900 году по март 1908 г.

Публикация продолжалась в № 5 от 1/14 мая, № 12 от 11/24 мая, № 15 от 15/28 мая; затем в газете "Наша Мысль" (сменившей закрытую "Вольную Мысль"), № 6 от 27 мая/9 июня/, № 9 от 31 мая/13 июня/ и № 14 от 7/20 июня.

Под публикацией стоит подпись — П. М-н, являвшаяся криптонимом близкого к семье Короленко журналиста Петра Андреевича Митропана. (Род. 1 августа 1891 г. в Орле, учился в Полтавской гимназии, из которой был исключен за революционную деятельность в 1907 г.)

По сообщению П. А. Митропана в письмах к А. В. Храбровицкому, некоторые примечания в тексте публикации принадлежат В. Г. Короленко, который просматривал публикацию до печати. Более полный, машинописный текст публикации хранится в ГБЛ как приложение к письму П. А. Митропана к А. В. Храбровицкому от 10 февраля 1960 г. из Белграда (Югославия).

Фотокопия публикации хранится в ОР ГБЛ.

30 апреля /13 мая/

Пишет В. А. Розенбергу: "О наших событиях вы знаете. Кажется, знаете и о здешних безобра-

зиях. Прежде свирепствовали большевики, теперь предались эксцессам другие "победители". /.../ Такова уж моя судьба: бороться со всякой торжествующей властью".

Голос Минувшего", 1920–1921, с. 153.

Из того же письма: "Я понемногу поправляюсь и даже работаю: принялся за второй том "Истории современника" и сильно ее подвинул. Ухожу в прошлое от современных "злоб дня", пока они меня не вытаскивают почти силой".

"Свобода России" (быв. "Русские Ведомости") 23.5/5.6/.1918, № 39.

16 мая (н. ст.)

Газета "Почта вечерняя" (Пг), 16.5.1918 (н. ст.), № 13 сообщила, что вышла книжка "Русского Богатства" за январь-март 1918 г.

6/19 мая

Написал статью "Что это?", которая в полтавской "Вольной Мысли" № 9 напечатана со значительными цензурными сокращениями; полностью напечатана в "Киевской Мысли" за 13/26 мая, № 86.

Из статьи: "Была у нас сначала "Наша Мысль". Ее сменила потом "Свободная Мысль", потом явилась ей на смену "Вольная Мысль". И вот сегодня, когда я пишу эти строки, номер "Вольной Мысли" вышел со зловещими белыми полосами.

/.../ Мне приходилось порой выступать в "Мыслях" (с разными прилагательными) не потому, чтобы я разделял все взгляды той группы, которая собиралась под этим знаменем. Но ход нашей своеобразной революционной общественности привел к тому, что "орган объединенных социалистов" смелее и прямее других стоял за право и за возможную степень законности в наше бурное время, а также искал опоры в идее самоуправления. А по моему глубокому убеждению, право и самоуправление – единственные надежные якори, на которых еще может укрепиться ладья нашей общественности, носящаяся по воле бурных и непостоянных ветров".

15/28 мая

"Новая Жизнь" (Пг) № 101 опубликовала сообщение из Полтавы от 20 мая (н. ст.): "Уже второй раз в Полтаве статьи Короленко зачеркиваются цензурой. В первый раз это сделал цензор большевиков портной Городецкий, во второй раз – окончивший четыре года тому назад коммерческое училище в Полтаве некий Козлов. Редактор "Вольной Мысли" Софья Короленко привлекается по 3-му пункту 1034-ой ст."

16/29 мая

Академик А. А. Шахматов сообщает Короленко: "В заседании Разряда изящной словесности 27/14/ мая единогласно постановлено: просить

Вас принять звание Почетного Академика".

Ответ Короленко неизвестен.

А. Д е р м а н. Академический инцидент. Симферополь, 1923, с. 63.

Пишет А. Г. Горнфельду об "Истории моего современника":"Работал с великим удовольствием. Если бы пришлось умирать, не сделав этой работы, — чувствовал бы большое раскаяние. /.../ Когда приходится отрываться от своей работы для какой-нибудь "злобы" нашего и вообще-то изозлившегося в конец дня, — то почти каждый раз чувствую стеснение в груди. /.../ Отдыхаю только на "Современнике".

Что вам сказать о "гетманщине"? Пошли в правительство порядочные люди, но кажется все-таки, что сия "гетьманщина" — бутафория из пьес Кропивницкого. Власти никакой, кроме, конечно, немецкой. Ползет отовсюду "реставрация", — лезут какие-то бывшие "чиновники особых поручений", и мне у нас в Полтаве приходится порой писать статьи, какие я писал когда-то из Нижнего Новгорода. Кадеты, вошедшие в министерство, хотят своего, — а жизнь, кажется, выпирает, с помощью немцев, настоящую реакцию. Уже запрещают *всякие* собрания рабочих, начинают преследовать проф. союзы и т. д. Добра от этого не жду".

Горнфельд, с. 153—155.

1918

19 мая /1 июня/

Пишет М. А. Ромасю о работе над "Историей моего современника": "Пребываю в Вятской губернии, приближаясь к Вышнему Волочку. /.../ Переживаю молодость вновь и на этом отдыхаю..."

ГБЛ, ф. 135, П. 8.17.

В "Киевской Мысли" № 91 напечатано сообщение об открывающемся 2 июня (н. ст.) Всеукраинском съезде деятелей печати. Среди приглашенных – на первом месте – В. Г. Короленко.

2–5 июня (н. ст.)

Всеукраинский съезд деятелей печати в Киеве.

На первом заседании съезд избирает почетными председателями отсутствующих В. Г. Короленко, М. Горького, К. К. Арсеньева, Г. В. Плеханова. (Весть о смерти Г. В. Плеханова 30 мая н. ст. до Киева еще не дошла.)

На третий день съезда с докладом о положении печати в Полтаве выступил К. Ляхович. Съезд направил приветственную телеграмму В. Г. Короленко.

Из доклада представителя "Киевской Мысли" М. И. Эйшискина:

"Все эксперименты, которые проделывались над политическими свободами со времен первого завоевания их в октябре 1905 г. и до наших дней /.../ оказались возможными потому, что россий-

ские массы не ценят, не понимают, не ощущают благ политических свобод".

Киевская Мысль", 4, 5, 6 июня (н. ст.) 1918, №№ 93, 94, 95.

11 июня (н. ст.) Короленко направил "Ответ товарищам журналистам Киевского съезда": "Роль печати в настоящее время особенно трудна и почетна. /.../ Торжествующая партия стремится по инерции, даже восстанавливая одно право, — нарушить другое. Торжество ее стихийно переходит в насилие произвола и мести. На этом пути она неизменно встречает независимое слово, которое стоит на страже терпимости, свободы и права, отравляя таким образом полноту торжества победителей /.../"

"Киевская Мысль", 13 июня /31 мая/ 1918, № 101.

4 июня (н. ст.)

Прекращено издание газ. "Вольная Мысль" (вместо которой впоследствии выходит "Наша Мысль"). В "Полтавском Дне" № 19 напечатана статья Короленко "Смешное и серьезное". Эта статья под названием "Подцензурное" появилась на следующий день в "Киевской Мысли". Из статьи:

"Я — не социал-демократ и не социалист-революционер. Я беспартийный писатель, мечтающий о праве и свободе для всех граждан отечества, партизан права и свободы — с общесоциалисти-

ческим направлением мысли. Я признаю, что среди того сплетения страшных ошибок, от которых погибает достоинство, честь, международное положение и благосостояние России, – есть много не одних большевистских ошибок. Есть и другие, в том числе и социалистические. Но все-таки самым главным источником этих бедствий я считаю слепую реакционность прежнего строя. /.../

Теперь всюду, в том числе и в массах, появляется естественная здоровая реакция. Большевики недаром преследуют теперь, главным образом, социалистов. С чьей стороны слышали мы самые смелые протесты против большевистских безобразий на местах? Несомненно – протесты исходили из кругов, опирающихся на начавшееся отрезвление рабочих масс, сознавших уже или сознающих общие роковые ошибки...

Неужели новое правительство повторит самую роковую застарелую ошибку николаевского строя, которая привела к такому страшному взрыву? А не к этому ли ведет стеснение свободного социалистического слова в печати и собраниях?

Не повторяйте же страшных ошибок прошлого, признайте, что в нем было много страшной неправды, а в революции не одни ошибки, но и подавлявшаяся правда".

"Киевская Мысль", 5 июня /23 мая/ 1918, № 34.
БК, с. 249.

1918

26 мая /8 июня/

Письмо к писателю Г. Д. Гребенщикову: "Меня увлекает теперь работа над продолжением "Истории моего современника" и часто также не могу воздержаться от случайных откликов на события".

"Последние новости", Париж, 28 января 1922 г., № 548.

11 июня (н. ст.)

Пишет А. Г. Горнфельду: "Дней через 8 или 10 пошлю при оказии рукопись "Истории современника". Пока – листов около 4-х. Над обработкой дальнейшего черновика работаю и, вероятно, через месяц пришлю продолжение. Не знаю только – застанет ли рукопись "Русское Богатство". Ведь на столь скудную подписку немного наиздашь. Неужели до июня у нас вышла всего одна книжка? /.../"

ГПБ, ф. 211 (А. Г. Горнфельда).

После 29 июня (н. ст.)

Вышел тройной номер "Русского Богатства" за апрель-май-июнь, №№ 4–5–6. Это была вторая книжка журнала за 1918 г. Выход из печати датируется по напечатанному на с. 336 некрологу "Лидия Валериановна Кострова", с явной опечаткой в дате смерти – *29 июля.* Очевидно, надо читать – 29 ИЮНЯ. См. письмо Короленко к Горнфельду от 27 июля 1918 г. (Горнфельд, с. 159.)

1918

На первой странице напечатано: "В следующей книжке "Русского Богатства" будет напечатано продолжение "Истории моего современника" В. Г. Короленко. Том второй. Часть первая. Студенческие годы".

Это была последняя книжка "Русского Богатства". Попытка возобновить издание журнала в Одессе в 1919 году – не осуществилась.

Очередной – седьмой – номер журнала намечалось выпустить в 1921 году, о чем свидетельствует сохранившийся в альбоме А. В. Пешехонова макет обложки:

"Русское Богатство", июль 1921, № 7.
Содержание:

Социализм и трудовая личность – А. Пешехонов.
Крестьяне – И. А. Бунин.
Бытовые явления – В. Короленко.
Венгеров – литературный критик – Горнфельд.
Очередные задачи кооперации – Зельгейм.
Хроника внутренней жизни – В. Мякотин.
Библиография

Собрание сына А. В. Пешехонова –
А. А. Пешехонова. Переписано
А. В. Храбровицким в Ленинграде
16 июня 1969 г.

Формальным закрытием "Русского Богатства" следует считать 22 августа /4 сентября/ 1918 года.

1918

В этот день в петроградской ”Красной газете” появилось объявление:

”Вниманию издателей.

Все издатели периодических изданий обязываются в течение текущей недели обменять выданные им разрешения на право издания на новые.

При представлении старых удостоверений обязательно предъявить последние номера изданий.

Не подчинившиеся этому постановлению считаются белогвардейскими изданиями и будут преследоваться.

Комиссар печати, агитации и пропаганды:
М. Лисовский.”
”Красная газета”, 4.9. 1918, № 184.

”Очередной номер, недопечатанный вследствие полученного типографией запрещения, открывался продолжением ”Истории моего современника” В. Г. Короленко”.

”Летопись Дома Литераторов” (Пг), 1922, № 3/7/, с. 10–11.

Из письма А. Г. Горнфельда к Короленко (конец 1918):

”Разрешение на выход журнала отобрано в августе, бумагу отобрали в октябре, помещение конторы реквизировано”.

ГБЛ, ф. 135, П. 21. 38.

1918

После 30 июня (н. ст.)

Отослал в Петроград рукопись очерка ''По новой дороге''. Прежнее название очерка – ''Движение открыто'' (''Русские Ведомости'', 5 и 11 февраля 1895 г.)

На первом листе пометка автора: ''Отослал в изд. ''Нивы'' 31 июня 1918''. (так!)

Р. П. Маторина. Описание рукописей
В. Г. Короленко. М., 1950, с. 62.

Исправленный и дополненный текст очерка предназначался для дополнительного, 10 тома Собрания сочинений, изданного приложением к журналу ''Нива'' в 1914 году. 10-й том из печати не вышел; сохранилась верстка части тома. По тексту верстки новая редакция очерка, под названием ''По ''новой'' русской дороге'', опубликована А. В. Храбровицким в журнале ''Наш современник'', 1962, № 3, с. 184–191.

Из сохранившейся в архиве неполной верстки 10-го тома видно, что в него должны были войти следующие произведения:

''Черты военного правосудия'';
''К чертам военного правосудия'';
''Бытовые явления'';
''Судебная речь''(15 мая 1906 г.)
''О свободе печати'' (''Р. Бог.'', 1905, № 12) ;
''Случайные заметки'';
''Юбилей поэта-крестьянина'';
''Суммистские ребусы'';

1918

"Падение царской власти";
"Война, отечество и человечество".

ГБЛ, ф. 135, 1.43.24.

18 июня /1 июля/

В зап. книжке-календаре отмечена отправка рукописи "Истории моего современника" с дочерью С. В. Короленко, уехавшей в Петроград.

ГБЛ, ф. 135, 20. 1295.

С. В. Короленко, находясь в Петрограде летом 1918 г., проверила рукопись подготовленной к изданию книги Ф. Д. Батюшкова "В. Г. Короленко как человек и писатель", изданной позже, в 1922 г., в Москве изд-вом "Задруга". См. указ. издание, с. 9.

27 июня /10 июля/

Письмо к А. Кремневу. Короленко вспоминал, что ему писали во время Мултанского дела: "Разве дело этих людей так уж важно? /.../ Еврей писал о том, что евреев притесняют больше, чем вотяков, поляк писал о положении Польши, а украинец говорил о притеснении украинской культуры.

Когда мне случалось выступать на зищиту евреев, — упреков раздавалось еще больше. Когда же в 1905, а позже в 1911 г. я нарисовал картину усмирения сорочинских мужиков и полицейских истязаний над мужиками Саратовской гу-

бернии, то даже и тогда у меня спрашивали, — считаю ли я эти случаи более важными, чем многое другое, о чем я не писал...

Если вскрыть общую мысль этих упреков, то выйдет, что писатель, слова которого привлекают общественное внимание, вправе говорить лишь о *самом важном в данное время.*

На это я отвечал и отвечаю, что считаю себя вправе писать правду, не справляясь, — самая ли важная она в данную минуту, лишь бы была правда".

ППСС, т. X, л. 208.

14 июля (н. ст.)

К 65-летию Короленко и 40-летию его литературной и общественной деятельности получена телеграмма: "Группа мусульман Тифлиса шлет горячие задушевные пожелания дорогому писателю. Не забудем статью "Крест и полумесяц".

ГБЛ, ф. 135.

6/19 июля

Письмо в редакцию полтавской газеты "Наша жизнь":

"Милостивый государь, гражданин редактор. В местных газетах я прочел известие о тех предположениях, которые некоторыми кружками и учреждениями связываются с шестидесятипятилетием со дня моего рождения и сорокалетием моей литературной работы. При этом в одной газете

было сказано, что проекты будут предложены на мое обсуждение, чтобы согласовать их с моими пожеланиями.

Если говорить о моих желаниях, то самое искреннее из них состояло бы в том, чтобы никакого юбилея в этот несчастный для нашей родины год не было. Настроение далеко не соответствует какому бы то ни было торжеству. Я понимаю, конечно, что писатель отдает в известной мере себя и свои творения в распоряжение общества, и мое желание решающего значения иметь не может. Я глубоко тронут добрым отношением инициаторов юбилея ко мне и к основным идеям моей работы, но прошу все-таки, во внимание моего настроения и состояния здоровья, — простить меня, если я уклонюсь от какого бы то ни было участия в предстоящих собраниях. К тому же я далеко не уверен, что в этот день мне придется быть в Полтаве. Прошу принять уверения в моем уважении.

Вл. Короленко"

СС, т. 10, с. 568.

21 июля (н. ст.)

Письмо А. Ф. Кони по поводу 65-летия Короленко: "Жизнь Ваша необходима не только для духовного воздействия на наше общество, но и для многих, кому хочется верить в нравственное возрождение родины".

А. Ф. К о н и. Собрание сочинений, т. 8, М., 1969, с. 303–304.

1918

8/21/ июля

Запись в записной книжке-календаре: "Известие о расстреле Николая II негодями красногвардейцами".

ГБЛ, ф. 135, 1295, л. 121.

11/24 июля

Арест К. И. Ляховича немецкими военными властями.

СК, с. 316.

Письмо Д. Н. Овсянико-Куликовского из Одессы к юбилею Короленко: "Обаянию Вашего слова и имени я не вижу предела во времени. /.../ Здесь оживляется литературная деятельность. Между прочим, возникает журнал "Объединение", где и я буду участвовать. Редакция мечтает привлечь Вас, — собирались послать Вам "делегацию". Хорошо было бы, если бы Вы хоть чуточку приняли участие".

АКЛ

25 июля (н. ст.)

Объяснение с украинскими и немецкими властями по делу об аресте К. И. Ляховича. Запись в дневнике: "Офицер в ответ только презрительно пожал плечами. /.../ Он, по-видимому, отражает настроение немецкой военной массы. Говорил об убийстве Мирбаха и Эйхгорна так, как будто перед ним участники этих убийств..."

БК, с. 249; СК, с. 317.

1918

”А убийство Мирбаха – позор! – сказал В. Г. с горечью. – Убить посла всегда считалось позором. Это случается только в такие времена, когда в народе падает чувство чести”.

Из воспоминаний А. Л. Кривинской.
Первая годовщина..., с. 10.

26–27 июля (н. ст.)

Первый Всероссийский съезд удмуртов (вотяков) в Елабуге обратился с телеграфным приветствием к Короленко и постановил изданную им в 1896 году книгу ”Дело Мултанских вотяков” перевести на удмуртский язык.

”Русские писатели об Удмуртии”, Ижевск, 1978, с. 4–5; Буня М. И., В. Г. Короленко в Удмуртии. Ижевск, 1982, с. 231–232.

27 июля (н. ст.)

Пишет А. Г. Горнфельду: ”24 июля арестован мой зять в качестве редактора социалистической газеты и посажен в тюрьму. /.../ Он – меньшевик, гласный думы, человек, как раз сдерживающий всякие эксцессы и крайности. Как всегда – такие и попадают между молотом и наковальней”.

Горнфельд, с. 160.

15/28 июля

Речь на юбилейном чествовании в Полтаве в зале Музыкального училища. Речь опубликована в газетах ”Полтавский День” и ”Полтавские Новос-

ти" 17/30 июля. Вырезки – в ГБЛ, ф. 135, III.55.

12. Отрывок напечатан в примечаниях к "Истории моего современника", М., 1965, с. 1018.

Приводим речь Короленко полностью по тексту полтавской газеты:

"В 1885 году, после долгих скитаний, темною и холодною ночью я подъехал к Нижнему Новгороду, где судьба сулила мне причалить свою скитальческую лодочку после ссылки. Многое, во что я наивно верил в молодые годы, было рассеяно и разбито. Действительность встретила наивную веру нашего поколения горькими разочарованиями. Много пришлось мне передумать в эту ночь и последовавшие за нею дни, чтобы найти, куда бросить якорь и как затем направить свою жизнь. Все казалось потеряно, рассеяно и разбито. На долгие годы залегла над отечеством темная ночь беспросветной реакции. Это было уже ясно.

И после многих горьких мыслей я сказал себе: дело не в близком успехе, дело в честном стремлении. Как ни темно впереди, – есть все-таки несомненное, незыблемое, вечное, чему стоит и надо служить без вопроса о скором успехе. Эти незыблемые маяки – истина, право, справедливость. Судьба послала мне литературное дарование, я его направлю, хотя бы как отдельный партизан, на служение этим вечным ценностям. И, наряду с образами художника, я отдаю свое перо

публицистическому служению справедливости и праву, к кому бы они ни относились, в чьем лице они ни были бы попраны.

Часто я спрашиваю себя, оглядываясь на пройденный путь, — выполнил ли я честно свою задачу и, по совести, не могу сказать, что сделал все то, что мог и должен был сделать. И я говорю себе: то огромное признание, которым меня встречают, заслужено мною далеко не в полной мере.

Но направление я, очевидно, выбрал в ту темную ночь русской жизни верно.

И если теперь встречают мою работу сочувствием и признанием, то это, очевидно, благодаря той огромной жажде правды и справедливости, которая живет в нашем обществе.

Теперь наша жизнь похожа на ту холодную ночь, о которой я вспоминаю. В огромном виде мы все пережили период великих надежд, и теперь нас окружила темная ночь неудач, разочарований, ошибок... И опять приходится спрашивать, — куда направить ладью нашей жизни?..

Ответ опять должен быть тот же. В этой тьме надо опять искать вечное и несомненное. Спасение там, где светит справедливость и право для всех. Спасение не в быстром достижении во что бы то ни стало, а в честном стремлении, согласном с человечностью и правдою, в высших заветах свободы, справедливости и братства. Дело не только в целях, но и в средствах. Нет целей, которые оправдывали бы всякие средства, а чест-

ные усилия и честные средства сами собой стихийно ведут к хорошим целям.

Вот то немногое, несложное, может быть, не очень мудрое, что я, не политик, не тактик, а писатель, старался проводить всю жизнь... И я тронут до глубины души тем, что вы признаете эту искорку в моей далеко не совершенной работе. Шлю со своей стороны привет и благодарность истинным друзьям — читателям, чувствующим святое, великое там же, где и я его чувствую".

"Полтавский День". 17/30 июля 1918, № 64;
Ср. "Полтавские Новости", 1918, № 71;
Ср. "Мир" (Москва), 9 августа 1918, № 6.

К 65-летию Короленко вышел юбилейный номер еженедельного журнала "Колосья" (Харьков), 1918, № 12.

ГБЛ, ф. 135, III.54.71.

28 июля (н. ст.)

Торжественное заседание в Петрограде, посвященное 65-летию Короленко, устроенное обществом "Культура и Свобода" в зале Тенишевского училища. Председатель — М. Горький. Выступали А. Г. Горнфельд, А. М. Калмыкова, Л. М. Брамсон, А. Н. Потресов и др...

Выступления участников торжественного заседания опубликованы в сборнике: Жизнь и творчество В. Г. Короленко. Сборник статей и речей к 65-му юбилею. Изд. "Культура и Свобода".

1918

Просветительное О-во в память 27 февраля 1917 года. Петроград (1919).

"Современное слово" (Пг), 30.7.1918, № 3590;
"Новая петроградская газета", 30.7.1918, № 159;
"Новый вечерний час" (Пг), 29.7.1918, № 126;
"Наш век" (Пг), 1918, № 128, 130.

А. Г. Горнфельд в своей речи сказал: "О лучшем произведении Короленко едва ли возможны споры; лучшее его произведение не "Сон Макара", не "Мороз", не "Без языка". Лучшее его произведение — он сам, его жизнь, его существо. /.../ Мы идем рядом с ним и благодарим судьбу за каждый благостный день, который она дарит нам, послав нам такого спутника". ("Жизнь и творчество В. Г. Короленко", Пг., 1919, с. 13—14).

А. М. Горький вспоминал о большой помощи, которую оказал ему Короленко: "Я много получил от Короленко добрых советов, много внимания..."; свою речь он закончил словами: "Знаю, что в этой великой работе строения новой России найдет должную оценку и прекрасный труд честнейшего русского писателя В. Г. Короленко, человека с большим и сильным сердцем" (Там же, с. 56—57).

9 января 1921 г. Короленко писал Горькому: "Недавно я получил (с большим, как видите, опозданием) книжку, в которой приведены речи

по поводу моего юбилея в 1918 г., в том числе и Ваша. Благодарю Вас за яркий сочувственный отзыв".

АКЛ

Приветствия в связи с 65-летием со дня рождения и 40-летием литературной деятельности В. Г. Короленко были получены от многих общественных организаций, редакций газет, учреждений и частных лиц из Петрограда, Москвы, Киева, Полтавы, Одессы, Севастополя, Харькова, Гомеля, Ровно, Херсона, Николаева, Риги, Елизаветграда, Саратова, Нежина, Кременчуга, Симферополя, Ростова, Луганска, Умани и др. городов.

ГБЛ, ф. 135.

Июль

В ж. "Былое", № 13, 1918, книга 7, июль, с. 3–37, напечатана публикация Ф. Покровского "В. Г. Короленко под надзором полиции (1876–1903). К сорокалетию литературной деятельности".

Короленко конспектировал и комментировал эту статью в записной книжке (ГБЛ, ф. 135, 8.463). Об этой публикации он подробно писал С. Д. Протопопову 10 ноября 1920 года ("Былое", 1922, № 20, с. 21).

В Петрограде вышла брошюра А. Гизетти. Светлый духом. В. Г. Короленко. Критико-биографический очерк.

1918

Брошюра открывается предисловием "От издательства", в котором сказано: "Выпуск в свет настоящего очерка мы приурочиваем к празднику русской интеллигенции — 65-летнему юбилею светлого духом и чистого сердцем Владимира Галактионовича Короленко. /.../ В котле, именуемом Россией, кипят и бурлят народные страсти, слышен стон и скрежет зубовный по земле родной... Вот почему так велико утешение, и так неизбывна радость, что в эти дни отчаяния и тревоги — жив, с нами и *за нас*, Владимир Галактионович!" На с. 51 автор пишет: "После октябрьского переворота и брестского позора мы несколько раз слышали горькое, рыдающее слово писателя, изо всех сил старающегося отстоять дорогие ему идеалы от грязных лап демагогии. И верится, что еще услышим от него слово нам нужное, в близкий день возрождения страны, в новую главу истории нашей".

В Бреславльской тюрьме Роза Люксембург пишет статью о В. Г. Короленко. Первая публикация этой статьи на русском языке — в журнале "Красная Новь", 1921, № 2, июль-август, с. 183—203, с примечанием от редакции: "Статья о Короленко написана Розой Люксембург в исправительной тюрьме в Бреславле в июле 1918 года и является предисловием к "Истории моего современника", переведенной ею на немецкий язык и появившейся в немецком издании в конце 1919 года".

1918

11 августа (н. ст.)

Опубликована статья А. Луначарского "Владимир Галактионович Короленко":

"Короленко с его мягким сердцем растерялся перед "беспорядком" и исключительностью и жестокостью революции. Ее *понять* могли только умы, подготовленные и умеющие обозреть настоящее, прошлое и будущее с вершины исторического познания, что редко возможно для современника. Ее *любить* могли только железные сердца, не знающие жалости, когда дело идет о решительной борьбе со злом. К ней *примкнуть* могли только сами угнетенные массы в лице своих проснувшихся передовых отрядов".

"Пламя" (Пг), 1918, № 15, 2-ая стр. обложки.

Отклик на эту статью Луначарского находим в неопубликованной главе X – "Последние выступления Короленко" – книги Ф. Д. Батюшкова "В. Г. Короленко как человек и писатель" (написана в 1918):

"Однако, ныне многие элементарные понятия этики провозглашены "буржуазными предрассудками". Насилия покрываются термином "принудительных мер", а произвол толкуется в смысле осуществления пролетарской диктатуры. Короленко остался самим собой перед напором развертывающихся событий нашей внутренней жизни. При его стойкости в убеждениях, он, конеч-

но, не мог отступиться от них теперь и встал в оппозицию, насколько слово изобличения может служить орудием борьбы, всем тем печальным явлениям, которыми изобилует наше теперешнее положение. И, конечно, всего менее подходит ему определение, что он будто бы "растерялся" – аргумент, к которому так неудачно прибегают те, кто хотел бы склонить его на свою сторону, но не может этого сделать, не отказываясь от своей тактики".

Пушкинский Дом. 15 449/XCIУ б. 3., лл. 146–154.

14 августа (н. ст.)

Выезд с дочерью Натальей Владимировной в Киев для хлопот об арестованном К. И. Ляховиче. Хлопоты не увенчались успехом; Ляхович был выслан в немецкий концентрационный лагерь в Бялу (под Брест-Литовском).

БК, с. 249.

5/18 августа

Пишет Е. И. Скуревич: "В субботу 18-го мы проводили Костю на Киевском вокзале. Повезли его в Бялу. /.../ Страшны для него дальнейшие условия: он уже хворал суставным ревматизмом и осени в /.../ сырых казематах не перенесет, пожалуй".

СК, с. 317.

23–24 августа (н. ст.)

Письмо А. Г. Горнфельду: "Пишу Вам из Кие-

ва, куда приехал выручать своего зятя, К. И. Ляховича. Немцы его услали в Бялу, около Брест-Литовска. Вернее – руками немцев услали его местные власти, как человека вредного и беспокойного. Он им действительно доставлял много беспокойства в качестве гласного думы и редактора и сотрудника социалистической газеты. Дума характеризовала его как человека, который "при всех сменах режимов стоял за право и законность". Ну, а известно, что зто и есть люди наиболее вредные с точки зрения всякого местного начальства. Центральное начальство "обещает", но – кажется, ничего сделать не сможет. Тут перед немцами все безмолвствует и стушевывается. А на местах сами немцы являются лишь орудием реакции и мести, нерасчетливой и дикой. "Соотношение сил" определяется присутствием немцев, но если бы немцы ушли – тогда останется соотношение совсем другое и, конечно, опять дикая месть с другой стороны. Перспективы не радостные!"

Горнфельд, с. 161.

29 августа (н. ст.)

Возвращение в Полтаву.

БК, с. 249.

30 августа (н. ст.)

Давал свидетельские показания в германском военном суде в качестве председателя Общества

помощи военнопленным по делу о напечатании в "Нашей Жизни" письма русского военнопленного из Австрии. По этому делу привлекалась, как официальный редактор газеты, дочь Короленко — Софья Владимировна.

БК, с. 249.

Август

Журналист С. В. Потресов (С. Яблоновский) о разговоре с Короленко о "Двенадцати" Александра Блока: "Если бы не Христос, — говорил мне по этому поводу в августе 1918 года В. Г. Короленко, — то ведь картина такая верная и такая страшная. Но Христос говорит о большевистских симпатиях автора".

"Руль" (Берлин), 21.8.1921, № 231, с. 3. Ср. "Новая русская книга" (Берлин), 1923, № 5–6, с. 11.

П. А. Митропан в своих воспоминаниях также приводит отзыв Короленко о Блоке:

— А "Двенадцать"? Это же кощунство! Убийство, грабежи, разврат, кровь — и Христос!..

Я заметил, что конец поэмы можно толковать иначе.

— Так и это надо поставить в вину поэту...

"Вопросы литературы", 1965, № 5, с. 168.

Не позже августа

В издательстве журнала "Русское Богатство" вышла брошюра А. В. Пешехонова "Почему мы

тогда ушли (К вопросу о политических группировках в народничестве)". Пг. 1918. Автор говорит: "В сущности большевизм и есть демагогия, — все в нем упрощено и разнуздано, все в нем приспособлено для успеха в темных массах. Отнимите демагогию, — и от большевизма немного останется".

Указ. соч., с. 12—13.

8 сентября (н. ст.)

Письмо Педагогическому совету первой украинской гимназии в Полтаве: "От души желаю учащим и учащимся всякого успеха. Наряду с освободившейся украинской пусть процветает и свободная русская школа, как проявления двух тесно связанных и родственных культур, которым предстоит много великой и благодарной работы. Поле просвещения широко. На нем много места для всех".

Музей В. Г. Короленко в Полтаве. Путеводитель. Харьков, 1979, с. 51 (факсимиле); Ср. Павло Малий. В. Г. Короленко и Україна. Львів, 1958, с. 180—181.

4/17 сентября

Письмо Н. Л. Геккеру в Одессу в ответ на его просьбу ходатайствовать перед Х. Г. Раковским о помиловании убийцы М. С. Урицкого:

"Дорогой Наум Леонтьевич.

Я только на днях вернулся из Киева. Несмотря

на это и на болезнь, делающую для меня очень трудными такие поездки, я вероятно поехал бы, если бы мог думать, что есть хоть какая-нибудь вероятность спасти жизнь человека. Но для меня несомненно, что тут никакой, ни малейшей вероятности нет. Мои отношения к Раковскому, после того, как он стал большевиком, стали очень далекими. Но еще важнее то, что сам Раковский далеко не так уж влиятелен. Да тут и самый влиятельный человек — не сделает ничего. Я думаю, большевики скорее перебьют десятки совершенно не причастных людей, чем помилуют убийцу Урицкого. Прасковья Семеновна пишет, что с Раковским переговорит одна общая знакомая. Но скажу правду: пользы это не принесет.

4 сентября 1918.

Жму руку. Ваш Вл. Короленко".

ЦГАЛИ, ф. 234, оп. 1, д. 103.

Короленко оказался прав. См. следующее письмо В. Д. Бонч-Бруевича к А. В. Луначарскому от 8 ноября 1920 года: "Препровождаю при сем заявление граждан Давыдовых по поводу их отца, который был взят в качестве заложника. Давыдов — известный геодезист: он был расстрелян в числе 900 человек после смерти Урицкого. Никакого обвинения ему предъявлено не было. За две недели до своего ареста он был вызван в Петроград на службу. Дети его просят рассмотреть их прошение и дать им возможность и их

больной матери как-нибудь прожить. Упр. делами Совнаркома Влад. Бонч-Бруевич".

С. А. Федюкин. Великий Октябрь и интеллигенция. М. 1972, с. 95–96.

2/15 октября

Письмо к Короленко редактора казачьего еженедельника "Донская Волна" Виктора Севского (В. А. Краснушкина) из Ростова н/Д с просьбой дать очерк для номера, посвященного 25-летию литературной деятельности Ф. Д. Крюкова.

На письме пометка Короленко: "Не успел своевременно ответить".

ГБЛ, ф. 135, II. 33.36.

8/21 октября

Из письма к П. А. Митропану: "Сильно портит дело склонность к риторике и дешевым эффектам. В военных очерках нужна необыкновенная простота, и чем ужаснее описываемое, тем простота необходимее. Малейшие признаки риторики тут убивают впечатление".

КОЛ, с. 616.

10/23 октября

В письме к С. Я. Елпатьевскому Короленко сообщает о своих встречах в Полтаве с В. А. Мякотиным, А. В. Пешехоновым, А. Б. Дерманом. Дерману Короленко дал для публикации главу из второго тома "Истории моего современника" –

"Корректурное бюро Студенского" (опубликована в сборнике "Отчизна", Симферополь, 1919).

ПД, с. 42, № 315.

Октябрь

В Полтаве основана "Лига спасения детей". Короленко избран почетным председателем.

БК, с. 249.

Сообщение об этом опубликовала "Правда" 18 января 1919 г., № 12.

"Разные власти относились по-разному к Лиге и во всяком случае с некоторой недоверчивой осторожностью к политической ее окраске. Гетманское правительство считало ее социалистической организацией, Директория Украинская – большевистской, Советское правительство – буржуазной. И В. Г. в своих выступлениях, воззваниях, обращениях старается подчеркнуть, что Лига аполитична, что ее единственная цель – помощь и защита детей от голода и вымирания".

Л. Круповецкий. В. Г. Короленко и дети.

Первая годовщина..., с. 7–8.

23 октября /5 ноября/

В "Киевской Мысли" № 205 напечатана статья Короленко "На помощь русским детям":

"Что делается в русских столицах, – всем известно. Жизнь Петрограда и Москвы замирает. На

улицах, уже порастающих травой, можно видеть по несколько дней неубранные трупы лошадей. Трупы людей, умирающих с голоду, убираются быстрее.

Не нужно много воображения, чтобы представить себе, что при этих условиях происходит с детьми... "В детях наше будущее", это ходячая фраза. Дети в Петрограде вымирают сотнями, — это ужасная истина...

/.../ Еще в феврале текущего года, когда продовольственный кризис стал принимать угрожающие формы, в петроградском областном комитете Союза городов возникла мысль об эвакуации возможного количества детей из столицы. /.../ Когда-нибудь участники расскажут нам о странствиях этих детских колоний, скитающихся среди одичавшей, охваченной анархией, когда-то великой России. /.../ Наблюдались потрясающие сцены, когда измученные матери, несмотря на предупреждения членов комиссии об опасностях в пути и необеспеченности даже на новых местах от случайностей междоусобия, заявляли, что им легче перенести гибель детей от шальной пули красногвардейца или чехословака, чем глядеть изо дня в день на мучительное медленное умирание ребенка от голода и слышать его замирающий стон: хлеба, хлеба!..

/.../ Печать оглашает известия о Лиге спасения детей. Организуются филиальные отделения Лиги

в Киеве, Одессе, Харькове, Екатеринославе, Херсоне...

Конечно, одной благотворительности мало. Ее усилия не в состоянии прекратить в корне этот ужас массового детского вымирания. Но все-таки сотни, может быть, тысячи жизней будут спасены. Будем же помнить это и поможем доброму делу.

И вдобавок — эта работа сыграет, несомненно, совю особую огромную роль в другом отношении: она способна внести в нашу ожесточенную борьбу светлую струю того, что несомненно, непререкаемо, вечно... Пусть эта помощь русским детям станет откликом Украины братьям по крови, с которыми она делила горе и радость, волю и неволю, тягости и надежды в течение трех столетий.

Неужели кто-нибудь на Украине возразит на это: "Геть. Це вражі діти"... Или: "У нас есть и свои голодающие дети". Никогда одно доброе дело не мешает обществу одновременно делать и другое, а часто еще усиливает его.

Минуют же, наконец, когда-нибудь эти тяжкие дни. Пройдет и война, и междоусобие, и взаимная вражда братьев. История скажет свое слово о спорных вопросах, их разделявших. Но что бы она ни сказала о предмете спора — одно можно предсказать безошибочно: если Украина приютит и поможет умирающим от голода детям северной столицы, то этот факт, сам по себе такой простой и ясный, засветится над ужасами и тьмою нашего

мрачного времени... И его истинное значение ни для кого не будет спорным.

Итак, — привет на Украине Лиге спасения детей!"

Ср. СК, с. 318–320.

Н. И. Супруненко в книге "Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918–1920)". М., 1966, с. 193–194, сообщает, что по инициативе Короленко "для детей Москвы и Петрограда из Полтавской губ. был отправлен 31 вагон с продовольствием".

6 ноября (н. ст.)

Пишет А. Г. Горнфельду: "Посылаю рукопись с оказией в Киев, в надежде, что оттуда найдут средство послать Вам. /.../ Привет бедному "Русскому Богатству", если оно существует".

Горнфельд, с. 163.

Речь идет о рукописи второго тома "Истории моего современника".

10 ноября (н. ст.)

Речь Короленко "Тургенев и "Записки охотника" в Полтавском городском театре на празднике учащихся по случаю столетнего юбилей со дня рождения И. С. Тургенева.

"На его примере можно видеть с особенной ясностью — что значит литература в истинном значе-

нии этого слова /.../ Ее красота — в истине, ее главное значение — в правде, возносящейся над современностью и судящей современность, даже без преднамеренности и тенденции, одной силой жизненной правды.

/.../ Он взял свое время в своей стране и создал из него образы, яркие, неумирающие, поучительные для всех времен и всех народов.

/.../ И я очень рад, что мог принять участие в чествовании этого светлого, хорошего русского имени вместе с украинской молодежью в Полтаве, сердце Украины".

КОЛ, с. 297—298; ср. "Полтавский день", 12 и 13 ноября 1918 г.; "Полтавские Новости", 12 и 14 ноября 1918 г.

11 ноября (н. ст.)

Консилиум врачей; найдено ухудшение в состоянии сердца.

БК, с. 250.

13 ноября (н. ст.)

В "Киевской Мысли" № 213 напечатана статья Короленко "Тургенев и самодержавие", написанная к столетию со дня рождения Тургенева.

Короленко вспоминал, что Гоголь "по царскому велению и под влиянием великосветской среды взял на себя противоестественную задачу — написать апофеоз рабской и самодержавной России, найти в ней черты, которые, истекая из ее ос-

нов, осияют и вознесут славу России над свободными учреждениями заносчивого Запада. И великий сатирик изнемог под бременем невозможной задачи. /.../

Самодержавие пало. Но для русского независимого слова и литературы не настали пока лучшие времена. /.../

То, что большевизм преследует так ожесточенно независимое слово — глубоко знаменательно и симптоматично. Как и самодержавие, он говорит: только тот, кто признает и прославит меня, имеет право на существование. Подчинитесь или погибнете. Но независимая литература видит, что в основе этой новой власти прежняя ложь. Большевизм разделил неразделимое: он отделил социальную справедливость от свободы, в том числе от свободы слова... и даже противопоставил их друг другу как начала враждебные. В лице некоторых отдельных представителей литературы ему удалось получить "гоголевские обещания". Но эти обещания неисполнимы. Вся сила литературы в независимости и правде. Обещание прославить строй, преследующий по-старому независимость слова и свободу, — обречено на бессилие и мертвенность, как были мертвы потуги великого писателя превознести царское самодержавие. /.../

Русская литература переживает трудные дни. Но она с гордостью обращает взгляды воспоминания на величавую фигуру Тургенева, как на сим-

вол спокойной независимости и силы русского слова".

"Киевская Мысль", 13/1 ноября (так!) 1918, № 213. Опубликовано с купюрами в журнале "Русская литература", 1972, № 2, с. 155—157.

23 и 24 ноября (н. ст.)

Поездки на Южный вокзал в Полтаве в связи с огромным скоплением русских военнопленных, стихийно двинувшихся на родину после революции в Германии и прекращения военных действий.

БК, с. 250

"Многие военнопленные давали В. Г. на все исчерпывающие ответы. Они сравнивали русские дороги с германскими, восторженно отзываясь о последних, хвалили немецкую чистоту, рассказывали, в каком порядке содержатся леса, как удобно строятся деревянные дома и т. п... Были и такие, что давали лаконичные ответы /.../: "Все, что ни видел — все лучше нашего".

Л. Гофман. В. Г. Короленко среди военнопленных. — Первая годовщина..., с. 17.

25 ноября (н. ст.)

Возвратился К. И. Ляхович, освобожденный из германского концентрационного лагеря.

БК, с. 250.

1918

26 ноября (н. ст.)

В полтавских газетах напечатан призыв Короленко о помощи возвращающимся военнопленным:

"Внезапная перемена в международном положении раскрыла перед сотнями тысяч наших соотечественников двери австрийского и германского плена. И вот неподготовленно, стихийно двинулась на родину эта толпа людей, исстрадавшихся, истерзанных, голодных, больных. /.../ Мудрено ли, что их путь из плена на родину является для многих путем к верной смерти. Они коченеют от мороза, простуживаются, заболевают, и с каждого поезда, останавливающегося у нашего города, приходится снимать десятки умирающих. /.../

Перед этой картиной ужаса нужно забыть все остальное, как в минуту стихийного бедствия или пожара. /.../

На помощь, на помощь!.."

"Полтавский день" и "Полтавские Новости" 26.11.1918;
"Киевская Мысль", 29/16/.11.1918, № 227.

28 ноября (н. ст.)

Полтава занята украинским отрядом полковника Балбачана, выступившим против власти гетмана Скоропадского.

БК, с. 250.

Запись в дневнике: "Объявлено об организа-

ции новой революционной власти чисто большевистского типа, с указанием на то, что она будет применять и большевистские формы борьбы. Но уже сегодня к вечеру обнаружилось двоевластие. Отряд регулярного войска полковника Балбачана (под командой Маресевича) разоружил повстанцев и объявил новое "революционное" правительство самочинным. Восстановляются городская дума и демократическое земство... Газеты вышли. На улицах третьего дня и вчера было движение любопытных. Паники нет. Есть скорее вялое, усталое любопытство".

СК, с. 321.

Конец ноября

Короленко избран почетным председателем Полтавского Политического Красного Креста.

БК, с. 250.

7 декабря (н. ст.)

Поездка с членом городской управы на окраину Полтавы в "Заразный городок", неселенный беженцами.

БК, с. 250.

12 декабря (н. ст.)

В газетах "Полтавский день" и "Полтавские Новости" напечатана статья Короленко "В заразном городке".

"Название дано, когда в довершение к ужасам

войны ждали прихода холеры. /.../ В тесноте, в грязи, в холоде, на виду, без возможности уединиться, живут целые семьи с мужчинами, женщинами, молодыми девушками, детьми!.. /.../ Положение городской управы тоже ужасно. Бедность, голод, нищета, бесприютность растут в городе, как подымающееся наводнение. /.../ А средств нет. Городская касса пуста, больницы переполнены, приходится отказывать в приеме".

ППСС, т. XXXII, л. 214.

14 декабря (н. ст.)

Отречение и бегство из Киева гетмана Скоропадского. Власть перешла к Директории Украинской Республики.

БК, с. 250.

13/26 – 14/27 декабря

Письмо к жене, Е. С. Короленко, в Батылиман, Крым: "Петлюровцы, вызвавшие симпатии восстановлением дум и земств, в последнее время подгадили: завели сечение по приговорам".

Сообщает, что подготовил и отослал в Ростов н/Д рассказ "Двадцатое число" для альманаха "Родина" в пользу увечных воинов.

АКЛ

Декабрь

Возобновил работу над очерками "Земли! Земли!"

БК, с. 250.

1918

"В конце декабря 1918 г. в связи с участившимися в Полтаве грабежами и разбоями В. Г. сказал однажды о своих прежних статьях против смертной казни: "Я писал больше об ошибках нашей юстиции, чем против самой смертной казни, о неправильностях правосудия. Мне передавали, — к сожалению, проверить и точно установить это мне не удалось, — что на фронте мародеры, становясь в очередь перед своими жертвами, насиловали девушек. Если бы передо мной стал такой негодяй, я бы сказал ему: "Умел делать мерзости хуже убийства, имей силу и поплатиться за это смертью".

П. Митропан. Встречи с В. Г. Короленко. — "Вопросы литературы", 1965, № 5, с. 163.

В журнале "Объединение" (Одесса), № 3—4, ноябрь-декабрь 1918, с. 185—198 напечатана статья П. Митропана "Год деятельности В. Г. Короленко".

1919*

1 января

В киевской газете "Наш Путь" напечатано "Письмо В. Г. Короленко" к председателю Директории Украинской Республики В. К. Винниченко с просьбой об оказании содействия "Лиге Спасения Детей".

БК, с. 250.

Из письма к В. К. Винниченко: "Вражда и раздоры, разделявшие народности бывшей России, должны стихать у предела, где начинается детский возраст. За этими пределами должен господствовать один, общий для всех закон, закон человечной взаимности. Полагаю, что это бесспорно. Когда-нибудь борьба стихнет на почве тех или других новых отношений. В отношении детей она не должна существовать уже и ныне".

Первая годовщина..., с. 7.

1/14 января

Запись в дневнике: "Я был нездоров, моя одышка усилилась, ходить мне было трудно, настроение было пригнетенное. Под вечер меня спросил какой-то солдат или, вернее, петлюров-

---

* С начала 1919 г. даты указываются по новому стилю, кроме случаев, специально оговоренных.

ский "сечевик" и... передал письмо. Я стал расспрашивать, и сечевик серьезно и печально подтвердил все, что было в письме арестованной Чижевской: Grand Hôtel весь занят контрразведкой. Арестуют, приводят в отдельные номера, наскоро судят и увозят для расстрела, а иногда расстреливают тут же в отдельном номере.

Когда я немного разговорился с ним, он сказал, что служит в конной дивизии Балбачана — "шел бороться за правду и за Украину", но когда его прикомандировали к штабу и контрразведке, он увидел такие дела, что пришел прямо в ужас. При этом лицо молодого человека передернулось судорогой, голос задрожал и на глазах показались слезы. Чижевскую... расстреляют. Сидит еще московский студент Машенжинов. Его тоже расстреляют, как и крестьянина.

— За что же крестьянина?

— Они ненавидят крестьян за то, что они большевики.

Он не возразил ни слова, когда я спросил и записал его фамилию, и только когда я сказал, что от меня его начальство не узнает, конечно, что он приходил с запиской, он сказал с тронувшей меня серьезностью:

— Да, если б узнали, меня могли бы расстрелять. /.../"

"Отец отправился в Grand Hôtel, он чувствовал себя плохо, я пошла его проводить".

"Мы объяснили, что явились, услышав о том, что здесь есть арестованные, которым грозит военно-полевой суд, в том числе одна женщина.

– Да, есть, Чижевская. За нее уже приходила просить старая женщина* из Красного Креста... И я уже обещал отпустить Чижевскую, хотя она агитировала на селянском съезде в большевистском смысле и еще, наверное, наделает много вреда.

– Есть еще крестьянин и студент.

– Крестьянин уже отпущен. Что касается студента, то это очень вредный большевик, который сам повинен в гибели многих. Его отпустить невозможно, его будут судить...

Я чувствовал себя очень плохо. Задыхался от волнения и как-то потерял энергию...

Только уж дома я вдруг вспомнил: Машенжинов остался, и при разговоре о нем и Римский-Корсаков и Литвиненко ничего не обещали... Я почувствовал, что и я уже огрубел и так легко примирился с предстоящей, может быть, казнью неведомого человека... Я решил тотчас же пойти опять в Grand Hotel. Мне опять указали номер... Я извинился и изложил причину, почему явился. /.../

Я стал говорить этому человеку о том, что озверение, растущее с обеих сторон, необходимо прекратить, и настоящим победителем будет та сторона, которая начнет это ранее. Увлекшись, я схватил его за руку... /.../

---

*П. С. Ивановская. (Прим. С. В. Короленко.)

Пришел домой совершенно разбитый... Потом... узнал, что Балбачан... приказал военному суду допустить меня в качестве защитника".

СК, с. 321–324.

2–3/15–16 января

Письмо к Е. С. Короленко: "Минута для меня трудная. Большевики не пришли еще. Петлюровцы не совсем ушли. Часть осталась, в том числе остался военно-полевой суд. Они тут заседают в Grand Hôtel'e и очень часто казнят. В том же Grand Hotel'e заседает военно-полевой суд. /.../ Людей держат арестованными в номере гостиницы, потом судят в другом номере, потом уводят в третий и там пристреливают. Люди совсем озверели. /.../ Я хочу сказать им, что пора обеим сторонам подумать, что зверства с обеих сторон достаточно, что можно быть противниками, можно даже стоять друг против друга в открытом бою, но не душить и не стрелять уже обезоруженных противников..."

СС, т. 10, с. 570–571.

17 января

Запись в дневнике: //Разговор с есаулом Черняевым, который, по его словам, собственноручно застрелил 62 человека. На убитом он оставлял свою визитную карточку. "По большей части, это за грабеж", – сказал Черняев. В Ромнах у него большевики убили отца и мать, а жену изнасиловали на его глазах.//

"— Да, но вы забываете, что кое-кто из них, может быть, тоже может рассказать что-нибудь подобное. Озверение с обеих сторон, и ваши действия, ваша месть только усиливает рост жестокости".

18 января

Эвакуация петлюровцев. Поездка в Grand Hotel (вместе с К. И. Ляховичем и С. В. Короленко) в связи с хлопотами об арестованных и приговоренных к смертной казни.

СК, с. 325—326.

19 января

Полтава занята советскими войсками.

БК, с. 250.

20 января

Запись в записной книжке-календаре: "Был у меня Дм. Арк. Ш/мидт/. Разговор об обоюдных жестокостях".

ГБЛ, я. 135, с. 294.

Ср. Д. Шмидт. Станция Хролин. Киноповесть. — "Молодая гварди", 1953, № 7, с. 22—44. На с. 26 — записка Д. Шмидту: "Командир красных войск. Болезнь приковывает меня к креслу, не позволяет явиться к вам. Прошу меня посетить.

Владимир Короленко".

1919

А. В. Храбровицкий слышал от знакомого Д. Шмидта — Б. Б. Скуратова, — что Шмидт рассказал Короленко о расправе с пленными белогвардейцами: их связали, положили на рельсы и пустили на них паровоз.

Д. А. Шмидт, герой гражданской войны, член партии с 1915 г., в мае 1937 был расстрелян. См.: Украінска радянська енциклопедія, т. 16, Київ, 1964, с. 353.

24 и 29 января

Хождение к властям и в Чрезвычайную Комиссию с хлопотами об арестованных.

БК, с. 250.

Начало 1919 г.

П. А. Митропан читает лекции полтавским рабочим по истории общественного движения в России, в том числе о декабристах. Отзыв Короленко: "Хорошая тема, декабристы. Сейчас полезно и своевременно вспомнить о них. Нужно подчекрнуть и указать рабочим, что теперь интеллигенция всем и каждому стала поперек горла, а было время, когда вы, т. е. масса, мешали ей в политической борьбе".

П. Митропан. Встречи с В. Г. Короленко. "Вопросы литературы", 1965, № 5, с. 164. Последняя фраза в публикации опущена, цитируется по рукописи (ГБЛ).

1919

9 февраля

Посещение Короленко председателем Совнаркома Украины Х. Г. Раковским.

БК, с. 250.

12 февраля

Пишет А. Г. Горнфельду: "Для работы атмосфера плохая: целый день у меня толчея, – приходят, жалуются, плачут, просят посредничества по поводу арестов и угроз расстрелами. Пока, кажется, никого еще не расстреляли, но обыватель напуган, да и большевистские декларации очень грозны".

Горнфельд, с. 164.

22 февраля

Пишет С. Д. Протопопову: "Мы теперь "под большевиками". Надолго ли? Бог весть. Не хочется как-то и думать о близости, может быть, новой перемены. Всякая смена несет волну жестокостей, и не видно просвета".

"Былое", 1922, № 20, с. 16–17.

10/23 февраля

А. В. Пешехонов пишет из Одессы: "Посылаем к Вам специального курьера за рукописью второго тома "Истории моего современника".

ГБЛ, ф. 135, II.31.58.

1919

Февраль, вторая половина

Хлопоты у властей в связи с арестами и расстрелами.

БК, с. 250.

Февраль

Обращение Короленко "Американцам".

"В 1891–2 году некоторые местности России переживали страшные бедствия голода, о котором с участием говорили во всем мире. Говорили о нем и в Америке, и оттуда протягивалась рука помощи. Теперь бедствие во сто раз худшее охватило не те или другие местности, а всю страну, начиная со столиц. Вести, идущие из Москвы и Петрограда, леденят ужасом даже сердца, уже отвердевшие в атмосфере войны и междоусобия. Уже летом и осенью столицы переживали голод. /.../

Тяжко карает взбунтовавшаяся природа своего недавнего властелина, забывшего законы человеческого братства, которые давали ему господство над слепыми силами бездушной стихии. Можно сказать, что кара, если это кара, — заслужена. Кем? Теми, кто может нести ответственность. Но дети, дети невинны. Они еще не вступили на арену этой страшной жизни, они еще не согрешили против ее законов. И все же они отвечают и расплачиваются первыми. /.../

О, если бы собрать и сконцентрировать эти угасающие взгляды, эти застывающие предсмертные детские слезы, эти замирающие детские стоны, —

получился бы ядовитый состав такой страшной силы, которая способна надолго убить веру в жизнь, в конечное торжество правды и добра... /.../

Подумайте, счастливые американцы, не найдется ли в ваших сердцах этого противоядия, чтобы показать, что в человеческих сердцах не иссякли еще родники человечности и любви под влиянием исступленных криков разбуженного "великой войной" отвечного зверя..."

Память – 4, с. 394–397.

Обращение несомненно связано с письмом А. В. Луначарского к А. М. Горькому от 3 января 1919 г.: "Достигнуто почти полное соглашение по части доставки для русских детей некоторых продуктов питания американского происхождения. Дело стоит за обращением к американскому народу о разрешении такого ввоза, причем вряд ли мыслимо, с нашей точки зрения, чтобы обращение это было подписано правительством или кем-либо из его членов. Но дело, пожалуй, наладилось бы окончательно, если бы такое обращение исходило от группы больших русских людей во главе с Вами" (Архив А. М. Горького. Том XIV. М., 1976, с. 81).

Было ли обращение Короленко доставлено и опубликовано в США, сведений нет.

1919

Февраль-март

Из воспоминаний В. А. Мамуровского: "Владимира Галактионовича я застал в удрученном состоянии. /.../ "Боже мой, Боже мой! – говорил он. – До революции мы были готовы пробудить общественное мнение всей России и Европы из-за одного человека для смягчения его участи, а теперь расстреливают массу часто ни в чем не повинных людей".

Рукопись воспоминаний музейного работника В. А. Мамуровского хранится в архиве журналиста Е. В. Кончина.

Начало марта

Приезд из Одессы типографского рабочего Т. Ф. Родионова с письмами Е. С. Короленко и А. В. Пешехонова. Спешная работа над подготовкой к изданию в Одессе рукописи второго тома "Истории моего современника".

СС, т. 10, с. 572.

К рукописи, отправленной с нарочным, Короленко приложил записку: "Эта рукопись Владимира Галактионовича Короленко представляет воспоминания автора и назначена для печати. Ничего современно-политического не содержит. Прошу просвещенного внимания и бережного отношения к этой моей работе, имеющей лишь историко-литературное значение. Писатель Вл. Короленко. 11 марта 1919 г."

1919

26 февраля / 11 марта

Из письма к А. В. Пешехонову в Одессу: ”Посылаю ”Историю моего современника”. Я отослал две порции в ”Русское Богатство”. Послал было и третью, но она вернулась: посланный не уехал. Еще один экземпляр послан в ”Задругу”, которая имеет в виду полное собрание сочинений.

Таким образом, у меня остались черновик и один дубликат, сильно перемаранные и не цельные. Пришлось на скорую руку привести в порядок, что заняло порядочно времени. Тимофей Филатович //Родионов// расскажет Вам обстановку моей жизни и то, при каких условиях приходилось работать. С ”Современником” успею, пошлю все-таки порядочную часть, но со статьей о земле не поспею”.

ГБЛ, ф. 135, II.7.90.

Из письма к Е. С. Короленко в Одессу: ”Если ты получала мои прежние письма (едва ли), то знаешь, что при петлюровцах еще мне пришлось (с Пашенькой и Константином Ивановичем) хлопотать, чтобы они не очень увлекались расстрелами и даже удалось спасти несколько человек, обвиняемых в большевизме. Теперь приходится действовать на другую сторону. Правда, большевики у нас не очень свирепствуют. Казней пока нет (были отдельные случаи, но это банды). Арестов — порой довольно бессмысленных — много. Сложилось так, что мне и Пашеньке (она това-

рищ председателя Политического Красного Креста) приходится справляться, заступаться, просить. Много ли от этого пользы, не знаю. Но не мешает, чтобы кто-нибудь сторонний мог видеть происходящее и порой говорить об этом. Пока нас выслушивают. И на том спасибо.

Чем больше я приглядываюсь, чем больше вдумываюсь в происходящее, тем больше утверждаюсь в мысли, что большевизм такая болезнь, которую приходится пережить органически. Никакие лекарства, а тем более хирургические операции помочь тут не могут. Лозунг для масс очень заманчивый. До сих пор вы были в угнетении, теперь будьте господами. И они хотят быть господами. Толкуй тут, что свободный строй требует, чтобы не было господ и подчиненных. Это сложнее, а этот лозунг простой и кажется справедливым: повеличались одни. Теперь будет. Пусть повеличаются другие. Была эксплуатация, теперь будет "господство пролетариата". И массы верят, что зто господство легко осуществимо, не представляя себе, что все дело в производстве, которое всюду остановилось и не двигается ни на шаг. И только когда этот процесс, вернее, когда полное отсутствие процесса производства и невозможность при настоящем уровне культуры перевести его одними декретами и штыками на другие, социалистические рельсы — станет для всех ощутительна и очевидна, — только тогда заманчивые лозунги получат в глазах массы настоящую

цену. А иначе – все будет казаться: вот, если бы не помешали, все уже было бы устроено. /.../"

АКЛ

Запись в редакторской книге № 6 о содержании полтавского литературного журнала "Ипокрена": "Не дурна, но слишком изысканно написана статейка Эренбурга "На тонущем корабле". Есть интересные замечания. "Футуризм, состоя под покровительством, является искусством официальным". Между прочим, отзыв о Маяковском: "Бог дал ему звонкий голос, но сказать ему нечего, и говорит он лишь оттого, что не пропадать же зычному голосу". То же можно сказать о всем сборнике, пожалуй, и о всем "художестве" данного времени "на тонущем корабле".

ГБЛ, ф. 135, 1334, л. 217.

13 марта

Запись в дневнике о закрытии "Русского богатства" и разгроме редакции: "Мы пережили много кризисов при царской власти, но кое-как жили. Теперь не только закрыли журнал, но реквизировали бумагу для "коммунистической газеты" и квартиру, которую принялись отапливать нашими книгами из склада. Такого кризиса еще не бывало. Большевики вообще считают свободу печати "либеральным предрассудком". Вся независимая печать закрыта сплошь. Положение такое, как если бы были закрыты все газеты при

прежнем режиме, кроме "Правительственного Вестника", губернских ведомостей, да еще "Московских Ведомостей" и "Русского Знамени".

Письмо к А. Г. Горнфельду. Сообщает, что получил из Одессы письмо А. В. Пешехонова. Пешехонов и Мякотин намерены возобновить в Одессе издание "Русского Богатства", просят Короленко прислать все, что может, прежде всего "Историю моего современника" и статью о земле. Короленко послал "Современника" – "все, что готово", а по поводу журнального проекта ответил: "Хорошо бы затеплить на юге наш огонек, но – трудно зто необычайно".

Горнфельд, с. 165–167.

15 марта

Запись в дневнике о еврейском погроме в Подольской губернии: "Это напоминает действительно времена гайдамаков на Украине. "Патриоты" могут гордиться. Это уже не одна историческая бутафория. Воскресают времена самого неподдельного варварства! /.../

Банковские служащие получили опросные листки. Среди вопросов есть и такой: к какой партии принадлежит опрашиваемый. Если беспартийный, то какой партии больше всего *сочувствует* (?!) Настоящее, не прикрытое ничем, наивнейшее чтение в сердцах. Отказ отвечать на эти воп-

росы влечет за собой... предание суду революционного трибунала. Любопытный был бы суд!"

16 марта

Запись в дневнике: "Много дел //в чрезвычайке//. И плодят еще больше. Свойство всякой "охранки" — неизбежно плодить безответственно глупые дела. Революционная охранка ничем не отличается от жандармской. Прежде была в ходу "неблагонадежность". Теперь "контрреволюционность"!

18 марта

Письмо А. Г. Горнфельду: "У нас тут был маленький инцидент: местные большевики предложили мельничным рабочим взять мельницы и вести производство на социалистических началах. Рабочие (в большинстве настроенные большевистски) отказались. Понятно: надо работать и кормиться, а рабочие чувствуют, что двинуть мельниц они не смогут: ни кредита, ни организации... Вожаки горячились, грозили, кричали. Но ничего не вышло. Для рабочих это не митинговая резолюция, а вопрос насущного хлеба. И таких признаков немало".

ППСС, т. X, л. 6—7.

19 марта

Письмо А. Г. Горнфельду: "С прошлой оказией я Вам послал копию с письма Алексея Василь-

евича с проектом издания "Русского Богатства" в Одессе. /.../ Думаю, что и их проект едва ли осуществится. Большевики взяли Херсон. Пишут, что союзники уже очистили Николаев, возможно, что очистят и Одессу. По-видимому, определяется, что большевизм – самая сильная все-таки военная партия в России, и может быть, ему и суждено на некоторое время представлять собою "государство Российское", пока даже перед ним самим не вскроются глубокие жизненные противоречия, скрытые под заманчивыми для масс лозунгами".

Горнфельд, с. 170.

8/**21 марта**

Запись в дневнике: "Среди большевиков – много евреев и евреек. И черта их – крайняя бестактность и самоуверенность, которая кидается в глаза и раздражает. Наглоси много и у не-евреев. Но она особенно кидается в глаза в этом национальном облике".

23 марта

Пишет губернскому комиссару по гражданской части Алексееву: "Я уже имел случай говорить с Вами о принудительных работах вообще, которые представляются мне ненужным издевательством над человеческой личностью. Теперь обращаюсь к Вам по частному случаю". //Далее о больном Е. Д. Сакове.//

Дневник

1919

27 марта

Запись в дневнике: "//Бандиты// безнаказанно вырезали целую семью евреев, в том числе детей 4–5 лет. Рассказывала мне женщина, как их несли убитых на носилках, и плакала: "все ж так люде... Та ще мали діти". О таких вещах слышишь почти каждый день. /.../

У стоявших здесь большевистских команд до сих пор установились удивительные отношения с разбойниками. Идет еврей. Его встречают два солдата и требуют, чтобы он шел с ними в чрезвычайку. Он идет, но видит, что они зачем-то ведут его в противоположном направлении. Он отказывается идти. У него забирают часы и кошелек, но все-таки ведут туда же. Встречается какой-то военный пост. Он вбегает туда и говорит, что его арестовали без мандата и ограбили. Один из сопровождающих ушел. Другой входит за ним. Постовой говорит просто, как знакомому:

– Гришка, отдай сейчас!..

Тот отдает, и этим дело кончается. Благодушие постового простирается до того, что он дает провожатого, чтобы беднягу где-нибудь все-таки не пристрелили".

29 марта

Запись в дневнике: "Вчера прибежала жена Вас. Алексеевича Муромцева, главноуправляющего кочубеевских имений. Он с утра ушел и домой не возвращался. /.../ В семье отчаяние. "Папу выбросили на свалку", – говорит сынишка. На

свалке порой находят раздетые трупы. Дети знают об этом. /.../

Я с тревогой отправляюсь в чрезвычайку. У меня есть постоянный пропуск. /.../ Муромцев оказывается у них. /.../ Барсуков (председатель) говорит, что он не знает еще, в чем дело, но арест произведен по заявлению одного "товарища, занимающего видный пост среди советской власти". /.../ Я говорю еще об арестованном крестьянине Сюмаке /.../, который арестован за то, что был волостным головой во времена гетмана. Это старик лет 70-ти. Он уклонялся, но его заставили принять должность, которую он отправлял недели три, а потом отказался. /.../ Большинство совета и крестьяне стоят за его освобождение. /.../

//Разговор с товарищем председателя всех чрезвычаек на Украине.//

Когда я говорю /.../, что Ч. К. могу сравнить только с прежними жандармскими управлениями, если бы им было предоставлено право казни, то он возражает:

– Товарищ Короленко. Но ведь это на благо народа!.. И пытливо смотрит на меня".

30 марта

"Одесский листок" № 84 сообщает, что в Симферополе издан литературный сборник "Отчизна", содержащий главу из 2-го тома "Истории моего современника" – "Корректурное бюро Студенского".

1919

3 апреля

Запись в дневнике: "Вчера в 8 часов вечера вырезана целая семья еврея Столяревского на Трегубовской улице. /.../

//К Прасковье Семеновне Ивановской часто приходит бывший матрос, хлопочет об арестованном хлеборобе Васильце, старике 55 лет//, которого держат в чрезвычайке чорт знает за что, несмотря на болезнь. По словам этого матроса, деревня страшно поправела. Идет примирение между разными слоями крестьянства. Озлобление против среднего крестьянина у бедняков будто бы проходит. Всем надоело полное стеснение. Из деревни в деревню ничего нельзя вывезти. На все нужна бумага, а при выправке ее – придирки и... древнероссийский всякого режима грабеж. /.../

В повстанческом движении заметна ненависть к коммунизму и... юдофобство. – "Мы теперь под властью жидов". Они не видят, что масса еврейская разных классов сама стонет под давлением преследования реквизицией и произвола".

4 апреля

Запись в дневнике: "Это популярное теперь среди родственников арестованных имя. "Товарищ Роза" – следователь. Это молодая девушка, еврейка. /.../ Недурна собой, только не совсем приятное выражение губ. На поясе у нее револьвер в кобуре.

Спускаясь по лестнице, встречаю целый хвост посетительниц. Они подымаются к "товарищу Розе" за пропусками на свидание. Среди них узнаю и крестьянок, идущих к мужьям-хлеборобам, и "дам".

/.../ Наташа провожала меня во второй раз и дожидалась у входа в чрезвычайку. Среди ожидавших ропот: "Держат невинных, и нет доступа". Красноармейцы вступают в спор. Две девушки, по виду швейки или модистки, говорят особенно резко:

— Держат невинных, а вот около нас живут заведомые воры. Мы скажем это кому угодно.

Их арестуют. "Агитация против советской власти".

5 апреля

Запись в дневнике: "Вчера Константина Ивановича Ляховича исключили из Исполнительного комитета (куда он был избран железнодорожными рабочими) за речь в революционном совете. Это даже не публичное выступление, а речь им же, в закрытом заседании. "Говорите нам только приятное"...

После 6 апреля

Запись в копировальной книге Короленко:

"6 апреля настоящего года в Полтаве расстреляно 8 человек по простому постановлению Чрезвычайной комиссии. Об этом даже не было из-

вестно ни Совету, ни Исполнительному комитету. Даже Чрезывчайная комиссия была не в полном составе (Председатель отсутствовал). Это показывает, с какой легкостью у нас теперь относятся к вопросу о человеческой жизни. /.../

Должен прибавить, что обстановка этих казней была ужасна. /.../ Между другими политическими казнили политического Девченка. //Он был болен.// Его привезли на кладбище, положили на доску, перекинутую над готовой могилой и пристрелили лежачего, после чего сбросили в яму. Других /.../ сажали на такую же доску. Это вызвало своеобразную просьбу заключенных: они просят, чтобы их хоть казнили по-старому: позволяли бы исповедаться, попрощаться с близкими или хоть написать предсмертные письма. В своих очерках, направленных против смертной казни, напечатанных при царском режиме, я приводил много прощальных писем смертников. Им в этом не отказывали. /.../

"Контрреволюция" стала на место неблагонадежности. Она не только поступок, не только образ действий, а и образ мыслей. /.../

Страшное зло данной минуты — неопределенность права и обязанностей. Никто не знает, кто его может арестовать и за что. /.../

//Помещения Чрезвычайных комиссий и тюрем ужасны по своей антигигиеничности, в тюрьмах — сыпной тиф.//

Сколько у дверей Чрезвычайных комиссий

толпится ежедневно заплаканных /.../ матерей, отцов, детей. /.../ Сколько их, по старой памяти, приходит и ко мне, надрывая сердце слезами, жалобами и горем..."

ППСС, т. X, лл. 22–27.

8 **апреля**

Значительное ухудшение здоровья.

БК, с. 251.

9 апреля

Пишет И. П. Белоконскому: "Верю, что Россия не погибнет, а расцветет, хоть мы последнего и не увидим. Пережить предстоит, конечно, еще очень много. Кризис будет тяжелый и бурный, но Россия — страна не только большая, но и с великими возможностями. У нее мало культуры, в том числе особенно нравственной. Но это дело наживное, а натура у русского человека хорошая, хотя пока он еще слишком склонен к порокам и — увы! — особенно к воровству".

Белоконский, с. 80–81 (с ошибочной датой — 9 января).

10 апреля

Запись в дневнике: "Третьего дня опять вырезали семью: еврея, его жену и дочь. При этом принесли с собой водку и, зарезав еврея, кутили и насиловали жену и дочь, которых зарезали после изнасилования. Это продолжалось до 6-ти часов

утра. Уже засветло ушли спокойнейшим образом и не разысканы. /.../ Пока чрезвычайка озабочена старьем, бывшими генералами, как Бураго, и расстреливанием Шкурупиевых землеробов, — обезоруженный обыватель отдан на жертву разбойникам. Но против смертной казни таких зверей — даже я не возражаю, раз они пойманы, что бывает редко".

Пишет Е. С. Короленко в Одессу: "Так как теперь, наверное, об издании журнала нечего и думать (в связи с вступлением советских войск в Одессу. — Ред.), то моего "Современника" опять постигает новая неудача. Возьми тогда с собой рукопись".

АКЛ

Второй том "Истории моего современника", набранный для публикации в одесском "Русском Богатстве", удалось до ухода из Одессы добровольцев выпустить отдельной книгой: Владимир К о р о л е н к о. История моего современника. Том второй — "Студенческие годы и ссыльные скитания". Издание товарищества "Русское Богатство". Одесса, 1919. Книга вышла тиражом 5000.

Письмо А. В. Пешехонова к Короленко от 1/14 октября 1919. (ГБЛ, ф. 135).

На обороте титульного листа одесского издания второго тома напечатана следующая заметка:

1919

"От издательства. Первая часть 2 тома "Истории моего современника", помещенная в настоящем издании с особой нумерацией страниц (2—73 страницы первой пагинации), была первоначально напечатана в "Русском Богатстве" (1910, №№ 1 и 2). Остальные части (2—250 стр. второй пагинации), предназначавшиеся для того же журнала, не могли появиться в "Русском Богатстве" вследствие приостановок его советской властью и появляются в настоящем издании впервые (за исключением X-й главы 2-й части, напечатанной в сборнике "Отчизна"). Вследствие крайней затруднительности, а временами и полной невозможности сношений с автором, настоящее издание печатается без его корректуры".

Короленко получил одесское издание осенью 1919 г. (Яковенко).

11 апреля

Запись в дневнике: "Дня три к нам зачастили с реквизицей комнат. /.../ Загаров, председатель жилищной комиссии, по-прежнему против реквизиции у меня, а какие-то второстепенные агенты все приходят, меряют шагами комнаты и т. д."

Получил охранное свидетельство на квартиру.

БК, с. 251.

13 апреля

Запись в дневнике: "С утра пришли 4 женщины из Васильцовской волости. Матери, жены арес-

тованных чрезвычайкой ”хлеборобов”. /.../ Прошли бедняги 40 верст пешком. Устали. /.../ Начинаются полевые работы. Семьям грозит нищета... И едва ли мы можем помочь. Арестованы просто каким-то красноармейским дивизионом. /.../ Было это больше двух месяцев назад. /.../

Арестован учитель Проценко. Был в театре на митинге. Выслушав какого-то очередного оратора-коммуниста, непочтительно отозвался о его речи: ”Чепуха!” Теперь, вероятно, лучше оценит ораторские силы коммуниста, посидев в тюрьме. Впрочем, скоро выпустили”.

Посещение Короленко членами Ревтрибунала – Тома, Кириком и Хейфецом.

БК, с. 251.

14–15 апреля

Пишет Е. С. Короленко: ”Костя уехал в Харьков на меньшевистский партийный съезд”.

АКЛ

16 апреля

Запись в дневнике: ”Сегодня первое заседание революционного трибунала. /.../ Как бы то ни было, рев. трибунал, при многих неправильностях, все-таки далек от настроения чрезвычаек”.

17–29 апреля

Запись в дневнике: ”По-видимому, по нашему

примеру, большевистским правительством образован "Совет защиты детей", и наша Лига, понятно, поглощается этим правительственным учреждением. В нашем (небольшом) собрании решено, пока можно, работать вместе, сохраняя возможную самостоятельность. В заседании вновь образованного Совета в первый раз все шло довольно гладко. Но в одном из следующих заседаний некто Немирицкий произнес речь, которую можно бы назвать образцом "революционного доноса". /.../

23 апреля вечером приехала Дуня из Одессы. Рассказывает о безобразиях, которые происходили в Одессе при добровольцах и союзниках. В Одессу съехалось все денежное и, наряду с большой нуждой, — царит безумная роскошь. Тут собрались реакционеры со всей России. /.../ Происходили расстрелы (это, кажется, всюду одинаково), происходили оргии наряду с нуждой, вообще Одесса дала зрелище изнанки капитализма, для многих неглубоко думающих людей составляющую всю его сущность.

"Союзники" довольно неблаговидно поступили с добровольцами и своими приверженцами. Они, не предупреждая население, сдали Одессу без боя. Все явно контрреволюционное, с большевистской точки зрения, наскоро кинулось на транспорты и пароходы. За места драли невероятные цены. Кое-где даже за стакан воды брали по 100 рублей!

/.../ Полное озверение. И каждая сторона обвиняет в зверстве других. Добровольцы – большевиков. Большевики – добровольцев... Но озверение проникло всюду".

28 апреля

Короленко обращается в "Совет защиты детей", куда входил как представитель "Лиги спасения детей", с заявлением, в котором скорбит о нарушенном контакте в работе Лиги и Совета защиты детей. /.../ В. Г. пишет: "То, что будет сделано для детей, – должно быть сделано на широком основании терпимости, братства, отсутствия национальной исключительности. Нужно стремиться к тому, чтобы путем дружной работы установить известную близость и общность колоний местных и российских, христианских, еврейских и мусульманских, и нужно, чтобы население видело эту общность и само проникалось духом солидарности и братства".

Первая годовщина..., с. 8.

Не позднее 30 апреля

Всеукраинский ЦИК принимает постановление об охране спокойствия В. Г. Короленко.

"Получена из Полтавы телеграмма, что Короленко заболел нервным потрясением. Консилиум врачей признал положение писателя очень серьезным. Президиум Центрисполкома отправил вчера на имя Губисполкома в Полтаву телеграмму с

предложением органам местной власти принять меры ограждения полного спокойствия Короленко и его семьи".

"Волынский коммунист", Житомир, 1.5.1919, №1

Заметка такого же содержания напечатана в газете "Известия Военно-революционного комитета", Феодосия, 9 мая 1919 г.

Май-июнь

Работа над очерками "Земли, земли!"

Непрерывные хлопоты и посещения трибунала, Чрезвычайной комиссии, штаба; письма и телеграммы Х. Г. Раковскому.

БК, с. 251.

3 мая

Телеграмма Совнаркома Украины к Короленко с просьбой разрешить издание его сочинений издательством Петроградского Совета.

Бібліотекознавство та бібліографія. Вип. 11. Харків, 1971, с. 103.

21 апреля /4 мая

Пишет Х. Г. Раковскому: "Я не могу представить себе такого положения, где я мог бы оставаться зрителем таких происшествий и не сделать попытки вмешаться. Теперь писать для печати мне негде. Приходится поневоле говорить о частных случаях, превратиться в ходатая. Но отка-

заться от вмешательства в окружающую жизнь, хотя бы в ее частностях, не могу, где бы я ни находился..."

СК, с. 328.

Не позже 5 мая

Всеукраинский ЦИК принимает постановление об охране спокойствия В. Г. Короленко.

"Полтава, 5 мая. Короленко заболел нервным потрясением. Консилиум врачей признал положение писателя очень серьезным. Президиум ЦИКа отправил губисполкому в Полтаву телеграмму с предложением принять меры ограждения для полного спокойствия В. Г. Короленко и его семьи".

"Известия Военно-революционного комитета", Феодосия, 9.5.1919.

"В Известиях Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета за 1919 год (тогда в Киеве) было опубликовано постановление Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета — Верховной Власти страны, гласящее, что ВУЦИК предписывает всем учреждениям и должностным лицам на местах, ввиду сведений о болезни Вл. Гал. Короленко, особенно бережно относиться к личности и спокойствию Короленко и принимать к тому все меры".

Беренштам, с. 55.

1919

10 мая

Запись в дневнике: "5 мая маленький переворот. Арестовано 16 человек чрезвычайки. /.../ Антагонизм между "исполкомом" и чрезвычайкой начался ранее. /.../ Исполком против расстрелов без суда. /.../ В центре этого маленького coup d'etat называют Дробниса и Алексеева. Чрезвычайка готовилась, говорят, арестовать обоих "за взяточничество". Но у исполкома есть факты взяточничества самой чрезвычайки./.../

//Акт об амнистии.// Каждая губерния издает его сепаратно. В Полтаве она поставлена сравнительно (например, с Харьковом) довольно широко. Выпущено человек 150. Предстоят еще освобождения. Но, конечно, даже с самой большевистской точки зрения, следовало бы гораздо шире раскрыть двери тюрем и особенно чрезвычайки. В последней томится много бывших помещиков и особенно хлеборобов, да и вообще "неблагонадежных" всякого рода. Содержатся они в ужасных условиях. Есть даже подвалы, о которых побывавшие там рассказывают с ужасом".

13 мая

Запись в дневнике: "События опять опережают мой дневник. Я записал не все, что хотелось записать, а уже горизонт меняется. /.../

Большевизм на Украине уже изжил себя. "Коммуния" встречает всюду ненависть. Мелька-

ние еврейских физиономий среди большевистских деятелей (особенно в чрезвычайке) разжигает традиционные и очень живучие юдофобские инстинкты.

/.../ Солдаты резонно указывают на то, с чего начинал сам большевизм: им надоело воевать, а тут недавно Раковский произнес речь о том, что Украина объявляет войну Румынии, чтобы подать помощь советской Венгрии и укрепить "мировую революцию"! Теперь солдаты отвечают, что более воевать не желают. С них достаточно защищать свою сторону".

14 мая

Запись в дневнике: "Вообще "гонение на веру" очень не популярно. Результаты обратные. /.../ Один гимназист, совсем мальчик, лет 16-ти, подходит ко мне и говорит:

– Позвольте вас поблагодарить. Я – Ивакин, был арестован чрезвычайкой. Вы и Прасковья Семеновна за меня хлопотали. /.../

– Какое же преступление вы совершили?

Мальчик оживляется.

– Видите ли! Это по доносу одного товарища. Нам запретили учить закон божий. А евреям читают священную историю. Это несправедливо! У нас вышли споры. Я говорю, – если им можно, то и мы хотим. А если нам нельзя, то и им не надо. Ну, заспорили. Один и донес..."

1919

Письмо к И. П. Белоконскому с просьбой о ходатайстве за арестованных харьковской чрезвычайкой.

Белоконский, с. 81–82.

5/13 мая

Письмо к С. П. Мельгунову в Москву: "Я не принадлежу к числу тех, которые бойкотируют большевистское правительство во что бы то ни стало. Факт состоит в том, что один режим сменяется другим и нельзя при этих переменах останавливать некоторых сторон жизни. //Речь идет о соглашении с советским издательством.//

Бродит вокруг Полтавы Григорьев с заманчивыми для бедноты обещаниями. Тут и земля, и еврейские погромы, и антикоммунизм... Кажется, однако, что успеха иметь не будет. Кажется, большевизму предстоит самому разведаться в противоречиях между заманчивыми для масс обещаниями и их невыполнимостью. Всюду, где еще нет большевиков, массы народа их ждут (лозунги!), но стоит им водвориться, и начинается реакция, потому что невыполнимость лозунгов становится очевидной".

ППСС, т. Х, л. 15–17.

24 мая

Запись в дневнике: "Сегодня в "Известиях" помещен очень бледный отчет о заседании "окружного революционного трибунала" по делу о

”сотрудниках Полтавской чрезвычайной комиссии”. /.../ Отчет составлен бледно и сухо. Но Прасковья Семеновна, бывшая на суде, говорит, что было много ярких эпизодов. //О взятках//

Все дело позорное для чрезвычайки, но впечатление какое-то не ясное и путаное. Чувствуется гнусность, но какая-то вуалированная”.

25 мая

Запись в дневнике: //Объявлено о роспуске городской организации ком. партии.//

”Дробнис громит состав партии, как людей, ”примазавшихся к партии из личных видов” и т. д. //После чистки, говорят, в парт. организации Полтавы осталось 8 человек.//

//Рассказ К. И. Ляховича// Он пришел в жилищный отдел. Там застает картину: какой-то ”товарищ” требует реквизировать комнату для одной коммунистки. Тут же хозяин квартиры и претендентка-коммунистка. Это старая еврейка совершенно ветхо-заветного вида, даже в парике. Она сидит и смотрит своими, как выражается рассказчик ”кислыми” глазами на старания своего ”товарища по партии”. Загарову надоела уже возня с реквизициями, и он довольно грубо отвечает:

— Ну ее к чорту! Пусть ищет сама!

— Но, товарищ... Согласитесь... Ведь это коммунистка...

Старая еврейка всем своим видом старается

подтвердить свою принадлежность к партии. Загаров сдается и так же решительно накидывается на злополучного хозяина квартиры. "Коммунистка" водворяется революционным путем в чужую квартиру и семью.

"Мой дом — моя крепость", — говорит англичанин. Для русского теперь нет неприкосновенности своего очага, особенно, если он "буржуй". Нет ничего безобразнее этой оргии реквизиций. Причем у нас в этом, как и ни в чем, нет меры. "Учреждения" то и дело меняют квартиры. Загадят одну — берут другую. "Уплотнение" тоже сомнительно: часто выдворяют целые большие семьи и вселяют небольшую семью советских служащих".

28 мая

"В Президиум Полтавской губернской Чрезвычайной Комиссии.

Жительницы хуторов Голтва, Байракской вол. Полтавского уезда Феклы Евтихиевны Куреченко.

ПРОШЕНИЕ

16 февраля настоящего года в наш хутор явились красноармейцы Авкс. Антонович Гудзь и Ал. Маркович Кравченко и арестовали мужа Захария Михайловича Кучеренко. /.../ У мужа нащупали за пазухой 500 рублей кредитками и 35 руб. серебром. /.../ Прошу произвести расследова-

ние: куда Гудзь и Кравченко девали моего мужа. /.../ Гудзь и еще двое приходили ко мне, чтобы взять шарабан. Я стала плакать, указывая, что я с сиротами ограблена и лишена мужа. Товарищи уговорили Гудзя шарабан оставить. Но после этого ко мне явились 14 человек /.../ и страшно меня избили "щоб я не шукала мужа". После этого я целый месяц лежала больная. //В настоящее время Гудзь и Горобец арестованы.// Прошу допросить арестованных /.../, куда они девали моего мужа /.../

28 мая 1919 г.

Фекла Кучеренко, а за нее неграмотную по личной ее просьбе расписался Владимир Галактионович Короленко".

ППСС, т. X.

4 июня

Письмо В. И. Ленина – М. И. Лацису.

"На Украине Чека принесли тьму зла. /.../ Надо подтянуть во что бы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся".

В. И. Л е н и н. ПСС, т. 50, с. 338.

10 июня

Запись в дневнике о расстреле 17-летнего Марченка, студента, единственного работника в семье. У матери, вдовы, 7 человек детей. Вели ночью на кладбище расстреливать 4-х человек, пытались бежать, расстреляли тут же, на улице.

"На утро в этом месте собиралась толпа, рассматривая следы крови, которую, как мне передавали, лизали собаки".

В письме к С. П. Мельгунову просит уточнить, чем кончается посланная им в "Задругу" рукопись 2-го тома "Истории моего современника". "С болезнью я стал очень рассеян и вот теперь не знаю точно, что отослал".

"Русская литература", 1976, № 1, с. 220.

23 июня

Запись в дневнике о разговоре с председателем ЧК Долгополовым о провокации в деле Храневич: "Товарищ Короленко... Нет, простите. Я понимаю, что я вам не товарищ. Отец Короленко! Я не могу отрицать, что тут в деле Храневич действительно работали (!) наши агенты. Но скажите: кто же тянул за язык, например, этого Акимова, который признался, что убил красноармейца. А он признался и даже показывал место, где он это сделал...

— А вы произвели дознание, был ли в этом месте найден труп и при каких обстоятельствах? Отец Акимова утверждает, что его сын не умеет даже обращаться с револьвером. Мальчик, да еще подпоенный, мог хвастать...

Но эти простые соображения не приходят в голову Долгополову. Признался — и кончено! Самые простейшие понятия о следствии и правосудии отсутствуют у этих людей, поставленных иг-

рою жестоких российских судеб к делу следствия и правосудия. Товарищ Роза, девушка из швеек, тоже производившая одно время следственные действия, на упрек Прасковьи Семеновны, что она запугивает допрашиваемых расстрелом, отвечает в простоте сердечной' "А если они не признаются?.."

Как-то на днях я стоял, ожидая кого-то, на площадке лестницы в чрезвычайке. Тут же встретились два молодых человека: оба еще очень юные, оба сухощавые, у одного лицо особенно сухое и неприятное.

— А знаешь, — сказал один из них другому. — Мне так и не удалось докачать своего... того, о ком я говорил.

— Ну-у?.. А мой, брат, уже докачался.

Сильно подозреваю, что речь шла о пытках при допросе. Это так просто: не сознаются, — надо "докачать". Революция чрезвычаек сразу подвинула нас на столетия назад в отношении отправления правосудия. О том, что провокация гнусность, приходится толковать порой безуспешно. //Рассказ об отряде большевиков, которые назвались григорьевцами.// Запуганная масса, конечно, дала многих, которые боятся всякой вооруженной власти и готовы прикинуться ее приверженцами. Потом оказалось, что это большевики, и улов контрреволюционеров оказался богатейший".

1919

24 июня

Запись в дневнике: ”В чрезвычайке творятся необыкновенные мерзости. Провокационное дело Храневич дает простор для них в особенности. /.../ Происходят запугивания и гнусные предложения //молодым девушкам//. Действует особенно какой-то пожилой человек /.../, называющий себя должностным лицом особого отдела. Он сменяет свои гнусные подступы запугиванием расстрелом”.

Передал в полтавские ”Известия” для напечатания ”Письмо в редакцию” – по поводу появившейся в газете статьи Г. Пятакова ”Да здравствует красный террор”.

БК, с. 251.

Пятаков писал, что Великая французская революция победила именно благодаря террору. В письме Короленко цитировал французского историка Эдгада Кине: ”Террористы сами были поглощены эшафотом, который они соорудили. Республика не только погибла, но и стала ненавистна, контрреволюция стала победоносна... Сколько раз еще будут повторять бессмыслицу, что гильотина была нужна для спасения революции, которая как раз и не была спасена”. /.../

”Нет, не восхвалять надо террор, а предостерегать против него, откуда бы он ни исходил. Если бы он мог принести пользу большевистской рево-

люции, то так же полезен был бы и ее противникам. Тогда незачем было бы возмущаться известиями "о зверствах, совершаемых добровольцами". Они, значит, только пользуются целесообразным орудием борьбы. /.../

И благо той стороне, которая первая сумеет отрешиться от кровавого тумана и первая вспомнит, что мужество в открытом бою может идти рядом с человечностью и великодушием к побежденному".

ППСС, т. XXII, л. 218.

Письмо напечатано не было (см. 28 июня).

25 июня

Запись в дневнике: "Храневич /.../ совсем лишилась сна из-за этих ночных допросов и гнусных приставаний".

26 июня

Запись в дневнике: "Арестовали мать и сестру бежавшего Пигуренко, "как заложниц". Кроме того, им принесла пищу Марья Захаровна Олеховская. Ее тоже арестовали. У нее на квартире осталась девочка двух лет".

Интервью корреспонденту РОСТА (Российское телеграфное агенство) Н. А. Лебедеву:

"Основная ошибка Советской власти – это попытка ввести социализм без свободы. На мой

взгляд, социализм придет вместе со свободой или не придет вовсе".

ГБЛ, ф. 135, 1, к. 17, ед. хр. 1007.

"Опубликование подобного интервью в разгар гражданской войны было бессмысленным".

Н. А. Л е б е д е в. Внимание: кинематограф! М., 1974, с. 29.

Об этом интервью Короленко вспомнил в сентябре 1920 в шестом письме к А. В. Луначарскому: "В прошлом 1919 году ко мне приезжал корреспондент вашего правительственного телеграфного агенства, чтобы предложить мне несколько вопросов о том, что я думаю о происходящем. Я не люблю таких интервью. Помимо того, что я писатель и мог бы сам формулировать свои мысли, — эти интервью почти всегда бывают не точны. Но опять-таки — я писатель, т. е. человек, стремящийся к тому, чтобы его мысли стали известны. А вы убили свободную печать. И я согласился отвечать корреспонденту, выразив только сомнение, чтобы мои мысли нашли место в большевистской печати. Он ответил, что за это он не ручается, но агентство разошлет это интервью руководителям советской власти.

Интервью в печати не появилось".

(Владимир К о р о л е н к о. Письма к Луначарскому. Париж, 1922, с. 58–59).

1919

Впервые интервью опубликовано в кн.: ПАМЯТЬ. Исторический сборник. Вып. 2. М., 1977 – Париж, 1979, с. 429–431. См. приложения.

28 июня

В редакцию "Полтавских Известий"

"Редакция непозволительно злоупотребила моим доверием к ее литературной порядочности. Я отдал ей "письмо в редакцию". /.../

Сегодня я вижу в "Известиях" выдержки из моей статьи, послужившие лишь материалом для победоносных возражений т. Жарновецкого. /.../ Должен только подчеркнуть, что читатели /.../ с моей статьей совсем не знакомы, а я, конечно, писал ее для читателей, а не для тов. Жарновецкого /.../ ".

ППСС, т. X, л. 31–33.

Это обращение в редакцию также не было напечатано.

Частичная эвакуация советских учреждений в связи с приближением деникинцев.

БК, с. 251.

29 июня

Запись в дневнике: "Опасениями расстрелов и красного террора насыщен воздух. В наших "Известиях" от 22 июня /.../ появилась (как уже отмечено) статья Пятакова: "Да здравствует красный террор". Я решил напечатать возражение.

Других газет нет, кроме большевистских. Как-то редактор /.../ приходил ко мне и просил писать у них. Они имеют в виду разоблачать "непорядки" и отрицательные стороны"...

//Через два дня в газете появляется статья, но не Короленко, а Жарновецкого, озаглавленная "Красный террор". Автор, //третируя меня en canaille (конечно, контрреволюционную), сообщает, что контрреволюционеры присылают им свои статьи, требуя их напечатания, тогда как советская власть считает это излишним и т. д... Затем из моей статьи приводятся краткие произвольные выдержки и великолепный Жарновецкий победоносно сообщает мне, что по прочтении моей статьи он еще с большим убеждением и горячностью восклицает: "Да здравствует красный террор"!

Очевидно, большевики, даже литературные, отбросили всякое представление о литературной порядочности, и такой полемический прием не конфузит этих людей. Я написал краткое письмо в редакцию, где рассказываю эту историю и снимаю с себя ответственность перед читателями за то употребление, которое Жарновецкий сделал из моей статьи. Я писал ее не для Жарновецкого, а для читателей. Но редакция скрыла ее от читателей, предоставив ее Жарновецкому для его полемических целей. Пишу, кроме того, что не верю теперь в возможность помещения и этого письма, но пишу его, "чтобы дойти в этом инциденте до конца". /.../

1919

//Был в штабе у А. И. Егорова.// Это командующий войсками левобережной Украины. Разговор с ним произвел на меня хорошее впечатление. Он — не сторонник красного террора и даже не мало сделал для приостановки бессудных казней. /.../

Третьего дня собрание Политического Красного Креста было оцеплено и у всех произведен обыск, в том числе и у Пашеньки. /.../ Член Чрезвычайной комиссии /.../ говорил мне /.../, что они убеждены, что под флагом Красного Креста собрались противники советской власти. Мне, кажется, удалось его разуверить в этом: политический Красный Крест, который теперь заступается перед большевиками за их противников и за нейтральных, — через несколько дней, быть может, вместе с событиями переменит фронт и будет защищать интересы арестованных большевиков. Разговор происходил в довольно людной канцелярии. Кругом толпились и прислушивались с видимым и понятным интересом мелкие служащие и пришедшие в штаб по делам красноармейцы..."

Налет бандитов на квартиру Короленко. Из письма к племяннику, В. Ю. Короленко, от 12/25 июля 1919: "...Твой престарелый дядя выдержал налет бандитов и даже — прямую физическую борьбу. Было это 29 июня в 11 часов по новому времени (то есть почти засветло). Во время сует-

ни с эвакуацией Совет защиты детей обратился к Лиге с предложением — взять на себя заботу о детских колониях, для чего нам оставили два миллиона. Все это делалось наспех, и два миллиона, полученные от казначейства ночью, были мне доставлены утром. Все это не осталось в секрете, и к вечеру явились двое с револьверами. Один остался со мной в коридоре, другой вышел в переднюю и сделал "для страха" выстрел. Увидев, в чем дело, я кинулся в переднюю и быстро схватил бандита за руку с револьвером. Дуня и Наташа кинулись мне на помощь. Во время борьбы последовал другой выстрел. По-видимому, он назначал его мне, но мне с помощницами удалось отвернуть руку — и пуля попала в дверь. Другой в это время мог бы перестрелять нас, но, по-видимому, он сообразил, что это бесцельно: выстрелы могли уже привлечь внимание, и денег унести все равно бы не удалось, тем более, что Соня, выскочив в окно, унесла чемоданчик к соседям. Посему разбойники (по-видимому, совершенно неопытные) поторопились убежать... Конечно, следующие дни мне пришлось расплачиваться за эту "победу" обострением сердечной болезни..."

СС, т. 19, с. 573—574.

30 июня

Запись в дневнике: "Большевики быстоpo эвакуируются. Возможно вступление деникинцев. Немировский отпустил всех политических из тю-

рем. Из чрезвычайки тоже отпущены, кажется, все. Частью отпустили их сами большевики, отчасти какой-то неизвестный человек, который открыл двери и убедил часовых, что так как начальство разбежалось, то незачем держать людей".

Июнь

Посещение Короленко молодым писателем В. П. Катаевым.

Валентин К а т а е в. Один из последних (Короленко в 19-м году). "Коммунист" (Харьков), 1.1.1922, № 298.

Ср. В. К а т а е в. Разное. М., 1970, с. 49–56.

2 июля

Запись в дневнике: "Говорили, что у большевиков дела поправляются. /.../ Ко мне явилась сегодня жена Плевако. Мужа, отпущенного вчера, арестовали опять. Ей сказали, что военно-революционный трибунал будет заседать сегодня. Отказываются вызвать свидетелей. /.../ Я обращаюсь к Сметаничу //член трибунала//. /.../ Это значит, большая вероятность осудить невинного. А ведь вы знаете старое правило: лучше оправдать 10 виновных, чем осудить одного невинного.

– При классовой борьбе мы этого не признаем. Мы считаем, что наоборот.

/.../ Несколько минут назад он же говорил, что бандитизм "для нас" не опасен, он не идет против советской власти. /.../ Он говорит еще о том, что

нельзя теперь оставаться нейтральным, что за эти $2^1/2$ года положение выяснилось. Когда бывало, чтобы дети сходили с ума. А он знает случаи, когда с ума сходили 8-летние мальчики... Я отвечаю, что сходить с ума дети, конечно, теперь могут, но это не значит, что они также могут разбираться в партиях. А что могут быть нейтральные, — так вот вам: я нейтральный. Он выражает недоверие: я ближе к ним, чем к деникинцам. /.../ Он начинает доказывать, что большевизм не только разрушает, но и творит. Приводит в пример "правотворчество". Образованы трибуналы и народные суды. Мы боремся с чрезвычайками и, как видите, в Полтаве не было таких *жестокостей, как в* других местах.* /.../ //Арестован Немировский// за то, что освободил арестованных".

3 июля

Запись в дневнике о расстреле черносотенца, душевнобольного Кузуба. Его взяли прямо из психиатрической больницы.

4 июля

Запись в дневнике: "Ч. К. опять принялась за аресты, чтобы в чем-нибудь проявить свою деятельность".

10 июля

Запись в дневнике //Разговор с предс. Ч. К.

---

*Над выделенными словами стоит знак вопроса.

Долгополовым.// "Кажется, на сей раз наткнулся на вполне искреннего человека. Говорили и ранее, что он человек мягкий по натуре и по временам хватается за голову от того, что делается кругом. /.../

– Теперь приходится делать много жестокостей. Но когда мы победим... Отец Короленко! Вы ведь читали что-нибудь о коммунизме?

– Вы еще не родились, когда я читал и знал о коммунизме.

– Ну, я простой человек. Признаться, я ничего не читал о коммунизме. Но знаю, что дело идет о том, чтобы не было денег. В России уже денег и нет. Всякий трудящийся получает карточку: работал столько-то часов... Ему нужно платье. Идет в магазин, дает свою карточку. Ему дают платье, которое стоит столько-то часов работы...

– Приходит в магазин, а ему говорят, что платья нет и в помине...

– Нет, так нет для всех... А есть, так его получает трудящийся. Все равно, над чем бы он ни работал. Умственный труд тоже будет вознагражден... все равно. Ах, знаете, отец Короленко! Когда я рассказывал о коммунизме в одном собрании... А там был священник... То он встал и крикнул: если вам это удастся сделать, то я брошу священство и пойду к вам...

На лице Долгополова лежит отпечаток какого-то умиления. Я вспоминаю, что чрезвычайка уже при нем расстреливала и покушалась расстрели-

вать без всякого суда. Вспоминаю и о том, что он хватается за голову... Хатается за голову, а всетаки подписывает приговоры. Кажется, я действительно на этот раз видел человека, искренно верующего, что в России уже положено начало райской жизни. Он и не подозревает, что идея прудоновского банка с трудовыми эквивалентами жестоко высмеяна самим Марксом..."

15 июля

Запись в дневнике: "Большевики считают по новому стилю. Деникинцы – по старому. /.../

Чрезвычайку разгромил 8 полк, стоявший в Беликах. Там он творил ужасные вещи. Перевели сюда. /.../ Говорят, при этом слышались лозунги: "перебить жидов и коммунистов", упоминался "батька Махно". Вот на каких надежных элементах стоит власть, взявшаяся преобразовать мир".

2–18 июля

Хлопоты об арестованных: посещения трибунала и Чрезвычайной комиссии.

БК, с. 251.

20 июля

Запись в дневнике: "Расстрелы учащаются. Опять расстреливают без суда /.../

В монастыре в результате провокации произведен форменный разгром. /.../ Агенты чрезвычай-

ки явились под видом деникинцев и попросили приюта. /.../ А через два часа нагрянул отряд человек в 60—70 и произвел форменный разгром. /.../ Бабурову тоже арестовали, страшно избили шомполами и топтали ногами.

//В киевских "Известиях" статья Раковского "Кулацкие восстания"//, в которой он доказывает, что бандитизм поддерживается деревенскими кулаками. /.../ Статья заканчивается предложением перенести красный террор в деревню! /.../

Раковский, к моему великому огорчению, поплыл уже по этому течению: киевские "Известия" то и дело печатают длинные кровавые списки расстреляннных без всяких действительных оснований. Все эти списки окрашиваются для меня и для многих благородным именем Вл. Павл. Науменка, погибшего от этого кровавого безумия!"

21 июля

Запись в дневнике: "//В киевских "Известиях" напечатана статья "Будем беспощадны"//, в которой сообщается, что "карательная часть нового социального уложения выработала проект неизвестного еще буржуазной науке уголовного правового института... Мы имеем в виду институт общественно-опасного состояния". /.../ "Конкретно" это поясняется так: "Данный индивидуум *по своему классовому положению* (курсив мой) принадлежит к классу эксплуататоров и по свое-

му психологическому складу /!/ безусловно враждебен диктатуре пролетариата. Кроме того, он является активной личностью, которая не может безразлично относиться к происходящим во вне ее событиям, нарушающим интересы ее класса. И вместе с тем он, будучи человеком умным и осторожным... не выступает активно. Но если обстоятельства повернутся к нам спиною, то вышеуказанный индивидуум вонзит нам нож в спину — и из лояльного гражданина советской республики превратится в убийцу".

Это чудовищное рассуждение, ставящее на место объективных признаков преступления психологию и чтение в сердцах, напечатано в официальном органе украинской советской власти. Это попытка /.../ обосновать красный террор. //Статья// заканчивается прямым призывом к доносам".

22 июля

Запись в дневнике: "Опять заговорили об эвакуации. /.../ В лесу, около Руновщины /.../, нашли три трупа, в том числе иеромонаха Нила. Кто их расстрелял, по чьему приговору — неизвестно.

27 июля

Запись в дневнике: "В городе все в движении. Целые обозы двигаются на вокзал. Увозят все, что можно. Из дома Сияльского, реквизированного под какой-то отряд, везут всю мебель. Конечно, не для того, чтобы эвакуировать; все это

распродается на вокзале. Идет просто грабеж".

28 июля

Запись в дневнике: "Ездил с Константином Ивановичем (и Наташей) в Исполнительный комитет и на вокзал. Известия тревожные: большевики арестуют и берут с собой заложников. /.../ Приходят жены и родственники "заложников". /.../ Семья богатого еврея Самоловского в тревоге. С него требовали 100-тысячную контрибуцию. Заявили, что таких денег нет. Надеялись, что еще есть время поторговаться. Теперь готовы заплатить, но не знают уже, куда кинуться. Приходила жена Воблаго, бывшего полицейского. Он уже был раз арестован. Теперь пришли с обыском, ограбили. Взяли тысяч 8, забрали вещи и самого Воблаго. /.../ Вообще — хватают многих.

Едем в исполком. Застаем Алексеева. Вид у него утомленный. Суета страшная. То и дело входят с спешными делами, то и дело трещит телефон. Там потеряли свою воинскую часть. Тут нужно подписать приказ об освобождении 150 красноармейцев... "Тот напился пьяный, тот с бабы платок сорвал"... Оставить их в тюрьме, — деникинцы расстреляют. Судить некогда. Алексеев после короткого размышления подписывает. А я думаю: сколько тут прямых разбойников, и нет ли среди них известного мне Гудзя. /.../ Прощаемся. — "Не поминайте нас лихом", — говорит Алексеев немного растроганным голосом. Я дол-

жен признать, что он все-таки действовал в сторону человечности. На лестнице встречаю Сметанича. Озабочен /.../, семья его остается здесь... Теперь нам же предстоит задача — охранять семьи многих большевиков от деникинских эксцессов.

Выходим. Оказывается, какой-то "товарищ" захватил нашу лошадь, чтобы перевезти свои вещи. Через некоторое время приезжает. Вся пролетка загружена беспорядочно набросанными вещами: тут пиджаки, штаны, пальто. У крыльца множество красноармейцев; они не стесняясь говорят, что это, наверное, вещи, отнятые у буржуев... /.../

На вокзале долго ходим, разыскивая особый отдел. У рельсов стоит поезд, расписанный безобразными фигурами: "Прежде и теперь". Барин, поп, буржуй торжествуют, мужик истомленный идет за сохой. "Теперь" те же буржуи и попы — унылые и сконфуженные. Все это — аляповатая и отвратительная мазня. На вагоне надпись, извещающая, что тут же редакция газеты... Это вагон Стеклова-Нахамкеса, большевистского Меньшикова, пишущего походя и всюду и так же, как и Меньшиков, сегодня утверждающего то, что отрицал вчера. Находим, наконец, человека, который может нам объяснить об арестованных: 5 вагонов отправлено в ночь, — два классных и три теплушки с арестантами. Тут, наверное, и заложники и другие арестанты, которых не сочли возможным отпустить, отправлены они при штабе

Егорова. Хоть это дает надежду, что их по дороге не расстреляют".

Эвакуация советских учреждений и войск. Поездка Короленко на вокзал по поводу участи увозимых заложников. В ночь с 28 на 29 июля в Полтаву вступили части Добровольческой армии.

БК, с. 251.

16/29 июля

Запись в дневнике: "Я проснулся рано и открыл окно... Тихо. Мимо едет повозка. В ней люди в шапках вроде папах. Везут какие-то вещи. Открываю дверь и выхожу на улицу. Подходит высокий еврей и еврейка. Их уже ограбили. В повозке, оказывается, тоже везли награбленное. Грабеж, по-видимому, без убийств, идет в разных местах, по всему городу. /.../

Ночью около нас, на Каменной, убили старушку Стишинскую. Когда ворвались в квартиру, она открыла окно и стала звать на помощь. Один из грабителей выстрелом уложил ее. Стишинская не еврейка. Отзываются о ней, как о прекрасном человеке; она, вероятно, тоже ждала деникинцев как избавителей... Впрочем, вероятно, что среди этих грабителей значительная часть приходится на уголовных: на тех 150 красноармейцев, которых выпустили большевики. И еще вчера, уже деникинцы, разгромили арестантские роты. Разбежалось много уголовных..."

1919

18/31 июля

Запись в дневнике: "Эти дни прошли в сплошном грабеже. Казаки всюду действовали так, как будто город отдан им на разграбление "на три дня". Во многих местах они так и говорили. /.../

Начались подлые бессудные расстрелы. /.../ Награбленные вещи продаются тут же, на улицах, и подлые элементы населения принимают в этом участие. Мальчишки указывают грабителям жилища евреев и сами тащат, что попало. В покупке награбленного участвуют "порядочно одетые люди".

//Короленко вместе с Ляховичем отправляются в контрразведку.// Здесь нас встречают с шумной приветливостью. Прежде всего кидается ко мне М-в, одетый в штатском. Он был арестован при большевиках. Я, а главным образом Константин Иванович, выручили его и его товарища. Он приходил к нам с благодарностями. Теперь он шумно приветствует нас обоих. Подходят еще два-три офицера с такими же заявлениями.

Тон, господствующий здесь, преимущественно юдофобский и проникнутый мстительностью к большевикам. "Мстить, расстреливать, подавлять, устрашать!" /.../

//Некоторые офицеры// заявляют, что слышали, как Константин Иванович на собраниях резался с Дробнисом. Это создает ему популярность. Действительно, он, как меньшевик, резко осуж-

дал большевистскую политику, выражал свои мнения с резкой прямотой и вызывал часто резкие нападки со стороны Дробниса и других, которые, однако, тоже уважали в нем открытого противника, за которым стояли меньшевики-рабочие. Последние тоже держались резко оппозиционного настроения. Часто и Дробнис и даже в последние дни Стеклов-Нахамкес испытывали на себе это настроение железнодорожных и других рабочих. Меньшевизм в эти времена представлял единственную открытую оппозицию, и выступления Ляховича создали ему широкую популярность.

//О Ямпольском, учителе гимназии, еврее, расстрелянном неизвестно кем. Труп его лежал на улице до вечера.//

Многие искренно возмущены. Среди других смущение... Эта искупительная жертва меняет настроение большинства. Они прислушиваются к тому, что мы говорим... Заведующий контрразведкой дает слово, что больше бессудных расстрелов не будет /.../".

30—31 июля

У новых властей: у начальника гарнизона вместе с представителями городских и земских самоуправлений и другими лицами — по поводу погрома и грабежей, производимых вступившими в город войсками.

1919

Обращение к властям по поводу деятельности "Лиги спасения детей" – "учреждения совершенно аполитичного, имеющего в виду лишь дело справедливости и человеколюбия".

БК, с. 251.

Первая годовщина..., с. 8.

Начало августа

Хлопоты об арестованных и по поводу случаев бессудных расстрелов; посещения вице-губернатора, контрразведки, начальника гарнизона.

БК, с. 251.

"Короленко все був у защиті: і при Деникіні, і при большевиках не допускав разстрілювати людей".

В. Липовий и др. В. Г. Короленко и украінськое селянство. – "Червоний шлях", Харьков, 1929, № 2, с. 168.

Конец июля – начало августа

"15-го июля (ст. стиля) 1919 г. Полтава занята Добровольческой Армией. /.../ Вдруг полтавцы узнают об аресте бывших офицеров, состоявших на службе в Красной Армии /.../ Тюрьма наполнилась офицерами, начала действовать контрразведка, организовался военно-полевой суд. /.../ Приговор конфирмован... Даются последние распоряжения. Расстреливать будет офицерский взвод... /.../ Короленко не удалось спасти первых жертв,

но он первый поднял голос, когда все молчали. На утро уже весь город знал о приговоре, заволновалось население, появились статьи в газетах. Полетели телеграммы к Деникину. Словом, все поднялось, заговорило, и в результате – полевые суды, расстрел стали заменять разжалованием в рядовые с отправкою на фронт".

А. Ф о м и н. Последние годы в Полтаве. – Петербургский сборник, с. 86–87.

20 июля / 2 августа

Запись в дневнике: "Я отдал в возобновившийся "Полтавский день" статью, в которой говорил о событиях, о грабежах и т. д. /.../ Они не пытались даже представить эту статью в цензуру. /.../ С кадетами, по-видимому, каши не сваришь".

21 июля / 3 августа

Письмо Короленко помещику А. П. Старицкому: "Лига Спасения Детей" обращается к Вам с просьбой оставить находящийся в Вашем имении в Войновке детский приют временно, впредь до выяснения вопроса о переходе его к уездному земству, в занимаемом им помещении. Не сомневаемся в том, что Вы не захотите ухудшить и без того тяжелое положение невинно страдающих детей и не откажете в нашей просьбе".

"Комсомолець Полтавщини", 20.5.1978, № 62.

3 августа

Под статьей Л. Д. Троцкого "Кто предал Пол-

таву?" значится: "Миргород, 3 августа 1919 г." ("Петроградская правда", 13 августа 1919, № 181). Племянник К. И. Ляховича – Николай Григорьевич Ляхович, живший в доме Короленко в годы гражданской войны, вспоминал в беседе с А. В. Храбровицким в 1953, что однажды ему пришлось передать адъютанту Троцкого, приезжавшего в Полтаву, отказ Короленко принять Троцкого.

22 июля / 4 августа

Запись в дневнике: "Деникин в воззваниях и обращениях держится в разумных пределах. /.../ Штакельберг прямо сказал, чтобы дворянство не надеялось, что они пришли, чтобы силой восстановить их прежние права. Это не будет. Но... вопрос, как будет проводиться эта умеренная программа. Есть признаки, что кое в чем уже сказывается противоречие, истекающее, главным образом, из общего настроения офицерства..."

23 июля / 5 августа

Запись в дневнике: "Контрразведка действует в полном согласии с взглядами вчерашнего моего собеседника. "Власти не было, а была шайка разбойников". Поэтому все должностные лица, бывшие при господстве разбойников, – сами разбойники. На этом основании арестована целая серия земских служащих из Освіти /.../, а также Василий Тарасович Карпенко, начальник уголовно-

разведочного отделения. И это в такое время, когда в городе действует шайка отпущенных из тюрьмы грабителей!..”

Письмо в Москву: ”Железнодорожным служащим Московско-Нижегородского и Московских 1-го и 2-го районов, дети которых находятся в колониях Полтавской губ.

Правление общества ”Лига спасения детей” сообщает вам о тяжелом положении, в котором находятся в настоящее время детские колонии Полтавской губернии. Советская власть, уходя из Полтавы, оставила нам всего 2 миллиона на все детские колонии, т. е. на 7000 детей. Половина этой суммы уже израсходована, и если ”Лига” не получит каким-либо путем новых средств, — дети обречены на голод. К тому же реэвакуация вследствие продолжающейся гражданской войны невозможна, детям придется, быть может, зимовать здесь, на Украине, неодетыми, разутыми и к перспективе голода присоединяется еще и холод...

”Лига” обращается к вам, родителям, с предложением найти способы доставить сюда денежные средства (не советскими знаками 1918 года, здесь аннулированными). В противном случае почти неизбежна грозная катастрофа.

Почетный председатель В. Короленко
Председатель /подпись/
Секретарь /подпись/ ”

1919

Письмо написано 5 августа 1919 г. К нему приложена справка о распределении детей по районам. О письме Короленко 3 сентября 1919 г. было доложено председателем Моссовета на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК. Постановили: "Признано желательным оказать помощь через надежных людей. Вопрос о размерах помощи предложить решить Малому Совету".

"Литературное наследство", т. 80, М., 1971, с. 120

3 августа (ст. стиля)

Выходящая в Ростове на Дону "Народная газета" в № 103 опубликовала корреспонденцию В. Г. Короленко о большевиках":

"Полтава, 2 августа. Владимир Галактионович Короленко в беседе с корреспондентом "Пресс-Бюро" на месте откопов жертв полтавской чрезвычайки на вопрос о том, как пережил он большевизм, сказал: "Много ли скажешь по этому поводу? Лучше всяких слов говорят об этом увиденные только что нами картины.

Когда я хлопотал в чрезвычайной комиссии за судьбу заключенных, а делал это я беспрестанно, мне там говорили, что расстреливают исключительно бандитов.

— Но ведь и бандитов, — возражал я им, — нельзя расстреливать так, без суда.

Возмущает меня и ужасает и самый способ этих расстрелов: ночью, тайком, с издевательствами, как собак.

Пропало всякое уважение к жизни человеческой. Надо уважать жизнь человеческую.

Вы знаете, однажды группу так называемых "буржуев" увели большевики на окопные работы и привели их обратно в таком виде, что даже один из комиссаров не выдержал и воскликнул: "Смерть негодяям, совершившим это дело".

("Пресс-Бюро").

Об эксгумации жертв ЧК Короленко писал в 1920 году А. В. Луначарскому: "...Когда пришли деникинцы, они вытащили из общей ямы 16 разлагающихся трупов и положили их на показ. Впечатление было ужасное, но – к тому времени они сами расстреляли уже без суда несколько человек, и я спрашивал у их приверженцев: думают ли они, что трупы расстрелянных ими, извлеченные из ям, имели бы более привлекательный вид?"

(Владимир Короленко. Письма к Луначарскому. Париж, 1922, с. 14)

См. также письмо И. П. Белоконскому от 16/29 марта 1920 (см. далее на стр. 230).

3/16 августа

Письмо к И. П. Белоконскому с ходатайством за арестованного в Харькове полтавца: "Я лично не знаю ни арестованного, ни арестовавшего, но со всякой точки зрения нежелательно, чтобы таким образом сводить классовые счеты. Деникин запретил спешным образом сводить счеты земельные. То же нужно сказать и о счетах лично-классовых.

Маленькая личная просьба. В газете "Понедельник" появилась чепуха, будто я участвовал в парадном банкете. Я послал опровержение, которое должно бы появиться в "Понедельнике" 5 августа. Если не появилось, то очень прошу Вас отдать прилагаемый листок в любую нечерносотенную газету".

Текст письма Короленко в редакцию харьковской газеты "Понедельник": "В № 4 газеты "Понедельник" от 29 июля было напечатано известие о том, что в Полтаве "после парада состоялся банкет, на котором присутствовали общественные деятели разных слоев общества, среди них В. Г. Короленко".

Известие в этой части, которая касается меня лично, неверно. Я на банкете не был. Должен прибавить, что я с давних пор не принимаю участия в публичных банкетах, а некоторые обстоятельства, сопровождавшие занятие Полтавы и хорошо известные, вероятно, не в одной Полтаве, отнюдь не побуждали меня отступать на этот раз от этого общего правила.

С почтением Вл. Короленко

P.S. Газеты, перепечатавшие неверное известие, прошу перепечатать и эту поправку".

Белоконский, с. 85–86.

16 августа

Записка В. И. Ленина управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой до-

ставить издания, отмеченные им в "Книжной летописи" 1917–1919 годов; среди них изданные в 1917 – сборник "Нужна ли война?" со статьей Короленко "Защищайте свободу", брошюры Короленко "Падение царской власти", "Война, отечество и человечество" (о последней Ленин писал Горькому 15 сентября 1919, см. выше, с. 50).

"Литературное наследство", т. 7–8, М., 1933. с. 369, 376, 378, 392, 399.

Вторая половина августа

Написаны и пересланы в екатеринодарскую газету "Утро Юга" пять "Писем из Полтавы". Короленко послал в эту газету потому, что в ее издании участвовал В. А. Мякотин.

Приводим отрывки из "Писем из Полтавы" по тексту неизданного XXXII-го тома Полного посмертного собрания сочинений:

I. *Новая страница*;

Когда я, на второе утро после занятия города, писал эти строки, кругом шел сплошной погром и грабеж. /.../ "Грабят только евреев... И при этом никого не убивают..." Это правда, – но какое жалкое оправдание /.../ Да, нерадостно началась новая страница местной истории, омрачившая первые дни того режима, которого несомненно многие ждали как начала эры твердой законности и устойчивого права.

II. *Трагедия бывших офицеров*

//Расстрел поручика Тверитинова.// Близкие к Тверитинову люди говорят мне, что он ждал прихода Добровольческой армии как избавителей из большевистского пленения. Он был "мобилизованный". При отходе большевистских войск он и не подумал уйти с ними... Что же теперь делать другим офицерам, мобилизованным большевиками? Многие бывшие офицеры, мобилизованные в Красную армию или в другие учреждения, не уходят просто потому, что они – не герои, готовые пренебречь всем для той или другой идеи. За отсутствие героизма – наказывать нельзя. На одном героизме нельзя построить широких объединений. Между тем все бывшее офицерство у нас теперь на положении подсудимых и угрожаемых. /.../ Еще недавно они были на подозрении у большевиков, их хватали, сажали в тюрьмы, грозили расстрелами и порой расстреливали. Теперь их опять сажают в тюрьмы и опять расстреливают.

III. *Власть или шайка?*

От определенного ответа на этот вопрос – власть или шайка – зависит многое. Если была большевистская власть, то и те, кто в это время исполнял те или другие официальные обязанности, являлись лишь агентами "существовавшей власти", и их действия подлежат обсуждению с одной точки зрения: как они ей служили. Совер-

шали или не совершали преступлений по существу... Если это только "преступное сообщество" (слова другого приказа) или "шайка разбойников" – как говорил полковник Щ., – тогда является преступлением уже самый факт службы и исполнения известных обязанностей, потому что всякое содействие разбойникам, хотя бы и косвенное, – есть несомненное преступление /.../

Я тоже "позволил себе заметить" строгому полковнику, что знаю употребление русских слов и знаю, что когда та или другая группа приобретает возможность издавать декреты, признаваемые на огромном пространстве отечества, когда она на этом пространстве устанавливает свои учреждения, свои суды, приговаривает и приводит в исполнение приговоры, то я называю такую группу властью и думаю, что я прав... Так было при Гетмане, так было при Петлюре, так было и при большевиках.

IV. *Власть доноса*

Власть доноса, – власть не только подлая и безнравственная, но и опасная. Как-то раз мне пришлось объясняться в чрезвычайке по поводу группы хлеборобов, скромных людей, не занимавшихся никакой политикой. Я привел убедительные резоны, что этих людей, с точки зрения даже большевистской власти, лучше всего отпустить в их деревню к весенним полевым работам... Это так, пожалуй, – сказал один из "чрезвычай-

ников", видимо поколебавшийся. – Но что же мы скажем "нашим крестьянам"?

"Наши крестьяне" – это значит та часть крестьян, то, порой ничтожное, меньшинство, которое во имя большевизма, – держало в страхе массу населения властью гнусных доносов. Отпустить арестованных, – это значит ослабить значение этого меньшинства на месте... /.../

"Берегитесь попасть во власть доноса", – вот что могли бы сказать новой власти учреждения и лица, привыкшие служить посредниками "при смене разных властей", если бы захотели слушать их спокойные голоса.

V. *Еретические мысли о "единой России"*

Могущественное государство /.../ подавляло всякое проявление мнения и воли страны, а потому и не могло их знать. Оно видело свое могущество в том, чтобы никакого мнения и никакой воли страны не было. /.../

Но вот над "единой великой Россией" грянул гром, и она сразу развалилась на части с такой быстротой, которая способна вызвать удивление. Очевидно, это единство было спаяно очень плохо.

Чисто полицейская организация – плохой цемент /.../

"Письма из Полтавы" впервые появились в печати:

1919

1. Новая страница – "Утро Юга", Екатеринодар, 28 августа / 10 сентября 1919 г.

II. Трагедия бывших офицеров. – Там же, 30 августа / 12 сентября 1919 г.

III. Власть или шайка? – Там же, 1/14 сентября 1919 г.

IV. Власть доноса. – Там же, 4/17 сентября 1919 г.

V. Еретические мысли о "единой России". – Там же, 8/21 сентября 1919 г.

В том же году все пять статей были перепечатаны в сборнике "Перевал", Екатеринодар, 1919, с. 78–99.

Дополнит. список, с. 24.

23 августа / 5 сентября

В полтавской газете "Рідне слово" напечатана статья Короленко "О разрубании узлов и об украинстве"; то же – в харьковской газете "Южный край", 29 сентября / 12 октября 1919 г.

"Нужно признать, что до революции было много тяжкой неправды, не находившей исхода в задавленной политической жизни страны. Это была своего рода классовая диктатура, вызвавшая острую вспышку: паровой котел, в котором нарастает давление, при закрытых клапанах обыкновенно дает взрыв. /.../

Есть в России много людей, пострадавших тяжко и неповинно. Но нет ни одного класса, ко-

торый мог бы претендовать на безгрешность в той трагедии, которая теперь охватила Россию. /.../

Украинский вопрос — это тоже своего рода запутанный узел, который многие стремятся разрубить в угоду поверхностному и ложно понимаемому "русскому патриотизму". /.../"

4 сентября

Отъезд с женой в Шишаки Миргородского уезда для отдыха и пребывания там, ввиду невозможности вернуться из-за военных действий, до конца года (сначала под Шишаками в санатории д-ра В. И. Яковенко, затем в самом селе, у Е. О. Сеzеневской). Здесь Короленко работал над третьим томом "Истории моего современника" и закончил очерки "Земли, Земли!"

БК, с. 252.

22 августа / 4 сентября

Из письма к Н. В. Ляхович: "Пишу уже от Яковенка. /.../ Повторяю просьбу Косте: к 29 августа //празднование памяти И. П. Котляревского// передать от меня поздравление с праздником украинской литературы".

АКЛ

"Тяжелая болезнь отца прогрессировала, а жизнь требовала усиленной работы, и поэтому он решил принять приглашение доктора В. И. Яко-

венко и провести несколько недель в его санатории на Бутовой горе близ станции Яреськи Киево-Полтавской ж. д. Мать вспоминает, что они совершили переезд в теплушке, наполненной военными, радостно встретившими отца и называвшими себя его учениками. Всю дорогу отец разговаривал с теми из них, которые оказались участниками военных судов. Прощаясь, он сказал, что тот, кто считает себя его учеником, не вынесет ни одного смертного приговора по политическим преступлениям, так как политические смертные казни не могут быть оправданы никакими условиями борьбы".

СК, с. 343–344.

5 сентября

Отъезд семьи Ляховичей из Полтавы в Крым.

БК, с. 252.

2/15 сентября

По просьбе д-ра В. И. Яковенко Вл. Гал. написал свой анамнез (на 4 страницах). Подлинник в собрании семьи Яковенко в Москве, копия – в архиве А. В. Храбровицкого. В конце анамнеза приписка рукой д-ра В. И. Яковенко: "Написано собственноручно Владимиром Галактионовичем Короленко 2 сентября 1919 г. во время пребывания его у меня на Бутовой горе. Д-р В. Яковенко. – Он гостил у меня с Авд. Семеновной с 22 августа по 29 ноября 1919 г." (Ст. стиль – Ред.)

1919

Бутова гора находилась между Яреськами и Шишаками, в трех верстах от них. См. воспоминания Всеволода Владимировича Яковенко "Три месяца. Из воспоминаний о Вл. Г. Короленко". (В коллекции А. В. Храбровицкого).

7/20 сентября

Письмо из Екатеринодара от заведующего редакцией газеты "Утро Юга" С. Я. Маршака (будущий известный писатель) о том, что пять "Писем из Полтавы", присланных редактору В. А. Мякотину, получены и напечатаны в газете.

ГБЛ, ф. 135.

4/17 октября – 24 октября /6 ноября

Письмо к Н. В. Ляхович из санатория Яковенко: "Только тут я понял, как глубоко засела моя сердечная усталость /.../ Это результат сердечного утомления, долго накоплявшегося /.../ Чувствую, что мне необходим более длительный отдых, и тогда, может быть, верну еще многое. /.../

Мы было уже наметили сегодняшний день (4 октября) днем своего отъезда. Но... помешала нам "политическая ситуация". Появились банды. Яреськи заняты добровольческими отрядами, охраняющими мост. До нас сюда проникают разъезды. Говорят, – это от Хорола идут какие-то разбитые банды или отряды большевиков. На Сорочинцы, по слухам, налетал какой-то 2-й полк, загадочной ориентации: черное знамя с надписью:

смерть ”буржуям и жидам”. Помнится, такой уже был при большевиках в Полтаве.

/.../ Я здесь работал. Кончил статью о земле и кончаю первую часть третьего тома ”Современника”.

СС, т. 10, с. 575–576.

Октябрь

Окончание работы над очерками ”Земли, земли!” (начаты в ноябре 1917 г.). Опубликованы после смерти автора в ”Голосе Минувшего”, 1922, №№ 1–2, без последних четырех глав. Публикация заканчивалась примечанием от редакции: ”Последующие главы работы В. Г. Короленко озаглавлены ”Несколько мыслей о революции”. Печатание их мы пока откладываем”. (”Голос Минувшего”, 1922, № 2, с. 147.)

В 1922–1923 очерки были полностью опубликованы в парижском журнале ”Современные записки”, книги 11–14.

Отрывки из последних глав напечатаны в ”Книге об отце” С. В. Короленко (Ижевск, 1968, с. 293–300).

Из неопубликованного предисловия к зарубежному изданию (1920?):

”К сожалению, явились ”цензурные соображения”, от которых русский писатель не свободен и после революции. Сначала препятствия встретили последние главы, а потом потонула и вся работа.

Вот почему я вынужден печатать эту работу (как это бывало встарь) ”за кордоном”.

ГБЛ, ф. 135, 1047.

Очерки ”Земли, земли! (наблюдения, размышления, заметки)” содержат следующие главы: ”Дорожная встреча”; ”История одной подпольной прокламации”; ”Легенда о царской милости”; ”История одной книги”; ”Настроение интеллигенции – Народничество”; ”Студент на деревенском горизонте”; ”Прокламации в 1902-м году”; ”Грабижка”; ”Суд и закон”; ”Из-за чего вы хлопочете?”; ”Разговор с Толстым. Максимализм и государственность”; ”Постановления крестьянских сходов перед первой Гос. Думой”; ”Земельный вопрос поставлен в 1-й Думе М. Я. Герценштейном”; ”Впечатления крестьянских выборов”; ”Деревня посылает черносотенных депутатов”; ”Несколько мыслей о революции”; ”На сельском сходе”; ”Маятник классовой мести”; ”Заключение”.

В последних главах Короленко писал: ”На Украину пришел большевизм и утвердился надолго. Большевизм упразднил самое понятие общей свободы и правосудия. Он прямо объявил диктатуру одного класса, вернее даже не класса, а беднейшей его части, с ее вожделениями в качестве программы. Все, еще недавно пользовавшиеся в деревне общепризнанным правом владения, были за это поставлены вне закона. Достаточно было

числиться помещиком или хлеборобом-собственником, а особенно быть занесенным в списки, как члену общества, чтобы ежеминутно рисковать лишиться свободы, имущества, жизни... Большевизм — это последняя страница революции, отрешившейся от государственности, признающей верховенство классового интереса над высшими началами справедливости, человечности и права. С большевизмом наша революция сходит на мрачные бездорожья, с которых нет выхода".

/.../ Чем скорее мы перестанем говорить о классовой мести или о классовых наградах, — тем это будет разумнее и тем более это будет соответствовать справедливости. Дело не в наградах или мести, а в том, что разумное государство должно беспристрастно разыскать в прошлом глубокую неправду и спокойно и беспристрастно устранить ее на будущее...

Такая неправда прошлого была в застое, в безгласности и в задержке важнейших глубоких реформ.

И главной из этих реформ остается земельная реформа".

(Цитируется по машинописи из архива В. Г. Короленко.)

10 декабря

Занятие Полтавы советскими войсками.

БК, с. 252.

1919

В Ростове-на-Дону в литературно-художественном альманахе "Родина", издание Ростово-Нахичеванского Союза увечных воинов, опубликован рассказ Короленко "Двадцатое число (Из старой записной книжки)".

1920

11 января

Возвращение из Шишак в Полтаву. По приезде в Полтаву, в течение всего года — непрерывные хлопоты об арестованных и осужденных; письма и телеграммы Х. Г. Раковскому, Г. И. Петровскому и другим.

БК, с. 252.

8/21 января

Запись в дневнике: (датируется по СК, с. 347) "29 декабря (старого стиля) прошлого года мы вернулись из Шишак. /.../ Во время нашего отсутствия в Полтаве происходили тревожные события: деникинцы бежали в панике, совершенно так же, как ранее большевики. Невдалеке от нас продвигались какие-то банды. Оказывается, на сей раз союзниками большевиков были махновцы. /.../

//Нападение бандитов на санаторий д-ра Яковенко.// Я вполне сочувствую Яковенко. Если бы это было при мне, я непременно бы тоже стрелял. Мне противна телячья покорность, с которой крестьянская среда подчиняется подлым насилиям разбойников, которых все знают наперечет. Развился особый промысел: лопатников. Узнав, что какой-нибудь крестьянин продал свинью или

корову (это теперь 10—20 тысяч), они ночью приходят к хате, разбивают окно и суют лопату: "Клади деньги!" И кладут... Американцы давно устроили бы суд Линча. И это достойнее человека, чем эта телячья покорность, которая только плодит разбои и безнаказанные убийства. /.../

Смотришь кругом — и не видишь, откуда придет спасение несчастной страны. Добровольцы вели себя гораздо хуже большевиков и отметили свое господство, а особенно отступление, сплошной резней еврейского населения (особенно в Фастове, да и во многих других местах), которое должно было покрыть деникинцев позором в глазах их европейских благожелателей. Самый дикий разгул антисемитизма отметил все господство этой не армии, а действительно авантюры. /.../

Вскоре после вступления большевиков порядок в Полтаве установился. Большевики уже второй раз отлично "вступают", и только после, когда начинают действовать их чрезвычайки, — их власть начинает возбуждать негодование и часто омерзение. Впрочем, в Полтаве и это было много умереннее, чем в Харькове и Киеве. Деникинцы вступили с погромом и все время вели себя так, что ни в ком не оставили по себе доброй памяти. Впечатление такое, что добровольчество не только разбито физически, но и убито нравственно. От людей, вначале встречавших их с надеждой и симпатиями, приходилось слышать одно осужде-

ние и разочарование. Говорят, Деникин далеко не реакционер, и есть среди добровольческих властей порядочные люди. Но весь вопрос в том, кто берет перевес настолько, чтобы окрасить собою *факты*. Среди добровольцев такой перевес явно принадлежит реакции. Деникин пишет приказы о том, чтобы аресты не становились орудием помещичьей мести и их счетов с населением, а офицерство в большинстве сочувствует помещичьим вожделениям. Вообще теперь на русской почве стоят лицом к лицу две утопии. Одна желает вернуть старое со всем его гнусным содержанием. /.../

Утопии реакционной противустоит другая утопия — большевистского максимализма. Они сразу водворяют будущий строй на место капиталистического. Они объявили "власть пролетариата и крестьянства", но это, конечно, только номинально. Фальсифицируя и насилуя выборы, они стремятся сделать все декретами и приказами, то есть приемами мертво бюрократическими. Лозунг привлекает к ним массы, которые склонны в общем признавать "власть советов". Но явные неудачи в созидательной работе раздражают большевиков, и они роковым образом переходят к мерам подавления и насилия. Им приходится вводить социализм без свободы. Они повторяют формулу самодержавия: сначала успокоение, потом свобода. Они задавили печать и самоуправление (деникинцы признавали и то, и другое в большой

степени), они чувствуют, что и рабочая среда теперь далеко не за них, и им роковым образом приходится брести все глубже и глубже в заливающих их движение волнах насилия и себялюбия. Воровство в их учреждениях страшное".

31 января

Из письма М. М. Подгаевскому: "Мне суждено стоять в оппозиции ко всем до сих пор сменявшим друг друга властям".

Дневник, т. IV /машинопись/. Предисловие "От Редакционной Комиссии".

10 февраля

Запись в дневнике: "Сегодня открылась "беспартийная конференция". Официальная газета делает все, чтобы на эту беспартийную конференцию попали по возможности одни коммунисты. В целом ряде статей она обливает ядовитою грязью доноса меньшевиков, которые, по-видимому, имеют влияние на умы рабочих. По-видимому, многие рабочие начинают или даже давно начали понимать, что наладить производство на коммунистических началах не так легко. Уже ранее мельничные рабочие вели с Дробнисом борьбу за то, чтоб им предоставили самим установить нормальные условия с владельцами, отказываясь взять мельницы в свое заведывание. — "Что мы с ними станем делать? — спрашивали они. — Ни зерна, ни кредита для его получения у нас нет". И

они не верят в исполнимость большевистских обещаний. Для "теоретиков" всемирной революции это — вопрос выкладки и теории. Для рабочих — вопрос существования, и они не желают возложить себя и свои семьи на алтарь проблематической всемирной революции.

Теперь то же сказывается и у железнодорожных рабочих. Вчера /.../ напечатана статья Козюры "Железнодорожное болото". Она проникнута мрачной ненавистью к меньшевикам. /.../ У железнодорожников коммунисты на беспартийных выборах потерпели решительное поражение. /.../

Так идет подготовка к "беспартийной конференции". И это уже не первая статья, может быть, только самая озлобленная и грубая. И ранее появлялись статьи в том же тоне. И говорят, что вдохновляются они, между прочим, Дробнисом, человеком, по-видимому, искренним и недурным, но все более зарывающимся на пути, который, как это бывает всегда, ведет к обострению вражды между людьми близких взглядов. В миниатюре это повторение той взаимной вражды, вызвавшей потоки крови, в которых захлебнулась французская революция 1793 года. /.../ Официальный орган пользуется монополией слова. Все остальное задушено. Меньшевикам нечего и думать о своем органе".

1/14 февраля

Письмо к С. П. Мельгунову в Москву: "Посы-

лаю книгу (II том "Современника"), изданную в Одессе. Так как у меня это единственный экземпляр, то я вынужден просить переписать как можно скорее те главы, которых у вас нет, и снести на то, что есть, некоторые сделанные мною поправки, а затем книгу вернуть мне с тем же лицом, которое передаст вам это письмо, книгу и рукопись. /.../

Теперь я написал уже (закончил) первую часть третьего тома и скоро, вероятно, смогу послать ее Вам".

"История моего современника", т. II. М.– Л., 1930, с. 6; ГБЛ, ф. 135, II. 15, л. 458.

15/18 февраля

Письмо к П. С. Ивановской: "Я вчера сделал, что мог: дал письмо к Раковскому, прося, чтобы он сделал все возможное, чтобы помешать казням по решению Ч. К. Компания, очевидно, дрянная и хорошо, что им прижали хвост. Но еще хуже казни по решению Ч. К. Об этом я и пишу Раковскому".

т. X (Дублеты).

24 февраля

Запись в дневнике: "Сегодня в газете "Радянська Влада" есть отчет о заседании рев. трибунала, в котором вынесен смертный приговор трем красноармейцам. Вооруженные, они явились, взломав дверь, на квартиру Гальченка искть ору-

жие. ”Никакие мольбы, — говорится в газетном отчете, — вплоть до целования ног, не помогли: бандиты очистили сундуки, сняли с пальцев кольца, из ушей повырывали серьги, обшарили карманы и у находившегося в квартире Гальченков 70-летнего старика нищего, забрали собранную им милостыню — 20 рублей, избив его так, что он через несколько дней скончался”. Судились, по-видимому, и скупщики краденого, но отчет говорит о них вскользь. ”Присуждены к расстрелу в течение 24 часов. Приговор уже приведен в исполнение”.

27 февраля / 11 марта

Письмо к В. И. Яковенко: ”Если Вы получаете газеты хоть изредка, то уже знаете об отмене смертной казни, которая, однако, ввиду различных условий в конце концов не отменена. /.../ В общем на сей раз пока большевики ведут себя умеренно. В газетах пишут о ”курсе на середняка”. Комбеды уничтожены, по отношению к коммунам охлаждение, опираться думают на среднего крестьянина. Это в России было признано уже летом прошлого года. Теперь и наш полтавский официоз пишет статьи в этом же роде, а вчера или третьего дня была грозная статья по отношению к бандитам. Но... все это на меня производит впечатление чего-то ”между прочим”... Может быть, это объясняется тем, что я теперь далек от политики. В последнее время (недели 2) здо-

ровье мое ухудшилось — усталось сердца усилилась, и я мало с кем вижусь".

Яковенко.

16 марта

Письмо С. Д. Протопопову: "Полтава это время была занята деникинцами, а потом ее брали, опять отдавали и опять брали повстанцы-разбойники "анархиста" Махно, а затем большевики. Так как большевики пришли вскоре, то Полтава пострадала сравнительно мало. Надо отдать справедливость: большевики обуздали своих союзников-махновцев, а теперь объявляют официально, что "батько" Махно вне закона. То, что наделали, уходя, "добровольцы", вы приблизительно знаете из советской прессы. Едва ли можно преувеличить гнусности, которые они произвели в виде погромов и в других формах. Пришли они с грабежом и насилием и ушли так же, оставив разочарование даже в своих приверженцах. Можно сказать — "партия порядка"!.. Первые три дня по их вступлении шел сплошной грабеж еврейского населения. Говорят, Деникин не реакционер и человек не дурной. Но вопрос еще в "преломляющей среде", в орудиях, которыми ему приходится действовать. А это те самые военные, о которых мне приходилось писать во времена самодержавия. Только вдобавок озверевшие. /.../

Так мы и живем между двумя утопиями: с

одной стороны, восстановление нелепостей и гнусностей прошлого, с другой, немедленное водворение социализма бюрократическими мерами...

ЛДЛ, 1922, № 3/7/, с. 4.

25 марта

Письмо С. Д. Протопопову: "У нас как будто начинается весна. Что-то она принесет? Озимые почти пропали, да и засеяно было немного. Частью помешала засуха, частью – неуверенность. Никто не знает, придется ли собирать тому, кто сеял".

"Былое", 1922, № 20, с. 17.

26 марта

Письмо А. А. Дробышевскому в Нижний Новгород: "У нас теперь тоже дороговизна небывалая. Молоко кварта (5 стаканов) 180 р., масло 700–800 р., мясо 180, плоховатое и т. д. Не то, что у вас, но все-таки. Ведь Полтавщина – житница!.."

НС, с. 33–34.

28 марта

Запись в дневнике: "В Москве опять свирепствует Ч. К. Расстрелы теперь после известного декрета не производятся. /.../ Теперь приговаривают к бессрочной каторге или в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны. Арестованы еще Ек. Дм. Кускова и Прокопович".

1920

16/29 марта

Письмо С. С. Анисимову, заменившему в издательстве "Задруга" арестованного С. П. Мельгунова: "С Иваном Давыдовичем Ринкманом получил Ваше письмо и деньги (пятьдесят тысяч). Последние очень кстати. Я было уже похудел, и мне пришлось прибегнуть к продаже некоторых вещей".

Сообщает, что о деле С. П. Мельгунова пишет Х. Г. Раковскому в Харьков.

Архив АН СССР в Москве, ф. 646, оп. 1, № 597.

Мельгунов в своих воспоминаниях пишет, что в 1920 г. он был освобожден из тюрьмы под поручительство Раковского по просьбе Короленко. (С. П. Мельгунов. Воспоминания и дневники. Выпуск 2. Париж, 1964, с. 50).

Письмо И. П. Белоконскому: "Хороша чрезвычайка, но контрразведка не лучше. Они здесь в Полтаве разрыли 16 трупов, казненных в Ч. К. (почти исключительно на этот раз разбойников). Я говорил их приверженцам: попробуйте выкопать трупы казненных (без суда) деникинцами и посмотрите, — производит ли это лучшее впечатление! Безобразия — увы! — с обеих сторон, а откуда придет небезобразие — пока не видно".

Белоконский, с. 87–88.

1920

17/30 марта

Письмо к А. Г. Горнфельду: "А мы тут переживаем смену за сменой. В прошлом году нас подчинили деникинцы. Ну, и ввели "порядок". Войдя в Полтаву, три дня грабили евреев, а оставляя наши страны, устроили фастовское побоище, еще небывалое даже в наших юдофобских странах. Практиковались и бессудные расстрелы и другие безобразия. /.../ Вообще, – с этой стороны ждать нечего, кроме дикой реакции. Говорят, Деникин человек не дурной и даже не реакционер, но орудовать ему приходится с утопистами реакции самой мрачной. Эта утопия стоит против утопии коммунистической, и жизнь всей страны парализована. Теперь ждем весны и какой-нибудь новой перемены. Ждут поляков и Петлюры... Но главное – это повстанцы-бандиты, которые помогают всем, кто идет на смену, чтобы в этот промежуток пограбить. /.../ Ну, будем думать, что не так уж чорт страшен. Авось повеет откуда-нибудь и надеждой, хотя "со стороны" я и не жду и, пожалуй, не желаю. Авось встанет наконец сознание положения даже у его хозяев. А таковыми мне все-таки представляются большевики. Без пробуждения собственного здравого смысла – ничего не будет. Хватит ли его в достаточном количестве? Авось и хватит и еще пока не дойдем до конца".

Горнфельд, с. 173–174.

1920

11 апреля.

В № 79 газеты ”Рабочий край”, Иваново-Вознесенск, напечатана статья редактора газеты А. Воронского ”Обреченные (Из недавнего прошлого”, посвященная обзору газет, выходивших в 1919 году в Харькове при деникинцах. О статье Короленко Воронский пишет:

”А вот образец политической маниловщины и беспомощности. В № 71 того же ”Южного Края” помещена статья В. Г. Короленко ”Мысли о единой России”. В. Г. Короленко старается убедить деникинскую шайку:

”Факты несомненны: к современному кризису, к той анархии, которую мы видим кругом, — привели нас крайности централизации и полное подавление самых законных и жизненных стремлений отдельных национальностей. Вывод: нужно признать свободу национальных культур, полное проявление национальных особенностей... Может быть, я ошибаюсь, но будущее великой России рисуется мне в виде своего рода федерации, наподобие американских штатов с областными сеймами по вопросам местного законодательства и с общим сеймом по вопросам общегосударственным”.

/.../ Мы привыкли с величайшей любовью и благодарностью вспоминать автора ”Сна Макара”, ”Без языка”, ”В дурном обществе” и т. д. Как попал он в это несомненно ”дурное общество”, где неудавшиеся приват-доценты и журна-

листы сплелись в одно с остатками петроградского распутинского салона?”

31 марта / 13 апреля

Запись в дневнике: ”Был у меня Раковский с женой. /.../ Раковский настроен оптимистически. Когда я указал на чрезвычайную непопулярность в деревне коммунистов, он сказал, что это уже изменилось. Между тем, если есть что-нибудь несомненное в нынешнем положении, — то это прямая ненависть деревни (всей) к коммунистам. Затем он как-то радостно уверен, что в Германии уже почти торжествуют большевики-спартаковцы. Я сказал, /.../ что немецкие рабочие останутся при своем социализме и не перейдут к socialismus asiaticus. (Что и случилось, — примечание сделано в 1921 году.)

/.../ Как всегда, я при этом свидании высказывал откровенно свое отрицательное отношение к большевизму, и, как всегда, Раковский был уверен и высказывал оптимистические надежды... Разговоры были бессистемны”.

8/21 апреля

Письмо В. И. и В. В. Яковенкам: ”Видел я командующего южным фронтом (Егорова). Он говорит, что к 15 мая они надеются не только освободить, но и установить сообщение с Крымом.

Раковский приезжал в Полтаву и после митин-

га в театре и своей речи заехал ко мне с другими, отправляясь на вокзал. /.../ Они исполнены, на мой взгляд, слишком больших надежд, между прочим, на германский большевизм, который, по-моему, уже сорвался. /.../ Говорили мы еще о "чрезвычайном" правосудии с административными приговорами, хотя бы и по части спекуляции".

Яковенко

9/22 апреля

Запись в дневнике: "Большевики утешаются своими успехами: в Николаеве, где огромное большинство рабочие, коммунисты всюду остались в рабочих организациях в меньшинстве. Выборы аннулированы. Еще яснее – в "буржуазной" Одессе. Победили меньшевики и с.-р. Коммунисты /.../ объявили, что меньшевики и с.-р., как контрреволюционеры, прямо изгоняются, и опять... торжество коммунистической партии!

И такими игрушками закрывают перед самими собой истинное положение вещей, то, что у коммунизма нет никакой опоры в населении, у которого, с другой стороны, нет мужественной твердости, чтобы постоять за свое право.

//В местной газете "Радяньска Влада" напечатана речь Раковского.// Его представления о настроении местного населения, особенно деревни, – совершенно фантастические. Разбой, по его мнению, дело кулацкого элемента, то есть

того элемента, который именно от разбоев и страдает больше всего. Проклятие всякой власти, опирающейся на насилие, в том, что она начинает мыслить установленными шаблонами. Таков был шаблон о незыблемости самодержавия и о преданности русского народа царям до степени самоотверженного подчинения диктатуре помещиков по приказу царей. Теперь — такой же шаблон — якобы диктатура рабочего класса и крестьян, которая сводится на диктатуру штыка. И большевистское правительство уверено, что под этим шаблоном можно проделывать над народом все, вплость до прямого захвата плодов кровного труда. Теперь, по общим отзывам, две трети земли останется незасеянной. Мужики сеют лишь для себя, чтобы самим быть сытыми".

16/29 апреля

Письмо к И. Жуку и А. Жаку: "Вы желаете знать мое отношение к предстоящему "съезду пролетарских писателей". /.../ Я давно пришел к заключению, что происхождение автора играет незначительную роль. Главное дело — искренность и талант. /.../

Итак, мое мнение таково: жизнь испытала большой сдвиг, который наложит печать и на литературу. Но писатель должен остаться прежде всего человеком. Классовое его происхождение дело второстепенное".

СС, т. 10, с. 577.

1920

30 апреля

Письмо С. Д. Протопопову: "У меня сильная усталость сердца. Если прибавить, что Полтава около десяти раз переходила из рук в руки, что каждый раз приходится хлопотать о какой-нибудь стороне, что дело идет часто о жизнях, то легко понять, что сердцу успокоиться не на чем, и усталость все прогрессирует. /.../

У нас были колонии из России (около 7 тысяч детей). Надо отдать справедливость: обе стороны относились к детям внимательно. Большевикам и Бог велел: это они послали детей, но и деникинцы отпускали средства и облегчали задачу".

"Былое", 1922, № 20, с. 4, 29.

19 апреля / 2 мая

Запись в дневнике: "Вчера закончилась "трудовая неделя". Это попытка, которой тешатся большевики, — наладить труд. В их газетах то и дело появляются отчеты о "воскресниках" и о том, что по приказу идет успешная работа. Говорят, будто Москва, превратившаяся за зиму в клоаку, так как трубы канализации полопались, отхожие места переполнены, нечистоты выступают наружу, — будто эта загрязненная Москва в такую трудовую неделю вся очищена... Совершенно невероятно. Ведь канализацию таким дилетантским трудом не исправишь, а без этого — что же в сущности можно сделать. /.../

1920

Вчера я пошел прогуляться в городской сад. Там я увидел несколько десятков людей разного возраста с граблями и лопатами. Они сидели на скамейках или стояли на дорожках и мирно беседовали. Я насчитал всего 5—6 человек, которые лениво сгребали листья или подметали... Когда я проходил мимо одной такой кучки, со мной некоторые раскланялись и вступили в разговор. /.../

— Разве тут нет надсмотрщика, — спросил я, — который бы смотрел за успешностью работы?

— Я надсмотрщик, — отозвался один. — А, что тут? На это бы нанять двух человек, — они сделали бы гораздо лучше. А то отрывают людей от своей работы... Семейство сиди голодные, а они заставляют портных чистить дорожки..."

20 апреля / 3 мая

Запись в дневнике: //По газетному сообщению: "Умер Тимирязев. Перед смертью сказал врачу: //"Передайте Ленину мое восхищение его гениальным разрешением мировых вопросов в теории и на деле... Я преклоняюсь перед ним и хочу, чтобы все это знали".

Тимирязев был мой профессор. Это человек замечательно искренний и прямой. Предполагать в нем страх или задние мысли невозможно. /.../ Но очевидно, что в нем произошел довольно крутой перелом, не вяжущийся с общим представлением об его личности. Я помню, как он с обычной своей откровенностью восставал против

народнически-революционных стремлений студентов. /…/ Студенты его уважали и любили, зная, что это человек, в душе которого есть отголоски того святого, к чему стремится и молодежь, хотя он постоянно спорил с нею.

Теперь я не могу примирить этого образа настоящего ”интеллигента” с преклонением перед большевизмом, с его подавлением роли интеллигенции и свободы... Знаю, во всяком случае, что до конца Тимирязев остался честным”.

23 апреля / 6 мая

Пишет А. Г. Горнфельду: ”На мой взгляд, живем на вулкане. Коммунизм возбуждает в населении общую вражду, но... все-таки торжествует на выборах. Этим много сказано...”

Горнфельд, с. 177.

25 апреля / 8 мая

Запись в дневнике: ”При арестах в Шишаке, произведенных по распоряжению из Миргорода, известный всем бандит, Григорий Гмыря, не только не пострадал, но даже сделан начальником особого отдела по искоренению бандитизма... Хорош искоренитель!”

Пишет А. В. Пешехонову о третьем томе ”Истории моего современника”: ”Теперь написал уже 3 части /…/ А там уже близок конец ссыльных скитаний, что и было моей главной задачей. Остальное более или менее на виду”.

ГБЛ, ф. 225, IV.

1920

27 апреля / 10 мая

Пишет И. П. Малютину: ”У нас ничего особенно приятного не предвидится. Наступают поляки, против утопии большевистской выдвигая утопию прошлого... А тут природа выдвигает и свой ”фронт”. Озими прошлой осенью погибли все, а теперь засуха истребляет яровые хлеба. Чистое бедствие, а человек ведет себя, как стадо слепых животных, воющих и скалящих зубы друг на дру друга...”

”Сибирские огни”, 1922, № 4, с. 162.

12 мая

Запись в дневнике: ”Сегодня возчик привез дрова. Серый, сердитый мужик. /.../ Сказал, между прочим:

– Був у нас Микола дурачок, хлиб був пьятачок. А прийшли розумные коммунисты, стало ничого исты. Хлиба ни за яки гроши не купиш...

Это опять то, что носится в воздухе и рождается само собой без всякой агитации, и сразу находит свою форму. /.../

Рассказывал еще Л. Происходило вскрытие сейфов. Рабочий с мозолистыми руками, слесарь, производивший вскрытие, вдруг говорит:

– Вот уже два года я делаю эту работу. Берут имущество буржуазии, – впрочем, я не люблю этого слова... Скажем, имущих классов. Но я еще не видел, чтобы это имущество попадало в общую пользу. Вот эти золотые часы... Они попадут

к красной буржуазии... А вот у меня как были железные часы, так и останутся, да и не надо мне других... А что теперь уже образуется красная буржуазия, то это верно...

На замечание председателя, что лучше заняться делом и что за такие речи можно ответить, рабочий сказал спокойно:

— Я ничего не боюсь.

/.../

Вчера проехал Луначарский и прислал мне с молодым коммунистом письмо. Напоминает мне, что я в свое время довольно сурово отнесся к нему, и хорошо помнит мою статью, которая, однако, в то время была в порядке вещей: в то время трудно было рассмотреть настоящую сущность совершающихся событий. Я продолжаю думать, — пишет он далее, — что я был более прав /.../. Мне очень жаль, что не пришлось с ним повидаться. Любопытно, и это был случай выяснить себе многое и, между прочим, выяснить также свою точку зрения перед одним из теперешнего центра. У меня складывается в голове проект письма, с которым хочу к ним обратиться. Пожалуй, лучше всего обратиться именно к нему. Можно будет писать как к литератору".

3/16 мая

Запись в дневнике: "Расстрелы по решению Чрезвычайной комиссии возобновились".

1920

Запись в дневнике между 16 и 31 мая без даты: "Как-то я среди членов исполкома стал говорить о необходимости уважать народную веру, и что это уважение (веротерпимость) есть один из основных догматов и наших убеждений. Недавно окончивший гимназист, сделанный комиссаром просвещения, возразил,

– Поверьте, товарищ Короленко, у меня есть опыт. Я девять месяцев стоял во главе просвещения там-то. Религиозные суеверия легко искоренимы.

Ребята, играющие с огнем. А между тем – совесть народа теперь это – запутанный роковой клубок. Конечно, лозунги заманчивы. А еще заманчивее земля и имущество имущих классов, захваченное деревней. Но все это делается при глухом внутреннем протесте: эх, что-то не так. Бог рассердится, и никакая агитация специалистов агитаторов этого не заглушит. В этом клубке узел реакции".

19 мая

Пишет А. М. Горькому по поводу закрытия еврейской религиозной школы в местечке Любавиче: "Большевики распорядились с нею так, как вообще распоряжаются со многими сложными явлениями: они решили изгнать ее, а здание отдать молодым скаутам. /.../

Я мало знаю особенности этой школы. Себя далеко не могу считать человеком религиозным.

Но у меня навсегда осталось религиозное отношение к свободе чужого убеждения и чужой веры, которое возмущается слишком простым решением таких вопросов посредством простого насилия. Если и Вы думаете так же, то, быть может, не откажетесь выслушать и оказать возможное содействие Залману Менделю Шнеерсону, — содействие к тому, чтобы голос из Любавича был выслушан и мог изложить все, что можно сказать в пользу данной школы".

АКЛ; Память–2, с. 422–423.

24 мая

Пишет С. Д. Протопопову: "Вы спрашиваете, — на что я живу? На что буду жить в будущем, более или менее близком — не знаю. А пока мои книги продаются в "Задруге" и книгоиздательстве писателей. В прошлом году в Одессе был издан 2-ой том "Истории современника". Ну, вот и перебиваемся пока без особого труда. Распространился слух, что будто бы я получаю какую-то казенную субсидию. Этого нет и никогда не будет".

"Былое", 1922, № 20, с. 27.

11/24 мая

Пишет А. Г. Горнфельду: "Здоровье мое неважно. Холодная зима и холодная квартира (и у нас дрова на вес золота) сильно отозвались на моем сердце. Как переживу следующую зиму, — не знаю.

1920

Бродят у нас кругом поляки и петлюровцы. /.../ Вообще я все более и более укрепляюсь в мысли, что Россия должна сама изжить свои невзгоды и ошибки без посторонней опеки. Нужно будет большое усилие и напряжение, чтобы признать свои ошибки и, по возможности, их поправить, но это — самое желательное. Возможно ли, — покажет будущее, которого я, может быть, уже не увижу. А любопытно бы очень.

/.../ Перечитал я с удовольствием Вашу книжечку "О русских писателях" и так проникся ею, что теперь перечитываю Кущевского не без интереса. Хоть на время забыться от современности, которая дает о себе знать арестами и расстрелами".

Горнфельд, с. 179—180.

25 мая

Пишет племяннику, В. Ю. Короленко: "Здоровьем похвалиться не могу. Сердце все хуже и хуже. /.../ Даже сапожная работа порой становится не под силу. Только голова работает недурно, и я все подвигаю "Историю современника", посылая каждый раз новую часть в "Задругу".

ППСС, т. V, с. 19.

18/31 мая

Запись в дневнике: "Голод 1891—1892 года шутка в сравнении с тем голодом, который охватил теперь всю Россию. Одно из непосредствен-

ных последствий большевизма – обеднение России интеллигенцией. Одни погибают как инакомыслящие, другие – как прямые противники, третьи прямо как "буржуи", четвертые потому, что выбиты из колеи. Эту зиму не переживут очень многие. Кроме голода, нас будет губить еще холод".

20 мая / 2 июня

Письмо А. Г. Горнфельду: "Известиями о себе особенно порадовать не могу: все не поправляюсь, даже с теплом и солнцем. /.../ В прошлом году еще копал землю и рубил дрова, несмотря на то, что из-за этого приходилось выдерживать чуть не семейные драмы. Теперь единственное развлечение после писания – сапожная работа. Эти года 2–3 вся семья ходит в башмаках моей починки. Теперь увы! – даже эта работа не всегда доступна: начинает утомлять сердце".

Горнфельд, с. 181–182.

Консультация врачей (в связи с постоянными недомоганиями, общей слабостью и расстроенной нервной системой).

БК, с. 252.

23 мая / 5 июня

Запись в дневнике: "Вчера (в ночь с 3-го на 4-е) во всей Полтаве произведены повальные обыски. Точно ночная экспедиция, одновременно

собрались отряды и стали ходить из дома в дом. Брали все на учет. Отряды сопровождали служащие из разных отделов, а не одни чрезвычайники. От этого, вероятно, все совершалось сравнительно прилично... По большей части сообразовывались с инструкцией, хотя кое-где были отступления... Казалось, курс становится умереннее, но для Полтавы он опять обостряется... Выселяются целые дома... При этом иногда запрещают брать из квартир вещи. Затем обыски.

У меня обыска не было. Оказывается, что отправляющимся на эту экспедицию был дан специальный приказ обходить мою квартиру. "А если к нему станут сносить вещи другие?" Распоряжавшийся задумался, потом сказал: "Даже в таком случае не ходить в квартиру Короленко"... Лично на большевиков пожаловаться не могу, но все эти нелепости относительно других тяжело отражаются на настроении".

СК, с. 353–354.

7 июня

Запись в дневнике: "Снаряжается экспедиция в деревню с целью собирания хлеба. Естественный обмен между городом и деревней прекратился. Город ничего не производит. Иголка стоит теперь 100, а то и 150 рублей. Понятно, что давать хлеб, да еще по "твердой цене", у деревни нет никакой охоты. Вдобавок, свободный ввоз хлеба в город воспрещен. Обычный обмен замер, прихо-

дится прибегать к искусственному. Раздаются ожесточенные голоса против деревни: ”Пройти по ней каленым железом”.

Приезд А. В. Луначарского. Посещение им Короленко и предложение обменяться письмами на политические темы. Посещение митинга в театре и ходатайство там перед Луначарским за приговоренных к смертной казни (Аронова, Миркина и др.).

БК, с. 252.

По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, инициатива встречи Луначарского с Короленко принадлежала В. И. Ленину (КВС, с. 507–501). 9 мая 1920 Луначарский писал жене из Харькова: ”Меня направляют сейчас в Полтаву, где я имею поручение /.../ Также и переговорить самым серьезным образом с В. Г. Короленко”. (”Литературное наследство”, т. 80, М., 1971, с. 199.)

8 июня

Узнал о расстреле (несколько дней назад приговоренных, за которых вчера ходатайствовал).

БК, с. 252.

Запись в дневнике: ”Вчера ко мне явился Луначарский. /.../ Лично впечатление довольно приятное. /.../ Сам он вначале, уже и после нашей полемики, гамлетизировал и колебался. /.../ Он да-

же выходил из коммунистической партии, но потом опять вошел и теперь плывет по большевистскому течению.

От меня он поехал в город, потом предстоял митинг в городском театре. В эти часы ко мне явились родственники приговоренных чрезывчайкой к казни пяти человек. Имен всех не знаю. Ко мне явились родственники Аронова и Миркина, двух мельников. Их обвиняли в спекуляции хлебом. Надо заметить, что назначенные цены на хлеб совершенно невозможны, и производство муки пришлось бы прекратить. Впрочем, относительно Аронова я сам читал заключение следователя, что его надо отпустить, и нет данных для предания суду. А для Ч. К. есть данные даже для расстрела.

Я отправился в театр в надежде, что Луначарский поможет отстоять эти пять жизней. /.../ И Луначарский, и Иванов (начальник чрезвычайки) уверяли, что эти пятеро еще не расстреляны, и значит, может идти разговор об отмене приговора. Я успокоился и прослушал всю лекцию. Луначарский говорит хорошо и, по-видимому, убежденно. /.../ Эти большевистские ораторы находят только аргументы, облекающие в красивые и удобные формы общее течение. По словам Луначарского, Россия теперь держит в руках будущее мира, ключ от всемирного катаклизма. В Европе она владеет сердцами всего пролетариата, в Азии и колониальных странах она может под-

нять азиатские орды лозунгом: "Азия для азиатов"... Россию поэтому все боятся. Вообще, тон Луначарского самоуверенный. /.../ Начался и закончился митинг двольно стройным пением Интернационала. На некоторых молодых лицах заметны признаки одушевления.

По окончании митинга я уже почти оправился. Ко мне подошли с предложением сняться на эстраде вместе с Луначарским, Ивановым, Шумским и другими. Воображаю, как коммунистические газеты использовали бы эту карточку. Я снялся бы с теми самыми лицами, которые так недавно расстреливали людей по административным приговорам. Я наотрез отказался.

Затем /.../ я еще раз подошел к Луначарскому, а затем к Иванову, передал ходатайство рабочих об Аронове и просил, чтобы ради приезда Луначарского они отложили террористическую бессудную казнь. /.../ Если нужно – пусть судят. /.../

Иванов пробормотал что-то вроде обещания. Это человек с зловеще бледным лицом, мутным взглядом и глухой речью. Луначарский подтвердил обещание ходатайствовать. /.../ Когда мы с Соней вышли на площадь, в толпе, очевидно, было известно, зачем я приезжал и чувствовалось разлитое в ней сочувствие. На многих лицах была видна радость при вести о том, что казни не будет. Я тоже надеялся...

А в это время все пятеро уже были расстреляны. Об этом я узнал на следующее утро, то есть

сегодня, между прочим, из следующей записки Луначарского:

"Дорогой, бесконечно уважаемый Владимир Галактионович. Мне ужасно больно, что заявлением мне опоздали. Я, конечно, сделал бы все, чтобы спасти этих людей уже ради, Вас, но им уже нельзя помочь. Приговор уже приведен в исполнение еще до моего приезда. Любящий Вас Луначарский".

Я слышал не всю его речь, но после этого эпизода мне показалось, что в ней было слишком много угроз красным террором, и сам Луначарский стал производить не такое благоприятное впечатление, как у меня.

Сегодня с утра опять те же впечатления. Пришел юноша с матерью. Отца арестовали и, вероятно, расстреляют. /.../ По-видимому, просто казнокрадство. У меня большое нерасположение заступаться за эту старую (вероятно) интендантскую крысу, но... все-таки это опять казнь в административном порядке. /.../ Нельзя, чтобы следственное учреждение постановляло приговоры. Это азбука правосудия. /.../

Затем пришли две заплаканные девушки. Их отец, Могилевский, пришел зачем-то на мельницу и там арестован. Боятся расстрела. Пишу Иванову без особой надежды. /.../

Мне передали отзыв Шумского: напрасно Короленко беспокоится и расстраивается. Мы наметили план и исполним его. Это — только нача-

ло... Значит, нам предстоит еще целая серия бессмысленных ужасов".

Пишет В. В. Беренштаму, юрисконсульту Полтавского губисполкома, для передачи председателю Губисполкома ходатайства выдать родным тела казненных для погребения. Председатель губисполкома отказал: "Трупов отдать невозможно, из них устроили бы демонстрацию..."

Одновременно председатель губисполкома сказал: "Было бы очень хорошо, если бы Короленко поселился за городом, вдали от всей этой передряги. Мы создали бы ему полный покой, все удобства. Пусть отдохнет и побудет в стороне от таких впечатлений. Может быть, его здоровье скорее поправится /.../ Я рассказал Владимиру Галактионовичу о разговоре с председателем губисполкома. Он даже вскочил на кровати. – Никуда, никуда не поеду! – закричал Владимир Галактионович. – Буду здесь, буду здесь! Буду все время им писать!"

Беренштам, с. 90–92.

11 июня

Запись в дневнике: "На следующий день по отъезде Луначарского в газете "Укроста" появилась заметка о его речи на митинге, в которой сказано: "На митинге присутствовал В. Г. Короленко, который, подойдя к тов. Луначарскому, сказал: "Я знал, что советская власть сильна.

Прослушав вашу речь, я еще больше убедился в этом".

Я в тот же день написал следующее опровержение:

"Тов. Редактор. В сегодняшнем номере "Укросты" приведены якобы мои слова, сказанные после митинга А. В. Луначарскому. Если уж редакция сочла нужным приводить мои слова, то прошу изложить их точно, как они были сказаны. Дело в том, что болезнь решительно не позволяет мне посещать митинги. На этот раз я отступил от этого общего правила по особому поводу: для ходатайства перед властями о нескольких жизнях. Был рад, что при этом случае прослушал хоть одну речь на митинге, а затем (по закрытии занавеса), обратясь к А. В. Луначарскому, я сказал буквально следующее: "Я прослушал вашу речь. Она проникнута уверенностью в силе. Но силе свойственна справедливость и великодушие, а не жестокость. Докажите же в этом случае, что вы действительно чувствуете себя сильными. Пусть ваш приезд ознаменуется не актом мести, а актом милосердия".

Ничего другого я не сказал и перешел к изложению самого ходатайства.

9 июня 1920 г.
В. Короленко".

Когда Авдотья Семеновна повезла в тот же день эту поправку, ее очень важно принял какой-

то "товарищ" и долго читал письмо. После, кивнув головой, сказал: "Хорошо!".

– Значит, письмо будет напечатано сегодня?

– Да разве это письмо для печати?

Он думал, что я послал это для его сведения! Узнав, что я требую, чтобы письмо было напечатано, он сказал, что это должна решить коллегия.

Вчера /.../ в № 21 "Укросты" появилась следующая "поправка":

"В заметке о митинге в театре в словах В. Г. Короленко, обращенных к т. Луначарскому, вкралась неточность. Обращение В. Г. Короленко к тов. Луначарскому носило частный характер и не касалось политических вопросов".

Предпочли, значит, признаться в полнейшей выдумке всего разговора, чем сообщить о казни и моем ходатайстве. Почему нет смелости признаться в этом? Иванов, говорят, в большом затруднении, – как изложить известие об этой казни для газеты. По-видимому, они сознали, что в этом есть "ошибка". Недели полторы назад исполком обратился в Ч. К. с предложением освободить Аронова или передать дело в рев. трибунал. Заключение Генкина, заведующего продовольственным делом, было, что Аронов не нарушил никаких декретов. Что касается Миркина, то он – мелкий лавочник, покупавший на мельнице Аронова муку для своей лавочки. Очевидно, казнь вызвана не действительным нарушением и злостной спекуляцией, а только очень неудачно

примененным желанием навести грозу на буржуазию. /.../

//В полтавских "Известиях" № 1 от 30 мая, – программа "нового правительства Полтавы".// Весь этот 1-й номер проникнут красным террором. /.../ Говорится далее о борьбе с взяточничеством. /.../

В статье "Буржуазию в лабеты" говорится о намерении "скрутити буржуазию". Пусть работники "под предводительством своей Коммунистической партии возьмут за горло буржуазию, выселят ее из особняков в отдельные "халупы", конфискуют ее имущество и передадут его в общее пользование".

Результатом этого были, во-первых, ночные обыски в ночь с 3 на 4 июня и – реквизиция дома Леща. Это огромный дом на Гоголевской ул., занятый сплошь далеко не одними богатыми. Из него выселили всех в 24 часа, и теперь дом стоит пустой. /.../

Во-вторых, стали чаще расстрелы, и притом вроде расстрела Аронова и Миркина, не за определенные преступления, а как символ. По-видимому, впечатлением, произведенным этим эпизодом, сами власти до известной степени сконфужены. Приходится слышать осуждение даже от коммунистов".

//Далее шесть страниц дневника заняты выписками из полтавских "Известий", содержащими

перечень расстрелянных и заключенных в концлагерь по постановлению Полтавской Губ. Ч. К. от 30 мая.//

Консилиум врачей находит ухудшение здоровья Короленко – "резкое ослабление сердечной деятельности и расстройство нервной системы".

СК, с. 350.

3/18 июня (так! Очевидно, надо – 5/18 июня)

Письмо А. Г. Горнфельду: "Кстати, по поводу местных газет: в одной из них появилось известие, будто во время приезда в Полтаву Луначарского "тов. Короленко" тоже выступил на митинге с некотрыми речениями. Сему не верьте. Я уже это известие опроверг, но ведь утки разлетаются быстро".

Горнфельд, с. 185.

19 июня

Первое письмо А. В. Луначарскому.

Второе датировано 11 июля; третье – 4 августа; четвертое – 19 августа; пятое не датировано; шестое – 22 сентября 1920 г.

Полный текст писем дается в приложении.

"Письма к Луначарскому" в СССР не издавались, но широко распространялись в списках. Изданы были в Париже в 1922 году заграничным отделом "Задруги" и одновременно напечатаны в

девятом томе парижского журнала ”Современные записки”.

Луначарский на письма не отвечал и даже не подтвердил их получение. После смерти Короленко Луначарский утверждал, что по причине ”почтовых затруднений” он получил ”далеко не все” письма Короленко (”Правда”, 28 декабря 1921 г. № 1294). Это не соответствует действительности: все письма Короленко отправлял в Москву с оказией, и они были получены Луначарским. (”Я знаю, что мои письма дошли все”. ”Былое”, 1922, № 20, с. 18.)

В 1971 году опубликованы два письма А. В. Луначарского к В. И. Ленину по поводу писем Короленко.

Луначарский – Ленину, 7 июля 1920: ”Дорогой Владимир Ильич, посылаю Вам первое письмо Короленко. По-видимому, за ним последуют более интересные.

В объяснение факта, о котором пишет В. Г., сообщаю Вам следующее: В. Г. приехал в театр, когда я должен был выступить там с речью, и стал хлопотать в присутствии детей Аронова и Миркина за их судьбу. Я немедленно подозвал председателя ЧК т. Иванова и просил его принять к сведению факты, передаваемые Короленко.

Самым существенным была бумага от местного заведующего губисполкомом, в которой этот заведующий (запамятовал фамилию) конста-

тировал, что перступления за Ароновым и Миркиным нет.

На эту бумажку председатель ЧК т. Иванов только пожал плечами и сказал: "разберемся".

Когда В. Г. отошел от меня, Иванов заявил мне, что люди уже расстреляны. Факт произвел на меня, конечно, тяжелое впечатление, и я передал его так, как передаю Вам, т. Дзержинскому. Он очень взволновался и заявил, что это дело не может пройти так: либо, сказал он, Иванов действительно расстрелял людей зря, и в таком случае он должен быть сам отдан под суд, либо он расстрелял их за дело, и в таком случае бумажка продкома, попавшая в руки Короленко, является в свою очередь преступной бумажкой. Он затребовал при мне все это дело телефонограммой к себе и обещал рассмотреть его лично.

Думаете ли Вы, что я должен сообщить об этом Короленко?

Жму Вашу руку. 7/IV — 20 г. А. Луначарский".

Сверху надпись секретаря Л. А. Фотиевой: "Запросить Луначарского об ответе Джержинского".

В связи с запросом Ленина Дзержинский послал телеграмму в Полтавскую губчека. Дело Аронова и Миркина было направлено на заключение в Центральное управление Чрезвычайной комиссии Украины, которое не нашло оснований для отмены решения Полтавской губчека и поста-

новило считать приговор правильным.

Литературное наследство", т. 80, М., 1971, с. 198–199.

26 июля 1920 Луначарский пишет второе письмо Ленину: "Дорогой Владимир Ильич. Вы не вернули мне первое письмо Короленко, хотя я очень просил об этом. Если Вы его не потеряли, то я еще раз прошу Вас вернуть его мне. А теперь направляю Вам копию второго, копию из предосторожности, чтобы и это письмо не оказалось потерянным. Письмо, представляется мне, сравнительно мало интересно, но тем не менее заслуживающее того, чтобы Вы его прочитали.

Крепко жму Вашу руку. 26/VII – 20 г.

А. Луначарский".

(Там же, с. 207)

В 1922 году "Правда" сообщала: "Чем Владимир Ильич интересуется? – Американским сенатором Бора и только что опубликованными письмами Короленко к Луначарскому" (Л. К а м е н е в. У тов. Ленина – "Правда", 24 сент. 1922, № 215. Иллюстрированное приложение" "Тов. Ленин на отдыхе", с. 7).

Зарубежное издание "Писем к Луначарскому" (Париж, "Задруга", заграничный отдел, 1922, 62 стр.) сохранилось в Кремлевской библиотеке Ленина (Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 484).

1920

9/22 июня

Письмо С. Д. Протопопову: "Для меня большой вопрос – есть ли коммунизм та форма, чрез которую должно пройти человечество. Форм осуществления социальной справедливости много и еще нигде ни разу (за исключением разве религиозных общин, и то не надолго) мы не видели удачной коммуны. /.../ Социальный переворот может быть только результатом всестороннего и органического назревания новых социальных учреждений и свободного не бюрократического творчества".

Былое", 1922, № 20, с. 8.

12/25 июня

Запись в дневнике: "Иванов из Ч. К. ушел и сделан комендантом тюрьмы. В одном письме, полученном нелегально из тюрмы и попавшем ко мне, пишут, что судьбу заключенных, вплоть до расстрела, решают "трое", "как им подскажет "революционная совесть". Вызывают жертву "на так называемый допрос". "Часов в 11 ночи ведут двое под руки, третий сзади, в погреб и там расправляются. (Это, кажется, происходит, и в Ч. К.). Арестованный кричит: "О, товарищи, голубчики... Я ж не виноват, що вы робите!.." Тогда задний бьет ручкой револьвера по голове, и крик смолкает... Обращение с арестованными отвратительное: все время слышна площадная отвратительная ругань, какой я (пишет автор пись-

ма) никогда не слышал, пока не попал за эти решетки".

27 июня

Письмо В. В. Беренштаму с ходатайством за обвиняемых во взяточничестве: "Нет ничего ошибочнее, чем мысль, что казнями можно регулировать цены или отучить от взяточничества. Не стану доказывать это подробно, так как Вы и сами знаете это из истории Французской революции".

Беренштам, с. 97.

17/30 июня

Запись в дневнике: //В московских "Известиях" от 16 июня помещена заметка "На Украине" (беседа с тов. Луначарским.// "В Полтаве, – сказал между прочим тов. Луначарский, – я имел длинную политическую беседу с тов. В. Г. Короленко. Несмотря на некоторые (?!) разногласия, Короленко резко проводит грань "между джентельменским – по его словам – поведением Красной армии и разбойничьим поведением деникинцев, которых он наблюдал в Полтаве".

Вот что значит интервью. Немного исказит Луначарский, еще больше интервьюер, и получается полная ложь! В действительности я говорил следующее: "Большевики умеют "занимать город". Каждый раз, когда они входили, быстро прекращались грабежи и неистовства бандитов. Даже в

последний раз, когда им предшествовали шайки настоящих бандитов, они скоро возобновили порядок, тогда как деникинцы открыто грабили еврейское население три дня. Но затем, когда начинает действовать большевистский режим, с чрезвычайками, арестами и бессудными расстрелами, — это впечатление скоро заменяется ненавистью населения и ожиданием новой перемены".

И это превратилось в "джентльменство". Джентльменство людей, расстреливающих без суда своих ближних!

Вчера ко мне пришла целая кучка женщин. Это жены милиционеров. Их мужей /.../ арестовали, человек более 100, только за то, что они служили при деникинцах. Как будто при деникинцах не нужна охрана жизни и имущества граждан".

7 июля

Письмо Полтавскому губисполкому с отказом от снабжения, предложенного В. Г-чу 2 июля.

"Если я действительно сделал что-нибудь заслуживающее одобрения, то это благодаря полной независимости, которую сохранял все время своей деятельности".

ГБЛ, ф. 135; БК, с. 252.

Литературный критик К. Л. Зелинский 31 марта 1957 г. сообщил А. В. Храбровицкому, что в 1920 г. он был секретарем Малого Совнаркома Украины и по поручению Х. Г. Раковского ездил

в Полтаву, чтобы узнать нужды Короленко. Владимир Гал. сказал, что ему ничего не надо, а чтобы Раковский больше внимания обращал на его письма.

7 июля

Два письма к председателю Полтавского губисполкома Порайко с протестом против бессудных казней (среди казненных были и несовершеннолетние) .

"Насколько мой слабый голос будет в силах, я до последнего дыхания не перестану протестовать против бессудных расстрелов и против детоубийства".

Письма к Луначарскому, письмо третье.

16 июня

Письмо служащим Одесской губинспекции. Благодарит за посылку с продуктами и бумагой.

"Особенно тронула меня присланная бумага. Правда, и в этом отношении я пока еще на довольно долгое время обеспечен, но это именно то самое, в чем теперь может нуждаться писатель, не бросивший еще пера, хотя и не печатающийся по "причинам независящим".

"Вестник Одесского губотдела рабоче-крестьянской инспекции", 1920, № 4, август, стб. 53—54; ср. "Знамя коммунизма", Одесса, 4.9.197 3 № 174.

1920

26 июля

Запись в дневнике: "Ко мне пришла молодая женщина с расстроенным лицом. /.../ Ее арестовали 21 июля. Она заявила, что у нее очень болен маленький ребенок, и ей необходимо быть при нем. "Вы можете отдать его в приют". На следующий день позвали к допросу. Следователь (Соколов) спросил у нее, что она делала во время гетманщины. Она ответила. "А в каких отношениях вы были с неким Игнатьевым?" — "Да это мой муж... Во время гетмана он был арестован по обвинению в заговоре против гетманской власти". Следователь приятно удивлен. "В таком случае вы свободны". Но после этого ее держат еще два дня! Когда отпустили, она бежит домой и — застает своего ребенка уже на столе!.. /.../

Все жандармы в мире одинаковы! Пожалуй, теперешние бывают и похуже".

15/28 июля

Народный университет в Полтаве устроил чествование Короленко в связи с днем его рождения. Речи толстовца И. И. Горбунова-Посадова, В. В. Беренштама и др. Из речи Горбунова-Посадова: "В Короленко — кровь поляка от матери польки, кровь украинца по отцу, русского по воспитанию. Пусть же сейчас эти три народности сольются, объединятся, как их кровь объединилась в нем. Пусть прекратится гражданская война!"

Беренштам, с. 3.

1920

16/29 июля

Пишет С. Д. Протопопову: "Порой свожу итоги, оглядываюсь назад.. /.../ Вижу, что мог бы сделать много больше, если бы не разбрасывался между чистой беллетристикой, публицистикой и практическими предприятиями, вроде мултанского дела или помощи голодающим. Но – ничуть об этом не жалею. Во-первых, иначе не мог. Какое-нибудь дело Бейлиса совершенно выбивало меня из колеи. Да и нужно было, чтобы литература в наше время не оставалась безучастной к жизни. Вообще я не раскаиваюсь ни в чем, как это теперь встречаешь среди многих людей нашего возраста: дескать, стремились к одному, а что вышло. Стремились к тому, к чему нельзя было не стремиться при наших условиях. А вышло то, к чему привел "исторический ход вещей". И, может быть, без наших "стремлений" было бы много хуже".

СС, т. 10, с. 578–579.

31 июля

Пишет П. С. Ивановской: "Эта бедная женщина (Евдокия Моисеевна Дудник) удручена арестом сына в качестве заложника. /.../ Заложникам грозят расстрелом".

Т. Х. (Дублеты).

3 августа

Пишет П. С. Ивановской: "Просительница /.../

хлопочет о *малолетнем* сыне (16 лет) Александре Осиповиче Комлеве. Деникинцы расстреляли Петра Гончара, расстреляли невинно, – искали брата его и отца. Теперь брат (Иван Ефимович Гончар) хочет отомстить за смерть брата (казненного деникинцами) и старается схватить отца Комлева. За невозможностью достать отца – он арестовал малолетнего сына".

Т. Х. (Дублеты).

Не позже 4 августа

Письмо к председателю Всеукраинского ЦИК Г. И. Петровскому с ходатайством о 17-летней Евдокии Пищалке, приговоренной Полтавской ЧК к расстрелу. (Пищалка была освобождена).

Письма к Луначарскому, письмо третье.

10 августа

Запись в дневнике: "Много дней пропустил. Утомляет это однообразие мрачных впечатлений". /.../

Недели полторы назад у печатников произошло довольно бурное заседание: одного печатника, члена профессионального союза, расстреляли по решению коллегии Ч. К. будто бы за взяточничество. Когда об этом заговорили, собрание пришло в сильное возбуждение и вынесло протест. После этого в местных газетах стали писать о "желтых печатниках". А еще через некоторое время возник вопрос о пайках. Печатники недоволь-

ны своими пайками, а тут, вдобавок, им раздали колбасу совершенно гнилую. Наборщики грозят забастовкой, и на собрании опять произошли бурные сцены. Особенно горячился Иван Вас. Навроцкий, хромой наборщик, которого я помню еще по 1905 году. Человек горячего темперамента, и тогда он был выслан в Вологду и после в Усть-Сысольск. Во всяком случае — человек, настроенный революционно. В речи он наговорил много резкостей. Коммунистам не дали говорить и т. д...

Вчера ко мне явились двое юношей, довольно интеллигентного вида, — сыновья Навроцкого. Оказалось, что Навроцкий арестован Чрезв. Ком., и семья боится, что его расстреляют. А сегодня утром у меня была Прасковья Семеновна и передала, что встретила Ивасенка, играющего у большевиков довольно видную роль, и он тоже считает этот исход довольно вероятным. По этому поводу я написал с своей стороны заявление, которое она, в качестве председательницы политического Красного креста, — снесла в Ч. К. Поможет ли, — не знаю. Говорят, Навроцкий наговорил много резкостей и предвещал падение советской власти. Теперь печатники запуганы, и сыновья говорили мне, что никто за отца не заступается. Все боятся. Значит, "порядок восстановлен". Газеты сообщают, что проф. союз печатников распущен. Они объявлены контрреволюционерами, собираться им запрещено, другим проф. союзам за-

прещено возбуждать вопрос об их праве... Одним словом, диктатор-пролетариат усмиряется весьма успешно и приводится в повиновение. /.../ Интересно, что более всего эта оппозиция проявляется среди печатников. Печатники объявлены желтыми, и их усмиряли уже в разных городах. В "Правде" (от 29 июля, № 140) напечатана заметка: "Дорогу красным печатникам". "Мы, печатники 29-й типографии /.../ на общем собрании 25 июня единогласно постановили: клеймим презрением изменников революции и врагов рабоче-крестьянского правительства в лице желтого правления союза печатников. /.../ Мы одобряем тактику фракции коммунистов, выразившуюся в разгоне этой желтой банды, намеревавшейся нанести удар в спину нашей доблестной Красной армии, отбивающей бешеные атаки польской шляхты и барона Врангеля. Мы требуем удалить негодяев и т. д." Эти покорные овечки советской власти, накидывающиеся на свою же оппозицию, достаточно ярко рисуют положение: самостоятельное слово пролетариата, объявленного диктатором, подавляется крутыми мерами одной партии. Все низкопоклонное рукоплещет этому, все самостоятельное затаивает бессильную вражду".

13 августа

Письмо к В. В. Беренштаму о миргородцах, ранее амнистированных за "повстание" 1919 г, теперь арестованных. Просит выступить правоза-

щитником в трибунале. ”Нельзя из нее //амнистии// делать ловушку”.

Беренштам, с. 99–100.

18 августа

Запись в дневнике: //В газ. ”Большевик” напечатана статья ”Без буржуазных предрассудков”.// ”Постановлением ВЦИК об отмене платы за хлеб уничтожаются последние буржуазные пережитки. Мы переходим к ”натурализации” нашего быта /.../”.

Я давно уже думал, что когда-нибудь это должно быть сделано /.../. Но как это сделать? До этого еще далеко. Прежде всего – уничтожение учета – не удастся, или начнутся грандиозные злоупотребления. Во-вторых, кроме потребления есть еще производство... Как будет с платой за хлеб производителю? Теперь большевизм, назначая по 4–5 рублей за фунт, делает это искусственно, насильственно понижая цену хлеба, отнимая хлеб у крестьянина, и возбуждая таким образом страшную ненависть.

В идее (далекой) мера правильная, но практически мне она кажется почти безумной”.

19 августа

Письмо в Петроград директору Музея революции П. Е. Щеголеву: ”У меня были корреспондент американского журнала ”Nation” (Henry Alsberg) и русская по происхождению, но американская

подданная Эмма Гольдман. Я им дал три моих письма к А. В. Луначарскому, в которых высказываюсь о нынешнем положении. Эта переписка еще не закончена. Теперь посылаю для них же четвертое письмо. Думаю, что будет еще два. Я просил пока не распространять их, пока я их не кончу. Тогда только может выясниться истинная сущность моих взглядов.

Итак, попрошу Вас передать Альсбергу и Гольдман мое письмо. Конечно, ничего не имею против того, чтобы Музей революции оставил себе копии со всех писем. Но именно как музей, а не для немедленного распространения".

Пушкинский Дом, ф. 627, оп. 4, № 998.

В своих воспоминаниях "Моя жизнь", изданных в США, Эмма Гольдман рассказала о встрече ее и Генри Альсберга с Короленко в Полтаве (перевод с английского):

"Владимир Короленко, с седой бородой и шевелюрой, в подпоясанной крестьянской рубахе/.../. Он живо интересовался и глубоко откликался на все, что мы могли сообщить ему об Америке, которая ему, как будто, очень понравилась /.../ Но конечно, нам было гораздо интереснее послушать, что Короленко скажет о России, и мы осторожно перевели разговор на эту тему.

Эти вопросы были явно открытой раной для старого писателя, и я пожалела, что затронула их. Он немного облегчил мое чувство вины, заметив,

что даст копии двух писем Луначарскому, в которых речь шла о том же, о чем мы хотели расспрашивать его. Это были первые из шести писем, которые Луначарский просил его написать; в них должно было содержаться искреннее выражение его отношения к диктатуре. "Может быть, эти письма так и не увидят света, – заметил он, – но ваш музей получит их все, как только они будут написаны".

Альсберг спросил, можно ли повторить слова Короленко в Америке, и наш хозяин отвечал, что не возражает, потому что время молчания давно прошло. Он сознавал опасность, все еще стоявшую перед Россией, но полагал, что "как она ни велика, она не так серьезна, как внутренняя угроза для революции". Она состоит в заявлении большевиков, что все формы террора, включая массовые казни и захват заложников, оправдываются как революционная необходимость. Для Короленко это было худшим извращением основной идеи революции и всех этических ценностей.

"Я всегда считал, – добавил он, – что революция это высшее выражение человечности и справедливости. Диктатура лишила ее того и другого. У нас коммунистическое государство изо дня в день выхолащивает сущность революции, заменяя ее делами, оставляющими по жестокости и произволу далеко позади царские. Царские жандармы, например, имели право арестовать

меня. Коммунистическая Чека имеет право еще и расстрелять меня. И в то же время большевики имеют дерзость провозглашать мировую революцию. На самом деле, их эксперимент в России неизбежно надолго задержит социальные изменения в других странах. Где европейской буржуазии найти лучшее оправдание для своих реакционных приемов, чем в жестокостях диктатуры в России?"

Г-жа Короленко предупреждала нас, что ее супруг далего еще не поправился, и ему надо избегать утомления. Но когда старик заговорил о России, ему уже трудно было остановиться. Вид у него был усталый, и мы не решились оставаться дольше. Я не могла все же уйти, не сказав ему, что он дал новый стимул моей вере в революцию. Его прекрасный взгляд на значение и цели революции укрепил мой, почти разрушенный восемью месяцами пребывания в Советской России. Я не могла достаточно выразить ему свою благодарность за это".

Эмма Гольдман рассказала также о беседе с председателем Политического Красного креста в Полтаве, свояченицей Короленко, Прасковьей Семеновной Ивановской, которую она называет "госпожа X":

"Я высказала свое удивление тем, что Короленко оставляют на свободе, несмотря на его частые выступления против власти. Г-же X это не казалось странным. Она объяснила мне, что

Ленин очень умный человек. Он знал, где у него козырные карты — Петр Кропоткин, Вера Фигнер, Владимир Короленко, — с этими именами надо было считаться. Ленин понимал, что пока можно указывать на них, остающихся на свободе, удастся успешно опровергать обвинение в том, что при его диктатуре пользуются лишь ружьем и кляпом. И весь мир проглотил эту приманку и молчал, пока распинали истинных идеалистов".

Emma Goldman. *Living my Life,* Vol. 2. New York, 1931, p. 816–822.

В начале сентября 1920 Альсберг был арестован в Харькове (В. И. Ленин и ВЧК. М., 1975, с. 409–410).

20 августа

С. П. Мельгунов и В. А. Мякотин осуждены по делу "Тактического центра". Мельгунов приговорен к расстрелу, замененному десятью годами тюремного заключения. Мякотин, отсутствовавший на суде, объявлен "врагом народа" и лишен "права въезда на территорию Советской республики" (Из истории ВЧК. М., 1958, с. 407). После ареста Мякотин был осужден к 5-летнему заключению. В 1921 г. все осужденные по делу "Тактического центра" были амнистированы (Д. Л. Г о л и к о в. Крушение антисоветского подполья в СССР. Книга 2. М., 1978, с. 17).

В архиве Короленко хранятся собранные им

газетные вырезки под рубрикой "Тактический центр" (ГБЛ, ф. 135, III. 34.36.)

Осенью 1922 г. Мельгунов и Мякотин были высланы из Советской России ("Голос Минувшего на чужой стороне", Париж, 1926, № 4 (17), с. 276).

21 августа

Запись в дневнике: "Сегодня напечатан длинный список расстрелянных. /.../ Не говорится ничего о том, когда состоялся "суд этой коллегии". /.../ Невольно приходит в голову, что слух о 32-х, расстрелянных по ошибке, еще до "суда", – имеет основание. /.../

//Среди расстрелянных – Н. Чечулин, мать которого ранее приходила к Короленко.// Петровскому я написал, что не мог отказать этой бедной матери, вспомнив наших матерей (Петровский тоже в царское время был в ссылке), которые в наше время так же страдали об нас. Но судьба наших матерей была далека от того, что пришлось испытать этой страдалице. И, может быть, еще – по ошибке!

Этому нет оправдания".

Письмо к П. С. Ивановской: "Ал. Вас. Егунова расскажет Вам чрезвычайно драматическую историю диканьской учительницы Вельцовской, которая после допроса в Ч. К. повесилась. /.../

1920

К бедняге Вельцовской был подсажен шпион, и на его вопрос (он прикинулся петлюровцем) назвала несколько фамилий "честных людей".

Т. Х (Дублеты).

25 августа

Запись в дневнике: "Вчера в конверте Горнфельда пришел номер издающегося в Петрограде "Вестника литературы" с заметкой Горнфельда "Памяти Ф. Д. Крюкова". Итак, еще одна потеря литературы. Умер еще в феврале от сыпного тифа в одной из станиц Кубанской области. Это известие больно отозвалось в моей душе: мне жаль не только писателя, но и чрезвычайно симпатичного человека. Кажется, первое его печатное произведение читал и принял я. Это были путевые очерки по Дону. Он жил тогда в Орле, был учителем гимназии. Очерки были так колоритны, что я не только принял их, но и написал автору, в уверенности, что он будет писать дальше. Он ответил, что он о литературе не мечтает, а просто ему захотелось изложить впечатления поездки по родному Дону. Вскоре, однако, стал присылать другие очерки. Дон приобрел в нем своего изобразителя; другие авторы принимали его манеру. Потом он сблизился с "Русским Богатством" и вошел в наш редакционный кружок. Это был человек своеобразный, с казачьим колоритом. В первой, кажется, Думе он был депутатом, но ораторским талантом не выдавался, хотя, как

пишет Горнфельд, "с ним считались". После 2-й революции в нем заговорил казак с казачьими традициями, и кто-то из редакции (кажется, Пешехонов) мне писал, что Крюков живет в своей станице и "очень поправел".

Пишет С. Д. Протопопову: "Вы все спрашиваете, как мы живем. До сих пор не бедствовали. Мои книги все-таки продавались в Москве, и "Задруга" мне выслала деньги по этим продажам /.../. Утешает отчасти то, что продолжаю работать. Недавно отдал для "Голоса минувшего" статью "Пугачевская легенда на Урале". Пересматриваю старые записные книжки и нахожу в них немало набросков, которые порой принимаюсь обрабатывать. Затем – поддерживает меня сочувствие рабочей и интеллигентской среды. 15 августа ("ст. стиля")* на св. Владимира – у меня весь день были депутации разных учреждений. Вместо прежних адресов в дорогих папках на сей раз подношения имели более вещественный характер: кооперативы и разные общественные учреждения подносили муку и т. п. Все это меня трогает и от этого не откажешься. У меня с полтавской рабочей средой давние связи: мы с наборщиками и с железнодорожниками работали вместе еще в дни первой революции 1905 года, вместе говорили на площадях

*Описка Короленко, надо читать – 15 июля.

против еврейских погромов и так далее".

СС, т. 10, с. 579–580.

29 августа

Запись в дневнике: "Вчера и сегодня день тревожный для меньшевиков /.../. Местные официозы громят их как предателей, "подрывающих тыл". 26 августа (№ 73) появилось против меньшевиков заявление от Центрального Управления Ч. К. Украины, в котором сообщается, что в ночь на 13-е августа Харьковской Губ. Ч. К. были арестованы члены конференции южных организаций Р. С. Д. Р. П. (меньшевиков)".

2 сентября

Запись в дневнике: "Арестуются видные меньшевики. /.../ Шефер //ж-д. служащий, меньшевик// вчера говорил мне с грустью, что за этим сочувствием оппозиции меньшевиков скрывается гораздо более глубокая реакция. Уже не один глупенький коммунизм отрицается в глубине рабочей массы, но, пожалуй, и самый социализм. /.../ Самодурство большевиков, ничем не отличающееся от произвола и самодурства царской власти, а главное – разруха производства, которой не видно конца, порождающая страдания рабочей массы, – все это уже посеяло реакцию в довольно еще темной массе "диктатора пролетариата".

1920

8 сентября

Пишет С. Д. Протопопову: "Я еще написал ряд очерков — "Земли, земли!", в которых начинаю с грехов самодержавия и кончаю грехами революции. Это ряд очерков, картин, впечатлений и мыслей в тоне "Голодного года", но только меньше. Встретились "цензурные затруднения", и брошюра до сих пор не вышла".

ЛДЛ, 1922, № 3/7/, с. 4.

11 сентября

Письмо к В. И. Яковенко: "Вчера был у меня Раковский с несколькими еще товарищами. /.../ Я старался доказывать, что брать заложников и особенно расстреливать их, чем большевики грозят — нерационально даже с точки зрения Советской власти".

Яковенко

13 сентября

Пишет П. С. Ивановской: "Сегодня арестовали девочку 14-ти лет, Рахиль Адливанкину, за то, что ходила около Ч. К., ожидая, что повезут арестованного отца, и она его увидит. У девочки порок сердца. Если бы можно освободить ее. Она арестована на три дня".

Т. Х (Дублеты).

19 сентября

Письмо в Харьков: "Тов. Терлецкий. Дмит-

рий Яковлевич Чаплян едет в Харьков хлопотать о своих детях: Антонине (21 год), Татьяне (которой исполнилось только 16 лет) и Николае (19 лет). Они по неизвестной причине арестованы и увезены в Харьков, босые и раздетые".

Т. Х (Дублеты)

25 сентября

Письмо в Харьков Г. И. Петровскому "или Терлецкому, или Лазорскому":

"Коровкевич тоже увезен сначала в Ч. К., а затем – отправлен после месяца тюрьмы в Харьков на основании давно известного в России правила: "там разберут". Уже из этого примера Вы видите, как легко "попасть в Харьков".

Т. Х (Дублеты).

29 сентября

Запись в дневнике: "Взаимное исступление доходит до изуверства. Не очень давно у меня был Раковский, какой-то юноша Кассиор /.../. Мне пришлось много говорить с ними и вообще, и в частности я заявлял разные ходатайства за отдельных лиц. Кассиор все это записывал, и в результате вчера ко мне пришел д-р Ясинский, оправданный несколько дней назад рев. трибуналом. /.../ Между тем Ясинским *уже был приговорен "чекой" к расстрелу*. Заседание суда было настоящим торжеством подсудимых. /.../ Ширшов держал себя на суде чрезвычайно вы-

зывающе и дерзко, отказался, несмотря на слова председателя, отвечать на вопросы подсудимых, а затем заявил, что он уходит, /.../ что он не признает такого суда, где подсудимые могут задавать вопросы. /.../ Интересно, что коммунисты прочили его в заместители председателя трибунала! Теперь, может быть, откажутся...

Возвращаюсь к разговору с Раковским и другими. /.../ Все, даже Раковский, доказывали необходимость таких мер "самозащиты", и мне едва удалось (кажется, при некотором сочувствии юноши Кассиора) добиться обещания, что расстрел заложников и сжигание сел будут практиковаться "с крайней осторожностью". Но... вернувшись в Харьков, Раковский /.../ опять не увидел других средств, кроме жестоких мер".

30 сентября

Запись в дневнике: "Сегодня от губчека /.../ напечатан длинный список расстрелянных. /.../ Тут уже впервые являются *расстрелянные заложники.* /.../ И этими мерами думают ввести социализм! Слепота, слепота! А между тем они так слепо уверены, что когда во время приезда Раковского я заговорил о необходимости свободы и о вреде жестокостей, – то все уверенно и весело смеялись, как будто я сказал что-то наивное. Да это и действительно наивность. Один фальшивый шаг влечет за собой другой, третий. Большевизм сделал уже столько фальшивых ша-

гов, что ему, пожалуй, нет уже возврата и приходится идти до конца. /.../

Интересно, что жел.-дор. рабочие на всяком собрании свищут коммунистам . /.../ Но большевики ухитряются фальсифицировать выборы и держатся пока на этой лжи".

3 октября

Письмо к Х. Г. Раковскому: "Порой удавалось добиться суда, вместо бессудной казни, и люди оказывались невинны. Еще недавно оправдан здесь Богумир Лоос, уже приговоренный полтавской Чрезв. Комиссией к смерти. Вы задержали казнь, передали дело в рев. трибунал, и человек вместо казни оправдан".

Т. Х (Дублеты).

Письмо к М. П. Сажину: "Я теперь пишу третий том "Истории моего современника" и в настоящее время нахожусь в Иркутске, где мы с Вами встретились".

"Русская литература", 1973, № 1, с. 108.

7 октября

Письмо к В. В. Беренштаму с ходатайством за 19-летнего красноармейца Ефима Штепу, "приговоренного за побег и унос винтовки и патронов к расстрелу". Судьба Штепы зависела от решения командующего вооруженными силами Украины

М. В. Фрунзе, который по словам Беренштама, незадолго до этого посетил Короленко.

Беренштам, с. 100–101.

В экземпляре книги Беренштама, находящемся в ГБЛ в фонде семьи Короленко, на с. 59 пометка С. В. Короленко о том, что Фрунзе у Короленко не был.

9 октября

Пишет Г. И. Петровскому: "Это письмо доставит Августа Николаевна Навроцкая, жена одного из увезенных в Харьков /.../

То обстоятельство, что такие старые и испытанные работники освободительного движения теперь тоже арестуются и высылаются советской властью, я считаю очень печальным признаком, указывающим на какие-то основные ошибки".

Т. X (Дублеты).

11 декабря

Пишет А. Г. Горнфельду: "Больше недели назад я получил Ваше письмо от 15-го сентября. Не ответил тотчас, – потому что был очень занят. К сожалению, – не "Современником" и вообще не литературой, а разными трагическими мелочами и "докладными записками" по их поводу. Результатов мало, как всегда, когда приходится говорить о мелочах при разногласии в общем, но и бросить нельзя, когда успех в той или другой

мелочи означает порой человеческую жизнь. Третьего дня, напр., ко мне ворвался юноша точно пьяный. "Дедушка, дедушка...", из его бессвязного рассказа я понял, что его брат спасен от казни при некотором моем участии. Ну, как тут бросить эту канитель?.. Вся наша теперешняя жизнь вся состоит из такой томительной и удручающей канители. Бедная Прасковья Семеновна Ивановская сбилась с ног. В прошлом году я с нею разделял и ходьбу. В нынешнем не могу, и мы советуемся. Я часто пишу, но самую тяжелую работу несет она. /.../

С тем, что Вы пишете о социализме, я в общем согласен. Это действительно не партия, а разные толки, как в общем христианском течении есть разноверия. Но я совершенно искренно и горячо считаю себя социалистом, не считая себя ни большевиком, ни коммунистом, ни даже меньшевиком, ни "народным социалистом", как наши товарищи. Считаю себя социалистом в том смысле, что признаю одну свободу, без социальной справедливости, а не наоборот, как для нынешнего коммунизма.

Письма мои к Луначарскому уже закончены, хотя закончены наспех и кое-как. Теперь опять как будто передышка, но возвращаться на тот же след неохота. И вышло это взгляд и нечто. Больше для своей собственной совести, чем для чего другого. Я передал их американскому корреспонденту, ничего не имею и против оглашения

другим способом. Луначарский говорил, что постарается их напечатать, но со времени их получения молчит. Оно и понятно. Это "взгляд и нечто", но все-таки отрицательные и довольно безнадежные. "Всякий народ заслуживает правительства, какое имеет". Мы заслужили то, которое имеем. В "генералов" я не верю, в Антанту тоже. Мы должны сознать, что только честное сознание неверности того пути, по которому теперь идет Россия, сознание наше, внутреннее, откуда бы оно ни явилось, может спасти нас (если вообще может). Деникинцев я уже видел. Не думаю, что врангелевцы много от них отличаются, хотя этих еще не видал. Да и поляки, говорят, уже громили евреев, а это один из признаков невыдержанного гражданского экзамена".

Горнфельд, с. 186–189.

Письмо к С. Д. Протопопову: "Я думаю, что с религиозным чувством еще не покончено, и я думаю, никогда покончено не будет. Да и не желательно это. Конечно, религия вносила много суеверия, но она всегда представляла и много положительного. С точки зрения миропознания она представляет своего рода мировую гипотезу, обобщающую все, что человечество в его широчайших слоях знает о мире. С ростом знаний растет и религия. Между религиозными представлениями людей, приносящих богам человеческие жертвы, и такими же представлениями класси-

ческого грека лежит бездна. Такой же шаг вперед можно видеть между политеизмом и представлением о едином Боге, в котором уже мелькает сознание о единстве сил природы. Но религиозное чувство присоединяет к этому сознаню также и нравственные выводы, которые ему соответствуют. Без гипотез не обходится и наука. Без такой обобщающей, мировой гипотезы никогда не обойдется и человечество. По мере роста познаний о мире меняется и религия. Теперешние церковные религии уже явно не подымают за собой объема человеческих знаний. Но и наука уже не мирится с плоским материализмом, который думал, что разрешил все задачи, положив в основу плоский кирпичик – атом и его элементарные физические свойства. Теперь перед новыми представлениями об атоме, уходящем в бесконечную относительность, прежний материализм кажется просто смешным, и науке предстоит множество новых вопросов. А с тем вместе, распространение просвещения в широких массах будет делать новые научные понятия все более широкими и универсальными. И вновь должна будет (не скоро, может быть) новая, обобщающая мировая гипотеза, которая подымет могучим взлетом все, что даст человечеству наука, объединить новое миропонимание с самыми глубокими стремлениями человеческого духа. Это и будет новая религия".

"Былое", 1922, № 20, с. 10.

1920

12 октября

Пишет В. Н. Григорьеву: ”Посылаю тебе второй том ”Истории моего современника”... Мне очень жаль, что книгу писать пришлось без общения с тобой. Так часто хотелось поговорить с тобой. Когда я ее писал, то разные события местного характера так сильно волновали меня, что мое сердце сильно разладилось, и я даже писать не мог, а должен был диктовать. Милая Пашенька писала на машинке, и я диктовал ей (в первый раз в жизни)”.

ГБЛ, ф. 135.

14 октября

Письмо к Н. К. Крупской: ”Уважаемая Надежда Константиновна. Вы, вероятно, не забыли наше когда-то знакомство. Мы с женой вспоминаем о нем, так же, как и Ваша ученица, теперь уже взрослая... Слыхал не раз, что Вы среди нынешних бурь не утратили сердечности и чувства справедливости”.

Далее идет просьба об арестованном В. А. Мякотине (см. 17 октября).

ГБЛ, ф. 135, II.8.84; Начало письма опубликовано в ”Учительской газете”, 26.7. 1958 и 27.2.1960.

Письмо Г. И. Петровскому об аресте Балабанова. ”Требуют указание на местопребывания какого-то офицера, мало ему известного, а только

служившего в том отделе //Губземотдел//. Вот эта черта – переложение сыска на обязанность частных лиц и является чертой, делающей этот арест особенно характерным. Что бы мы сказали в наше время, если бы власти сделали нам такое предложение. Но у нас теперь это дело обычное".

Т. Х (Дублеты).

17 октября

Письмо А. В. Пешехонову. Сообщает, что им получено из Петрограда письмо Н. С. Тютчева от 5 октября об аресте В. А. Мякотина.

"Тютчев вспоминает о бывшей учительнице одной из моих дочерей, Надежде Константиновне Лениной-Ульяновой, и думает, что было бы полезно обратиться к ней. Я в тот же день это и сделал. Я написал ей так, что щепетильность Венедикта Александровича оскорбиться не может. Я слышал, что она и среди нынешних бурь не утратила чувства справедливости и сердечности, и поэтому прошу ее сделать для хорошего и глубоко любимого мною человека все, что она может. Оказия в Москву была в тот же день. Я второпях написал и отправил письмо. Не знаю, достаточно ли это и окажет ли желаемое действие. Не придумаете ли еще чего-нибудь?"

ГБЛ, ф. 225.

18–19 октября

Надпись на рукописи стихов начинающей по-

этессы А. Струковой: "В. Г. Короленко от души желает всякого успеха милому автору этих еще почти детских, но с хорошими задатками стихов. 18 окт. 1920 г."; и рекомендательная записка ей же: "Антонина Антоновна Струкова отправляется в Харьков, чтобы продолжать там свое образование. Я ее знаю и уверен, что она заслуживает всякого сочувствия и содействия, о котором и прошу людей, которые меня знают. Владимир Короленко. 19 октября 1920 г. Полтава".

"Литературная учеба", 1979, № 5, с. 173–174.

О Струковой Короленко писал также Белоконскому 19 октября и 2 ноября (Белоконский, с. 98, 99).

19 октября

Пишет И. П. Белоконскому: "А дел у меня много, потому что в Полтаве уже около моего имени создалась корреспондентская традиция: обыватели при разных случаях жизни валят к Короленку. Что станешь делать с такой привычкой? И газет нет, а писать приходится..."

Белоконский, с. 98.

Пишет В. Н. Золотницкому в Нижний Новгород: "В Одессе в прошлом году вышел второй том "Истории моего современника" /.../. Написал и еще кое-что, но теперь издавать почти невозможно, и вдобавок некоторые вещи встрети-

ли и цензурные затруднения, – явление нам хорошо знакомое "по старинке".

НС, с. 39.

Пишет А. С. Жаку: "По поводу анархизма вот мой ответ. При оценке любой партии важны не одни конечные цели, но и средства и пути их достижения. Цели анархизма превосходны, но до сих пор мы не видим их средства. Анархизм или остается утопией, или представлен такими элементами, как, например, махновцы, которых трудно отличить от бандитов. Поэтому, я считаю, что пока анархизм, как партия, не существует вовсе. В практике политических партий средства не менее важны, чем цели. Хорошие, правильные средства, основанные на хороших началах, возвышающих человека, могут сами по себе привести к хорошим целям, а одни цели, без правильных средств, – остаются в лучшем случае в воздухе, а в худшем ведут к махновщине".

Пушкинский Дом, Р. III, оп. 1, № 1286.

24 октября

Письмо к В. И. Яковенко: "Из новостей особенно печальна для нас – приговор по делу о "тактическом центре", в особенности над Мякотиным. Он приговорен к изгнанию из Советской России, но это очевидное недоразумение /.../.

Бандитизм кипит кругом Полтавы. Недавно объявлен приговор над бандитами и заложника-

ми (в этом последнем случае, между прочим, отец расстрелян за сына!). Недавно был объявлен приговор к расстрелу над 36 чел., вчера над 45-тью. Обоюдное ожесточение растет. Порой бывают убийства коммунистов и красноармейских начальников даже в Полтаве. /.../ Вообще бандитизм, говорят, уже надоел селянам: ни то, ни се. Ведет только к сильным репрессиям: большевики берут заложников и сжигают деревни".

Яковенко

2 ноября

Письмо Х. Г. Раковскому о Софии Яковлевне Беневской, секретаре в Губкоме, матери двух детей: "Я понимаю, конечно, что без шпионства и тайной агентуры не может обойтись никакое правительство, но... вербовать агентов нужно иными способами и наказывать за отказ честного человека от этой почетной роли — возмутительнее всего, что я слыхал до сих пор".

(На письме пометка В. Г.: "Сильно изменено. О предложении агентуры выкинуто. Копия оставлена особо".)

Т. Х (Дублеты).

Письмо И. П. Белоконскому: "О смерти Овсянико-Куликовского узнал только от Вас. Вообще этот год (или годы) произведут страшную брешь в среде русской интеллигенции".

Белоконский, с. 99.

1920

10 ноября

Письмо к С. Д. Протопопову о статье Ф. Покровского "В. Г. Короленко под надзором полиции" в журнале "Былое", № 13, 1918, июль.

"Былое", 1922, № 20, с. 20–21.

Эту статью Короленко подробно конспектировал в записной книжке, снабдив конспект поправками и примечаниями.

ГБЛ, ф. 135; 8.463.

Пишет А. М. Горькому: "Обращаюсь к Вам, как к нижегородцу. /.../

В Сочи арестован Борис Федорович Филатов. Мне пишут, что арест вызван не какой-нибудь определенной антисоветской деятельностью, а так, в связи "с общим положением". Иначе сказать, за "неблагонадежность".

Я Филотова хорошо знаю еще с голодного года и лукояновщины. Он служил в Лукояновском уезде по министерству юстиции и во время моей "голодной кампании" был в числе тех местных жителей, которые мне оказывали всякое содействие. За это, в свою очередь, тогда попал в глазах лукояновцев в неблагонадежные. Теперь ему перевалило за 70 лет, он вдобавок человек сильно больной, что и заставило его переехать на юг, и эта последняя "неблагонадежность" с тюрьмой и пересылками по другим тюрьмам (его уже из Сочи выслали в Новороссийск в распоряжение Черноморской чрезвычайки) может окончатель-

но доконать его. Если что можете, то, пожалуйста, сделайте во имя нижегородского прошлого".

АКЛ (Опубликовано А. М. Горьким – "Летопись революции", Берлин, 1923, книга 1).

13 ноября

Пишет А. Г. Горнфельду: "Дело Венедикта Александровича //Мякотина// приняло благоприятный оборот, и Менжинский обещал Варваре Александровне //сестра В. А. Мякотина// возможность и даже близость скорого освобождения. Он сказал, между прочим, что советская власть ценит то, что Венедикт Александрович выступал всегда открыто, не прячась за псевдонимы, и вдобавок – не думал скрываться".

Горнфельд, с. 190.

14 ноября

Пишет М. П. Сажину: "Думаете ли Вы сами писать свои воспоминания? Вот было бы любопытно! Когда теперь оглядываешься на то время, то кажется, что люди ходили тогда в каком-то фантастическом тумане. Чего, например, стоило одно изречение Бакунина: "Нам надо соединиться со всеми ворами русской земли", – разумея под этим, что воры отрицают на деле ту самую собственность, которую мы отрицаем теоретически".

"Русская литература", 1973, № 1, с. 108.

1920

Это высказывание Бакунина Короленко упоминает во втором томе "Истории моего современника" (ИМС, с. 376).

4/17 ноября

Пишет М. П. Сажину: "О положении теперь Венедикта Александровича //Мякотина// мне написал из Петрограда Тютчев со слов Варвары Александровны. Она ездила в Москву и виделась там с Менжинским (заместителем Дзержинского). Он ей сказал, что они уважают Ван. Ал., как открытого противника, не прятавшегося за псевдонимы, и обещал освобождение. Это известие меня очень обрадовало".

СС, т. 19, с. 582.

20 ноября

Закончил статью "К десятилетию смерти Л. Н. Толстого", написанную по просьбе устроителей вечера в Полтаве, посвященного Толстому. Вследствие болезни Короленко, статья была прочитана на вечере председателем.

Статья содержит критику марксизма: "Маркс был, несомненно, великий мыслитель, давший очень много для понимания экономических феноменов, но многие его взгляды вне этой области односторонни и узки. Со времени марксизма принято считать ни во что такие, например, двигатели, как совесть. В расчет принимаются только интересы и силы для их поддержания. Достаточ-

но, однако, сколько-нибудь внимательно вглядеться в историю, чтобы убедиться, что работа совести в человеческих душах часто сама становится значительной движущей силой. Так, перед великой французской революцией, ранее, чем заговорили "классовые интересы", внятно говорила общественная совесть, говорила языком философов, энциклопедистов, встречавших приверженцев даже в тех классах, которым переворот был прямо невыгоден".

В конце статьи Короленко писал: "Жизнь сложна. Можно не принадлежать к числу сторонников толстовской теории, можно отрицать ее, можно полемизировать с нею, как это в свое время делал и я, но невозможно не преклоняться перед красотой этой великой смятенной души, как можно не верить даже в реальное существование Христа и все-таки восхищаться высотой этого измечтанного человечеством образа.

В наше время, время общего ожесточения и порой не человеческой, а почти звериной борьбы, особенно важны и дороги напоминания о человечности, и я приветствую устроителей этого вечера, напомнивших нам о прекрасной, вечно взволнованной душе первого русского интеллигента".

ППСС, т. XXIV, с. 307, 314.

24 ноября

Запись в дневнике: "Около двух месяцев ничего не записывал в этом дневнике. За это время

произошли важные события. Врангель окончательно разбит. /.../ Заключен мир с Польшей /.../. Но над этой победой приходится сильно задуматься. Она одержана при помощи Махна и анархистов. Махно, еще не очень давно объявленный "вне закона" /.../, — теперь является союзником. В Харькове открыто существует его штаб (под черным знаменем) /.../.

Появляются длинные списки расстрелянных. /.../ Но так как расстрелы эти происходят без суда, без защиты, без опроса свидетелей, то трудно сказать, насколько даже эти факты //бандитизм// установлены точно".

27 ноября

Письмо к В. В. Беренштаму с ходатайством за доктора М. Е. Тюрьморезова, которого "переводят в Харьков на советскую службу. Здесь у него хорошая практика, здесь его знают, а в Харькове ему грозит голод, так как придется жить на одно жалование. У него семья".

Беренштам, с. 102.

28 ноября

Запись в дневнике о выборах в Советы: "В "Известиях" пишут, что все-таки некоторые учреждения опозорены нежелательными выборами "соглашателей" и социал-предателей, то есть меньшевиков. /.../ Так распоряжаются с бедным "диктатором" пролетариатом!"

1920

1 декабря

Возвращение в Полтаву семьи Ляховичей. К. И. Ляхович начинает исполнять обязанности секретаря Короленко.

БК, с. 252.

18 ноября / 1 декабря

Письмо А. Е. Кауфману в Петроград: "Я очень благодарен Обществу взаимопомощи литераторов и ученых за внимание и память. Чек на двадцать тысяч я получил /.../. Должен сказать при этом, что наверное есть много лиц, нуждающихся более меня. Я пока еще особой нужды не испытываю, имею даже дрова и не голодаю. Советские власти обращаются лично со мной и моей семьей со всевозможной предупредительностью, так что я не испытал пока ни реквизиции, ни подобных других неудобств. /.../

Работа отчасти задерживается состоянием здоровья и разными текущими делами, не имеющими литературного значения. Но в общем она всетаки подвигается. Я думаю, что вслед за окончанием ссылки примусь за воспоминания моей жизни в Нижнем и в Петрограде. Удастся ли мне докончить эту работу – не вполне уверен.

Кроме того, харьковский Центросоюз принялся печатать мою работу "Земли, земли!" – составляющую как бы продолжение моей книги "В голодный год". Может быть, и эта работа моя появится вскоре. К сожалению, она была задержана

разными обстоятельствами, от автора независящими, и жизнь, которая несется теперь с быстротой автомобиля, далеко обогнала и оставила за собой ее публицистическую часть (работа была кончена осенью прошлого года), и теперь эта книга сохраняет только историческое значение. /.../

Кроме того, я пересматриваю разные рукописи, начала, проекты и т. д. из прошлых годов и кое над чем работаю. Но главная моя работа теперь все-таки "История моего современника".

СС, т. 10, с. 583–585.

2 декабря

Пишет Х. Г. Раковскому: "Какой в самом деле вред советской власти может принести старая больная женщина, и не гораздо ли больший вред принесет известие, что органы советском власти замучили в застенках 60-летнюю любимую племянницу Л. Н. Толстого".

Т. Х (Дублеты).

6 декабря

Пишет В. Н. Григорьеву: "Очень рад, что мой "Современник" доставил вам некоторое удовольствие. /.../ Теперь уже напечатаны в Москве в "Задруге" II и III томы. Сейчас пишу IV-й, в котором будет заключаться мое пребывание в Иркутской тюрьме (где я встретил представителей чуть не всех напластований русской революции) и затем – Якутская область и конец ссыльных

скитаний. Не знаю, удастся ли мне довести "Историю" до конца дней. Это очень много. Но буду работать пока хватит сил".

ППСС, т. V, с. 20.

К этому письму Е. С. Короленко сделала приписку: "В последнее время он был очень задумчив и молчалив. Володя, когда сидит за столом и пишет, то он совершенно прежний, а особенно если ему удастся хорошо поработать над своим "Современником".

ГБЛ, ф. 135.

9 декабря

Сообщает в издательство "Задруга" о получении верстки третьего тома "Истории моего современника":

"Я уже прочитал эту корректуру /.../. От нас будет оказия, и я пришлю корректуру; если она уже опоздала, – Бог с ней. Но, может, еще и успею. Если не успею, то попрошу выслать ее мне при случае обратно. Я сделаю эти поправки во втором издании, которое еще несколько дополню некоторыми материалами, оглашенными в последнее время (например, подлинный текст моего отказа от присяги)".

ЦГАЛИ, ф. 234, оп. 1, ед. хр. 118.
ИМС, с. 996.

Извлеченный из жандармского архива текст отказа Короленко в 1881 г. от присяги на верно-

подданство" Александру III опубликован в статье Л. Ильинского "В. Г. Короленко и III-тье отделение" ("Жизнь и литературное творчество В. Г. Короленко", Пг. 1919, с. 93–96).

12 декабря

Запись в дневнике: "Маски сброшены: махновцы и большевики опять стоят друг против друга открытыми врагами. /.../ В большевистских газетах пишут, что Махно разбит даже в Гуляй-Поле".

13 декабря

Пишет А. Г. Горнфельду: "Очень рад был получить Ваше письмо и узнать, что Вы ознакомились с моими письмами к Луначарскому. Писал, потому что не мог не написать кому-нибудь, хоть это, как я и говорю, не статьи, а докладные записки по начальству. Надо бы сжатее, энергичнее, сильнее. Но в том состоянии, в каком я нахожусь теперь часто, чувствую, что дать себе волю значит захворать и не докончить. У меня бывает (и всегда, собственно, бывало), что горячая настоящая работа сопровождается некоторой нервностью, – горит голова, сильнее бьется сердце... Ну, а теперь эту роскошь себе позволить не могу... хотя то и дело приходится. /.../

Теперь заканчиваю очень интересный период своих скитаний – Иркутская тюрьма, где судьба свела меня со всеми напластованиями тогдаш-

ней революции, начиная от народников и кончая террористами. Тут не удержишься от некоторых обобщений, хотя я стараюсь по возможности не навязывать себе *тогдашнему* взглядов меня *нынешнего*... Как бы то ни было, вижу уже конец ссылки. А там придется приняться за нижегородский период, — самый, пожалуй, счастливый в моей жизни. Прежде я о нем не думал, теперь думаю".

Горнфельд, с. 192–193.

Из того же письма: "Тон моей жизни, очевидно, будет выдержан до конца: писатель при всяких условиях нецензурный".

Дневник, т. VI (машинопись). Предисловие "От Редакционной комиссии".

Пишет С. Д. Протопопову: "Дороговизна растет не по дням, а по часам, и для многих людей победнее уже наступил голод. Что будет весной — страшно подумать. Много полей не засеяно под озимь. Помешала сильная засуха, а также и нежелание сеять много при неопределенности положения. Неизвестно, дескать, кто будет собирать".

"Былое", 1922, № 20, с. 17 (с неверной датой 7 апреля 1920 г.)

Письмо председателю ВЦИКа Г. И. Петровскому в Харьков: "Мне приходится часто тревожить Вас. Еще недавно в Харькове можно было получить по крайней мере справки — кто за что арес-

тован и в каком положении находится дело. /.../ К сожалению, мне приходится теперь писать Вам по поводу отрицания уже и в Харькове этого минимального права. Елена Кондратьевна Годына тщетно (уже в течение месяца) добивается справок — за что арестован ее брат Митрофан Кондратьевич Годына. Арестован в Освите, 2-го октября, во время поголовной облавы. /.../ В конце концов ей сказали, что достаточно быть идейным противником советской власти, чтобы подвергнуться репрессиям вплоть до тюрьмы".

Т. X (Дублеты).

19 декабря

Письмо председателю Полтавского губисполкома В. И. Порайко. "Сегодня или завтра, кажется, предстоят расстрелы, в том числе за "спекуляцию". Нет ничего ошибочнее, чем мысль, что со спекуляцией можно бороться казнями, и я обращаюсь к Вашему человеческому чувству: остановите эти казни".

Т. X (Дублеты).

6/19 и 11/24 декабря

Письма к Д. М. Стонову (Влодавскому), редактору полтавских "Известий", с отказом от сотрудничества в советской печати.

ППСС, т. X.

Оригиналы писем были изъяты у Стонова при аресте в 1949 году как "антисоветчина" (Виктор

К а г а н. В. Г. Короленко en face. ”Континент”, Париж, № 27, 1981, с. 235–291).

25 декабря

Запись в дневнике: ”За это время вошла в употребление еще одна прелесть старого порядка: то и дело от нас высылают в Харьков, а оттуда в северные губернии. Это возобновление административной высылки идет, очевидно, по всей России. /.../

Вл. Ив. Яковенко пишет мне, что в уездах /.../ процветает лопатничество. На хутора приходят разбойники, разбивают окно и, скрывшись в простенке, суют лопату, грозя вырезать всех, если не положат им определенную сумму. И порой действительно вырезают всех, до малых детей включительно. И советская власть бессильна”.

28 декабря

Письмо к И. П. Белоконскому: ”Я думал в благодарность за ”Дань времени” прислать Вам вскоре свою новую работу: ”Земли, земли!” Ее должен был издать Центросоюз и значительная часть ее даже напечатана. И все-таки встретились ”независящие обстоятельства”, и книжка, по-видимому, света не увидит и прислать ее я не могу. Какой знакомый мотив: ”Пропала книга. Уж была совсем готова, вдруг пропала!...”

Это было как бы продолжение моего ”Голодного года”. И начало его терпело большие пре-

пятствия при прежнем режиме. Первое издание было довольно долго во чреве китове. Выручил его тогда добродетельный губернатор, бывший, кажется, тобольский — Деспот-Зенович, поляк, бывший тогда членом правления при министре внутренних дел Дурново. Эту историю я рассказываю в своей новой книжице, для которой по нынешним временам такого благодетельного губернатора не находится.

/.../ "Современника" хоть потихоньку продолжаю. Боялся, что зима прекратит эту мою работу. Но эти опасения не сбылись. Когда смотришь назад, — видно многое, что не было видно прежде, а также многое, что неясно для многих и теперь. Одно ясно: может наступить реакция, но прежний строй пал безвозвратно. Новому придется еще выкарабкиваться из своих ошибок, порой — безумия и преступлений, но старое погибло".

Белоконский, с. 100—102.

30 декабря

Запись в дневнике: "Сегодня в "Известиях" (№ 174) напечатана *"меньшевистская декларация,* оглашенная лидером полтавских меньшевиков гр. Ляховичем 19 декабря 1920 г. в Полтавском совете". /.../

Ляхович самым оглашением этой декларации создал себе в городе почетную известность даже среди раньше его не знавших".

1920

1918 – 1920

"Сам больной и слабеющий, он не переставал упорно и настойчиво бороться за каждую человеческую жизнь. /.../

Когда просматриваешь дневники В. Г. за 18-й, 19-й и 20-й годы, в них поражает это же красноречивое однообразие. Это повесть непрерывного "хождения по мукам". Менялись только названия учреждений – разведка, Ч. К., контрразведка, опять Ч. К., – а по существу все та же борьба за жизнь против вражды и мести".

Т. Богданович. Вл. Г. Короленко в последние годы жизни. "Былое", 1922, № 19, с. 224.

1921

1 января

Пишет А. Г. Горнфельду: ”Вы пишете, что дома в Петрограде не ремонтируются и приходят в ветхость. У нас совершенно то же /.../.

У нас к отсутствию ремонта присоединяется еще одна прелесть: разрушение заборов, деревянных тротуаров и т. д. /.../ Делается то по ночам и идет, очевидно, на топку. /.../

Что-то с ”пролетарской литературой”? Мне много приходилось переписываться с ”начинающими из народа”, и я всегда старался внушить им, что это происхождение не дает им еще особых преимуществ. Теперь, кажется, в этом не убедишь. ”Пролетарское искусство” рассчитывает на особые природные преимущества. Конечно, то огромное потрясение, которое произошло в обществе, не остается без значительного влияния на *самое содержание* произведений искусства, но пока – кроме неосновательных претензий и сильного влияния футуризма, я не вижу еще положительных результатов от ”пролетарского искусства”. А футуризм есть только освобождение от ”стесняющего” здравого смысла”.

Горнфельд, с. 194–196.

1921

2 января

Запись в дневнике: "В ночь с 31-го на 1 января произошла следующая характерная "коммунистическая шутка". В театре происходила встреча нового года. /.../ Около полуночи вдруг в театр ворвались человек 20 красноармейцев и стали кого-то разыскивать в толпе. Поймали какого-то оборванца и с криками повлекли его на эстраду. /.../ Приставили к стенке, затем произошло приготовление к расстрелу. В публике, среди которой были женщины /.../, началась паника и, говорят, истерические крики. — В конце концов это оказалась "милая шутка". Расстреливали "старый год". Из-под лохмотьев оборванца появился бравый моряк, – новый год!!

/.../ Большевистские шутки не совсем уместны. Но по первым рассказам, шутка была разыграна слишком натурально".

4 января

Письмо фабзавкому 2-й государственной мельницы (рабочие прислали Короленко муку из своих пайков): "Позвольте выразить вам мою глубокую признательность за Ваш подарок и выраженное при этом сочувствие. До сих пор, отчасти благодаря такому сочувствию рабочей среды, я еще ни разу не испытывал нужды со своей семьей. Может быть, мне не пришлось бы ее испытывать в крайней степени и без таких подарков, так как я еще, несмотря на нездоровье, ра-

ботаю, но меня чрезвычайно трогают те чувства, которые в этом выражаются".

СС, т. 10, с. 587.

До 5 января

Посещение Короленко Г. Коцюбой по поводу издания его произведений Госиздатом Украины.

Б. М. Цимерінов. З історіі видания творів В. Г. Короленка в УРСР (1917–1941). – Бібліотекознавство та бібліографія. Вип. 11, Харків, 1971, с. 104.

7 января

Письмо к Н. В. Вернадской, дочери академика В. И. Вернадского (троюродного брата Короленко), о разгроме их дачи в Шишаках, Полтавской губернии.

Приписка Е. С. Короленко: "В. Г. очень слаб. Ходит плохо и говорит тяжело и тоже плохо, хотя свое работает хорошо. Пишет "Историю моего современника".

ЦГАОР, ф. 1137 (В. И. Вернадского), оп.1, ед. хр. 508.

9 января

Письмо А. М. Горькому: "Теперь, к слову, – и еще одно обстоятельство, опять касающееся нижегородца – нашего общего знакомого Сергея Дмитриевича Протопопова. Он мне пишет, что скоро его силы истощатся, – так как ему при-

ходится слишком много работать при недостаточном питании, а возраст его уже приближается к "преклонному". Он исправляет обязанности редактора в Едином государственном архивном фонде (в ведомстве Наркомпроса), для чего ежедневно ходит пешком с Калашниковской набережной на Морскую. Кроме того, он читает лекции солдатам, матросам и политрукам. К этому прибавляется недостаточное питание и холод, так как жалование скудное.

Говорят, будто Вы имеете влияние на раздачу академических (или иных) усиленных пайков. Так как он старый литературный работник (много работал в провинциальной, а отчасти и столичной прессе), и, кроме того, теперь читает еще и лекции, то, быть может, будет справедливо выдать усиленный паек и ему".

АКЛ

12 января

Запись в дневнике: //Обыск у соседей. К. И. Ляховича просили присутствовать в качестве понятого. // "По его словам, чекисты вели себя очень деликатно. Прежде это было не так: у обыскиваемых чекисты производили не только обыски, но порой и грабеж. /.../ Теперь не то. Большевики разными мерами (порой даже казнями своих агентов) ввели в эту процедуру некоторый порядок. Ляхович выразился, что они вели себя, "как прежде жандармы". /.../

Таким образом, новый строй достиг при обысках ”почти жандармского” совершенства. Но затем — жандармы не имели права расстреливать, а Ч. К. делает это, не стесняясь никакой судебной процедурой /.../”.

15 января

Из письма к В. Н. Золотницкому: ”Я вообще считаю программу коммунистов ошибочной и не выполнимой, как попытку ввести социализм без свободы”.

ГБЛ, ф. 135, II.2.56.

24 января

Письмо Комитету Литературного фонда с отказом от пенсии.

БК, с. 253; ПД, с. 46, № 397.

Пишет Комитету Литературного фонда:

”От казначея Фонда А. М. Редька я получил извещение, что Литературный фонд определил мне значительную пенсию. Я в высшей степени благодарен Фонду за это внимание и, конечно, принял бы это пособие с признательностью, но в настоящее время я в этом пособии не нуждаюсь, и, по совести, оно может быть обращено на более нуждающихся товарищей. До последнего времени я еще не потерял работоспособности, и мои новые произведения находили издателей (московская ”Задруга”, а также ”Книгоиздательство писателей”, издающие также прежние мои сочинения). Правда, это положение может измениться.

Тогда я позволю себе обратиться к помощи товарищей писателей, а пока в письме к А. М. Редьку я более подробно объясняю мотивы, заставляющие меня на этот раз отказаться от товарищеской помощи.

Еще раз приношу выражение искренней признательности товарищам по учреждению, в котором в свое время я тоже работал вместе с другими, — которых уже нет на свете, за их внимание ко мне в это тяжелое для русской литературы время. Желаю всего лучшего, как наличным членам Комитета, так и самому учреждению.

Вл. Короленко

11/24 января 1921 г.
Полтава"

Пушкинский Дом, ф. 568 (А. Г. Фомина), оп. 1, № 240, л. 2. (Написано по старой орфографии).

26 января

Письмо: "Председателю губернского Ревтрибунала товарищу Фрегеру. С октября месяца в тюрьме содержится арестованный по распоряжению Губернской Чрезвычайной Комиссии гражд. Михаил Дзюба. По-видимому, на днях предстоит разбирательство этого дела в Коллегии Губ. Чрезв. Комиссии. Во имя справедливости позволю себе просить о вызове по его делу двух свидетелей, которые могут доказать его *alibi.* Они уже подали об этом заявление в Губчека, но почему-

то их не вызывают до сих пор. Еще больше соответствовало бы справедливости, если бы дело по серьезному, по-видимому, обвинению было передано в Губернский Ревтрибунал. С уважением Вл. Короленко. 26 января 1921 г."

Музей В. Г. Короленко в Полтаве.

27 января

Письмо председателю Полтавского Ревтрибунала: "Я старый писатель и привык откликаться на явления общей или местной жизни в независимых газетах. Не имея теперь возможности делать это, я вынужден в особых случаях обращаться непосредственно к представителям власти. Этим объясняется и настоящее мое письмо.

Сегодня предстоит разбирательство в Коллегии Ч. К. большого дела о спекуляции и взяточничестве в Переяславском уезде. Есть в этом деле черты, невольно обращающие внимание. Говорят, что провокационные приемы теперь допускаются в видах серьезности положения. Я с этим глубоко несогласен, но в этом деле приемы эти допущены в таком излишестве, что это уже сильно компрометируют всякую власть, в том числе и советскую. Лица, руководившие расследованием, допустили сначала застращивание арестованных даже казнями, побуждая их давать взятки, а затем был допущен прием взяток, что, конечно, сейчас же стало известно в заинтересованной сре-

де. Новые угрозы другим арестованным, недоверие к административному разбирательству Ч. К. побуждало и других прибегать к предложению взяток. Таким образом, угрозами и, как об этом уже объявлено официально, притворным взяточничеством власти сами склоняли к преступлению, за которое теперь судят.

Даже если признать провокацию допускаемым средством, то такая ее форма превышает всякие пределы. Раз допущен этот прием, чрезвычайно компрометирующий всякую власть, — то есть только одно средство избегнуть его вредного действия: это передача всего дела, без изъятия хотя бы одного подсудимого гласному разбирательству ревтрибунала. В качестве старого публициста я до такой степени вошел уже в жизнь Полтавского края, что ко мне сходятся все нити выдающихся дел. Это было при царской власти. Это продолжается и теперь. И мне известно, что в Переяславском уезде, а теперь уже и в Полтаве ходят отвратительные слухи о том, что взяток было дано до 5—6-ти миллионов, а представлено властям только 2750000. Конечно, трудно допустить это, но Вы согласитесь, что на этот раз власти сами подали повод к этим отвратительным толкам. Во власти этих слухов, как мне известно, находится не только население, но даже некоторые из ваших товарищей коммунистов.

Неужели советская власть откажется пролить полный свет на дело, которое вызывает сом-

нение даже в таких близких советской власти кругах.

Полтава, 27 января 1921 г.

С уважением,

Вл. Короленко"

Музей В. Г. Короленко в Полтаве.

6 февраля

Запись в дневнике: "Говорят много и даже пишут в советских газетах о больших раздорах среди коммунистической партии, которая разделилась на "троцкистов" и "ленинистов". /.../ Как бы то ни было, в господствующей партии начинается какое-то движение, то есть жизнь. Казалось уже, что все застыло в бюрократических формах. А это была бы настоящая смерть".

7 февраля

Пишет А. Е. Кауфману: "У нас с Вами вышло некоторое недоразумение. Я принял 20000 от Общества взаимопомощи, как единовременное пособие. При этом у меня была мысль, что, может быть, эти деньги понадобятся здесь комунибудь из писателей. Я лично пока еще не нуждаюсь и могу обойтись без пособия товарищей. Оказывается, Общество взаимопомощи имело в виду не единовременное пособие, а пенсию, и теперь я получил почтой еще девять тысяч рублей. Я очень благодарен товарищам из Кассы за внимание, но по совести — не могу при-

нять эту помощь, так как пока в ней не нуждаюсь, и, наверное, найдется много товарищей, которым эта помощь нужнее. /.../ То же самое я пишу Литературному фонду, который, узнав о пособии, принятом мною от Кассы взаимопомощи, ассигновал мне крупную пенсию. Если меня постигнет действительная нужда, то я не откажусь от помощи товарищей. Но пока этого нет".

СС, т. 10, с. 589–590.

Пишет С. Д. Протопопову: "Свое мнение о происходящем я уже высказал в шести письмах к А. В. Луначарскому. При свидании здесь, в Полтаве, когда мы говорили об этом, он высказал намерение ответить мне и затем переписку эту напечатать. Но затем ни ответа, ни тем более напечатания не последовало. Моим знакомым он говорил, что писем еще не получил (он уезжал на месяц в Таганрог). Но теперь я знаю, что мои письма дошли все, но результат, по-видимому, тот же. Да я и не ожидал другого. /.../

Последние известия из "Задруги" очень неутешительны. Я вам уже писал, помнится, что я уже не только написал, но и прокорректировал том четвертый. Но получил известние из Москвы, что частные издательства (в том числе и "Задруга") сливаются в одно "казенное издательство", и дальнейшая судьба моей "Истории современника" неизвестна".

"Былое", 1922, № 20, с. 18; Петерб. сборник, с. 59.

1921

12 февраля

А. В. Пешехонов сообщает, что из Москвы отправлена копия оригинала "Земли, земли!"; очевидно, имелась в виду рукопись для издания за рубежом.

ГБЛ, ф. 135, II.31.58.

14 февраля

Запись в дневнике: "Мне дали для прочтения листок, озаглавленный: "Кого треба вибирати до Рад". /.../ Но есть в том же плакате прямой призыв к грабежу. /.../ "Щоб не було в селі ані богатих, ані бідных, але щоб були рівні всі". Прямее призыва к грабежу, повторения "грабь награбленное" трудно себе представить. /.../

//В комнезамож — украинский Комитет бедноты//, кроме честных бедняков, вошли все темные элементы деревни. /.../ Середняк при всяких разверстках так же прячет хлеб, так же у него находят, так же карательные отряды грабят его, как и "куркуля", и хата середняка так же сгорает, когда выжигают целые села".

26 февраля

Пишет С. Д. Протопопову: "Движение в стране становится все медленнее, жизнь замирает. Теперь у нас то и дело из Харькова приходят пешком (более 300 верст, да еще при жестоких морозах). Поговаривают о движении на переклад-

ных. Да и тут беда: лошадей мало и ямщиков тоже".

"Былое", 1922, № 20, с. 18.

28 февраля

Письмо в издательство "Задруга" В. М. Кудрявцеву об издании за границей И. С. Ремезовым трех томов "Истории моего современника", "Слепого музыканта" и "Земли, земли!" Короленко пишет, что намерен подготовить к изданию сборник "статей и писем, написанных со времени революции и частью еще нигде не напечатанных".

ГБЛ, ф. 135, II.6.50.

Письмо А. М. Горького к В. Г. Короденко: "Я прочитал II-ую часть "Записок современника" и слышал, что у Вас готова III-я. Если Вы желаете видеть этот ценный интереснейший труд Ваш напечатанным хорошо и в достаточно обильном количестве – я могу устроить это Вам в Берлине у частного издателя. /.../ В высшей степени важно дать эту книгу читателю сего мрачного дня. Звереют люди".

ГБЛ, ф. 135. По копии, снятой С. В. Короленко.

Надпись А. М. Горького на его книге "Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом", Берлин, 1921 – "Владимиру Галактионовичу Коро-

ленко, учителю и наставнику. А. Пешков. 28.II.21 Петроград".

А. М. Горький и В. Г. Короленко. М. 1957, с. 192.

6 марта

Запись в дневнике: //В "Каплю молока" явилась Зайцева, чекистка, и потребовала немедленно дать ей молока для ее ребенка.// "На замечание, что для этого нужно разрешение доктора, и нужно об этом заявить накануне, — чекистка стала грозить Розе "подвалами". Это показывает, как эти "господа" привыкли обращаться со всеми не чекистами".

7 марта

Пишет С. Д. Протопопову: "У нас с засевами тоже плохо, и никакие тут декреты не помогут. Нельзя приказом заменить стихию. А любовь к себе и к семье — стихия. И когда это побуждение подавляется, когда приходится работать под угрозой, что плоды работы будут отняты под влиянием еще далекого "альтруизма", то у современного человека, *каков он теперь и каким еще будет долго-долго,* — невольно опускаются руки. А когда они опускаются, то никаким приказом их не поднять. Это было во время великой французской революции, будет еще долго, пока постепенно не переродится человечество".

"Былое", 1922, № 20, с. 8—9.

1921

10 марта

Запись в дневнике: //Приходил молодой чекист, говорил, что служба невыносима, просил найти другое место.// "По его словам, списки расстрелянных, что печатаются в "Известиях", составляют только часть действительно расстрелянных. //Остается подозрение//, "что это чрезвычайка подослала ко мне своего агента".

Не ранее 16 марта

В. И. Ленин пишет наркому здравоохранения Н. А. Семашко: "Очень прошу назначить специальное лицо (лучше *известного* врача, знающего *заграницу* и *известного заграницей)* для отправки за границу, в Германию (Цюрупы, Крестинского, Осинского, Кураева, *Горького, Короленко* и других). Надо *умело* запросить, попросить, сагитировать, написать в Германию, помочь *больным* и т. д.

Сделать *архиаккуратно* (тщательно)".

В. И. Ленин, ППС, т. 52, с. 95.

В. В. Беренштам пишет: "Лично мне Владимир Галактионович в 1921 году говорил, что Раковский настойчиво предлагает ему в письме в полное распоряжение исправный вагон-салон со всеми удобствами для поездки за границу, куда укажут доктора, с тем, что его будут сопровождать лучшие врачи Харькова. Я /.../ начал убеж-

дать его согласиться. /.../ Владимир Галактионович ответил:

"Эта поездка ни к чему"... – Помолчал и продолжал: "Вообще я не хочу ехать за границу, а кроме того, никогда и ничего я не брал ни от какого правительства..."

Беренштам, с. 60.

См. об этом же ниже письмо М. П. Сажину от 24 апреля.

17 марта

Арест К. И. Ляховича в квартире Короленко.

"Доктора предупреждали его //К. И. Ляховича// и родных, что при состоянии его сердца он совершенно не может вынести серьезной инфекционной болезни, в особенности сыпного тифа. Между тем в полтавской тюрьме именно в это время появилась эпидемия сыпного тифа".

Т. Богданович. Вл. Г. Короленко в последние годы жизни. "Былое", 1922, № 19, с. 225.

"Тяжелым ударом для нас был арест Константина Ивановича в марте 1921 года. Отец подал заявление в Полтавскую Чрезвычайную Комиссию с просьбой оставить К. И. Ляховича, в виду болезненного состояния, под домашним арестом под его поручительство, но в этом было отказано".

СК, с. 354.

1921

Старшая дочь Короленко — Софья Владимировна — тоже была социал-демократкой (меньшевичкой). Председатель губисполкома сказал после ареста Ляховича: "Мы не тронули дочь Короленка. Распоряжение об аресте меньшевиков исходит не от нас, а из центра /.../ и освободить Ляховича мы не имеем права..."

Беренштам, с. 35, 77.

В марте 1921 г. "были почти целиком арестованы меньшевистские организации — киевская, полтавская, екатеринославская, таганрогская, донецкая, волынская и одесская".

Из отчета о деятельности ВУЧК за 1921 г. в кн. "На защите революции. Из истории Всеукраинской Чрезв. комиссии. 1917–1922". Киев, 1971, с. 344.

18 марта

Запись в дневнике об аресте К. И. Ляховича и М. Л. Кривинской: "В эту ночь было много арестов, — меньшевиков, эсеров, синдикалистов и т. д. По-видимому, тревога вызвана восстанием в Кронштадте".

Письмо к В. И. Яковенко: "Вчера /.../ арестовали моего зятя, Ляховича. Он меньшевик и член Совета, и ему приходилось говорить много горькой правды".

Яковенко.

1921

20 марта

Подает заявление в Чрезвычайную Комиссию с просьбой об оставлении К. И. Ляховича под домашним арестом.

БК, с. 253.

Беренштам передает свой разговор с Короленко: "Напишите Раковскому. Он устроит немедленно освобождение Константина Ивановича. Владимир Галактионович отвечает твердо и спокойно: — Нет, я не напишу. — Тогда давайте я напишу. — Нет, не надо".

Беренштам, с. 77.

22—25 марта

Приезд трех харьковских врачей-невропатологов, направленных Совнаркомом Украины. К этому времени у Вл. Г-ча обнаружились уже некоторые затруднения в походке, речи и глотании.

БК, с. 253; СК, с. 354.

23 марта

Пишет А. Г. Горнфельду о приезде из Харькова врачей и А. В. Пешехонова с женой.

"Я сначала отказался от этого казенного пособия, но когда врачи (между прочим, очень милые и знающие люди) выразили и свое личное желание посетить меня, то я с благодарностью согласился. Итак, у меня теперь, кроме врачей, еще и Пешехоновы".

Горнфельд, с. 196—197.

1921

25 марта

Пишет П. В. Мокиевскому в Петроград: "Едва ли Вы в Петрограде представляете себе, как беспокойна жизнь на нашей Украине, и сколько раз Полтава, например, переходила из рук в руки и от режима к режиму. Начиная с "Рады", она переходила к гетманцам, к петлюровцам, к большевикам (три раза), была и в руках повстанцев (почти разбойников), заглядывал сюда и "анархист" Махно. Подвергался город и бомбардировке, и на нашей улице разрывались бомбы. Одним словом — обстановка, мало содействовавшая "сердечному успокоению". Ну, да этого и нигде нет теперь".

Пушкинский Дом, Р.1, оп. 13, № 16.

26 марта

Пишет В. Н. Золотницкому: "Русское Богатство" не существует. Наше помещение реквизировано. Года уже три назад в нем поместили красноармейцев, и они поступили по-своему: книжный склад сожгли в печках и искурили... /.../.

...Мое отношение к некоторым сторонам того, что теперь происходит, объясняется не моей излишней мягкостью и не моим благодушием..., а моим глубоким убеждением, что этим путем нельзя достигнуть поставленной цели... /.../

Разруха идет все дальше и дальше, и правительству остается бороться с нею не по существу,

а только с ее обнаружениями. Это путь, который привел к гибели не одно правительство. На это я смотрю с горем и печалью".

НС, с. 43; СК, с. 351, 353.

Пишет А. М. Горькому: "Вопрос о Филатове покончила сама судьба: он умер в этапном пути в больнице в Ростове. Повторяю, что это был хороший человек, понимая это слово в обычном, "не классовом" смысле. /.../ Впрочем, в Сочи (да и не в одном Сочи), очевидно, такие уж порядки: там был арестован также мой старинный друг (о котором я вспоминаю во втором томе "Истории современника") В. Н. Григорьев, просто здорово живешь, черт знает по каким обвинениям. Вообще административный порядок свирепствует у нас теперь вплоть до бессудных расстрелов.

Вы спрашиваете о моей работе. У меня готова не только третья часть "Истории современника", но и четвертая. Теперь работаю над пятой, которой заканчивается ссыльный период моей жизни. Теперь пойдет Нижний. Вообще я весь расшатался, но голова еще работает. Приближаясь к Нижнему и к борьбе (совместно с Ник. Фед. Анненским, Богдановичем и др.) с "диктатурой дворянства". Очень благодарю Вас за предложение содействия к напечатанию этих воспоминаний за границей. Очень возможно, что я этим предложением воспользуюсь. Мне нужно

только ранее списаться с книгоиздательством ”Задруга”, так как это издательство уже вошло от моего имени в сношения с одной заграничной (швейцарской) фирмой. Думаю, что препятствий не встретится, но все-таки придется их предупредить. К сожалению, сейчас пересмотреть издания не могу, так как до сих пор не получил еще авторских экземпляров. /.../

Да, не веселое вообще время. Как-то у меня спросил товарищ председателя всеукраинских чрезвычаек, встретив меня в полтавской Ч. К., куда в то время я, по разным делам, ходил чуть не ежедневно – ”каково, дескать, ваше впечатление, Владимир Галактионович”. Я ответил правду, что если бы жандармы в свое время имели право не только ссылать нас, но и расстреливать административно, то это было бы то самое, что теперь происходит на моих глазах. – Но ведь это, В. Г., на благо народа! – Я выразил сильное сомнение, чтобы для блага народа были пригодны даже и такие средства. То же я высказал и в письмах своих к Луначарскому, которым едва ли суждено увидеть свет при моей жизни”.

АКЛ (Опубликовано А. М. Горьким – ”Летопись революции”, Берлин, 1923, кн. 1).

5 апреля

Из письма двоюродному брату В. К. Туцевичу в Одессу: ”С тех пор, как мы, бывало, (помнишь, в Кронштадте, например?) определили для

себя свое мировоззрение, я его держался всю жизнь, и если бы пришлось начинать ее сначала, я так же держался бы все той же линии, и для меня светили бы все те же огни".

"Дон", 1969, № 4, с. 178.

9 апреля

К. И. Ляхович, больной сыпным тифом, перевезен из тюрьмы в квартиру Короленко.

БК, с. 253.

15 апреля

Пишет О. В. Аптекману: "У меня теперь очень тяжелое время. Мой зять, человек смелый и честный, всегда высказывающий откровенно свои мнения, был 16 марта арестован* и в тюрьме заразился тифом... Чувствую, что этот удар сократит мою жизнь. Я тоже сильно болен..."

СК, с. 355.

Письмо М. И. Калинину с ходатайством о разрешении писателю В. К. Артемьеву-Лисенко выехать за границу.

ППСС, т. X.

16 апреля

Смерть К. И. Ляховича.

БК, с. 253.

"9 апреля Константина Ивановича, заболевшего в тюрьме сыпным тифом, на носилках перенес-

---

*К. И. Ляхович был арестован 17 марта (Ред.)

ли к нам домой. Врачи с самого начала смотрели на положение больного безнадежно. Отец же продолжал надеяться. В ночь на 16 апреля Константин Иванович скончался".

СК, с. 355.

17 апреля

Запись в дневнике: "Сегодня хоронили нашего Костю. Он был избран от рабочих в Совет. Это значит "по диктатуре пролетариата", что его могут арестовать за мнения, которые он выскажет. Так и случилось. /.../

Его очень любили рабочие. Он с ними работал с 1905 года... Хоронить собрался весь город. /.../ Когда шествие поравнялось с тюрьмой, из нее передали красный флаг с надписью: "погибшему борцу за свободу". Флага никто не отнимал. /.../

Мне это тяжелый удар. Мы с ним были дружны. /.../ Незадолго до ареста мы провели таким образом переяславское дело о провокации, в котором коммунисты запугивали торговцев, вымогали взятки, потом все-таки арестовывали, причем значительная часть взятого все-таки прилипала к рукам. Дело это получило, благодаря Косте, сильную огласку. Затушить его было невозможно. Рев. трибунал осудил со всевозможною мягкостью Шарова. Зайцевых участвовало двое — муж и жена — осудили только мужа: к смертной казни условно на год! Теперь они уже,

наверное, смеются над этим приговором. /.../

Да, приговор смешной, а бедный честный наш Костя погиб!"

24 апреля

Письмо М. П. Сажину по поводу предложения выехать за границу для лечения:

"Я привык считать себя независимым писателем, и мне разъезжать в казенных вагонах "на казенный счет" дело непривычное и совершенно чуждое. И особенно зто чуждо мне теперь после того, как дорогой мне человек убит коммунистической тюрьмой. Я не контрреволюционер и никогда им не буду. Но также не перейду на казенное содержание. Лучше умру".

ГБЛ, ф. 135.

Из письма к В. Н. Фигнер: "У прежнего режима было много грубой жестокости. У теперешнего много лжи и лицемерия. Не нам, конечно, защищать прежнее, но и доказывать преимущество лицемерной лжи перед жестокостью тоже дело не веселое".

ЦГАЛИ, ф. 1185 (В. Н. Фигнер), оп. 1, № 500.

28 апреля

Пишет И. П. Малютину о смерти Ляховича: "Он был избран в члены совета и, в качестве такового, говорил часто горькую правду. Его арес-

товали (он был социал-демократ меньшевик, а теперь у нас в отношении меньшевиков политика двойственная: в главном им уступают, но лично преследуют). В тюрьме он заразился тифом и умер".

"Сибирские огни", 1982, № 4, с. 163.

Апрель (после 17-го)

Письмо к А. М. Горькому: "Вы мне писали, что имеете возможность устроить в Берлине перевод моей "Истории современника". Буду Вам благодарен, если Вы устроите это дело, о чем Вам пишет моя дочь Софья. Я писал уже Вам, что снесусь по этому поводу с "Задругой". Но так как долго не получается ответа, то мы с дочерью решили обойтись без этих сношений".

АКЛ

6 мая

Из письма Н. С. Тютчеву: "В прошлом году я написал 6 писем А. В. Луначарскому. Теперь в заявлениях Ленина вижу многое, что я тогда писал. Не приписываю это себе, но поворот несомненный".

ГБЛ, ф. 135, II.8.84, л. 18.

Из письма А. Б. Дерману: "О моем здоровьи и бодрости Вы пишете так, что мне самому завидно. Я в сущности теперь настоящая развалина. Кроме головы и глаз, да, пожалуй, еще рук,

я весь разладился, и никуда не гожусь. Голова работает. "Современника" подвигаю неуклонно. Вижу уже конец ссыльного периода, пишу Якутскую область. Надеюсь начать Нижегородский период и нашу борьбу (вместе с Ник. Фед. Анненским и с А. И. Богдановичем) с тогдашней диктатурой дворянства..."

ППСС, т. V, с. 21–22 (вместо А. Б. Дерману, ошибочно указано А. Г. Горнфельду).

9 мая

Пишет Д. П. Якубовичу: "Не знаю, получил ли ты мой отзыв относительно твоего рассказа. Теперь времени прошло много, но все-таки скажу, что если бы "Русское Богатство" тогда существовало, я бы охотно его напечатал, и отец твой наверно бы тоже его одобрил. Ну, да теперь об этом толковать нечего: литературы нет".

Личный архив И. Д. Якубович, дочери Д. П. Якубовича.

Из письма к М. П. Сажину: "Перлюстрация теперь в полном ходу (не хуже, чем в старые времена), и письма пропадают".

Т. X (Дублеты).

Запись в дневнике Н. С. Ашукина, секретаря Правления Всероссийского союза писателей:

"В правлении Союза писателей Чуковский сделал доклад о литературных делах в Петербур-

ге. /.../ Председателем всего Союза решено избрать Короленко. Короленко живет в Полтаве. Он болен: грудная жаба. Но он пишет, заканчивает своего "Современника". Ему дали продовольственный паек, но он отказался от него, сказав, что на иждивении правительства никогда не был и быть не хочет. Между тем, он нуждается, продает свои вещи, которые его знакомые стараются купить у него, чтобы опять подарить их ему же".

ЦГАЛИ. (Сообщено М. Г. Ашукиной.)

18 мая

Письмо С. Д. Протопопову: "Я знаю, конечно, что вы не скажете по моим письмам ничего, чего мне впоследствии пришлось бы стыдиться. В этом отношении вполне на вас полагаюсь. И все-таки... Тема очень щекотливая, – "В. Г. Короленко в период революции". Все ли можно сказать на эту тему? Вы знаете, что я написал Луначарскому 6 писем. Вот если бы явилась возможность напечатать эти письма, это было бы именно то, что я думаю "в период революции". К этому я бы прибавил то, что я писал Раковскому и другим вождям по разным поводам. Но это невозможно. А выступать на такую тему с недомолвками, – не знаю, стоит ли? Не будет ли это хуже, чем не сказать ничего? Впрочем, предоставляю вам решить этот вопрос. Повторяю, что полагаюсь на вас в уверенности, что вы мои взгляды знаете".

"Вестник литературы", 1921, № 10, с. 15.

1921

20 мая

Я. К. Имшенецкий пишет из Полтавы И. П. Белоконскому: "Владимир Галактионович постепенно уходит заживо из жизни. Сознание у него, насколько можно судить, совершенно ясное, но средства общения с окружающей жизнью очень слабы: слышит плохо, но все же слышит, и ему можно без особого затруднения сообщить все. Но речь и передвижения очень затруднены. При его общительном характере это его очень гнетет. Смерть его зятя, Ляховича, очень ухудшила его состояние".

Белоконский, с. 110–111.

21 мая

Письмо П. В. Мокиевскому: "Уже хлопоты о "смертниках" ("Бытовое явление") доставляли много волнений, а теперь... одно время я не выходил из чрезвычайки. Представьте себе, как на нервного человека должна действовать необходимость сообщать женам о том, что мужья уже расстреляны раньше, чем возбуждены хлопоты, и тому подобные прелести.

А мне это приходилось нередко. На днях (около месяца назад) мне пришлось испытать эти прелести в своей семье. Мой зять (меньшевик) был арестован, в тюрьме заразился и 17 марта //апреля// мы его похоронили. Можете представить, как это должно было подействовать на меня. Человек был превосходный, и мы все его очень любили.

1921

Относительно Венедикта Александровича //Мякотина// пока ничего определенного сказать нельзя. Говорили, что вот-вот собираются выпустить, но пока только говорят, а держат в Бутырках. Впрочем, может быть, уже произошла какая-нибудь перемена".

Пушкинский Дом, Р. 1, оп. 13, № 27.

24 мая

Запись в дневнике: "У нас до сих пор живы традиции Великой французской революции /.../ Мы решились приемами революции XVIII века во Франции произвести социальную революцию. Там был террор /.../ Террора у нас было слишком достаточно, но террор (как это, впрочем, было и во Франции) только повредил. /.../

Сто лет культуры протекло не даром. Крепкий аппарат Ч. К. и теперь может внушать только презрение, как и прежние крепкие аппараты жандармской власти".

Письмо И. П. Белоконскому: "Вы уже знаете, наверное, о горе, которое обрушилось на нашу семью. Константин Иванович Ляхович, мой зять, человек, которого я искренно любил, мой друг и истинный помощник во всех делах... умер. Это так меня ушибло, что я не мог себе представить, как я без него буду опять писать, опять ходатайствовать перед "власть имущими" и т. д. Но... горе горем, а дела делами, и за них придется опять приниматься".

Белоконский, с. 111–112.

1921

Из письма А. Г. Горнфельду: "Подать просьбу о помиловании считалось в наше время позором, между тем как декабристы и петрашевцы унижались перед властью, и в то время никто им этого не ставил в вину. В этом отношении к власти со стороны побежденных, быть может, яснее всего сказывается рост революционного настроения и соответственное падение "престижа власти".

Горнфельд, с. 200.

25 мая

Запись в дневнике: "Только введение в значительной степени *личного интереса* может еще нас спасти. Но коммунизм лицемерен до мозга костей. Он уже попал в то лицемерие, которое погубило старый режим, в лицемерие официального благополучия. А это признак плохой!"

26 мая

Из письма Т. А. Богданович к А. В. Пешехонову: "Теперь, когда тепло, я чаще бываю у Короленко – мрак у них безысходный. От последнего удара им не оправиться. Константин Иванович был опорой их всех не только в материальном, но и в духовном отношении. Это был неисчерпаемый источник бодрости, энергии, жизни. Он никогда не унывал и не давал окружающим впасть в уныние. А теперь просто сердце сжимается. Наташа тоскует, не хочет лечиться.

Авдотья Семеновна все время прихварывает, держится только напряженной заботой о Владимире Галактионовиче. Соня тоже больна, хоть и работает без устали, а о Владимире Галактионовиче говорить больно.

Сравнить нельзя с тем, когда Вы были. Понимать его многие совсем не могут, слабость растет, глухота тоже. Между прочим, ему теперь страшно тяжело, после всего что было, обращаться с какими-нибудь просьбами, особенно к Раковскому. Вчера Авдотья Семеновна говорила мне, что его очень волновало Ваше письмо о необходимости писать в Харьков. Она просила меня рассказать Вам, Алексей Васильевич, об этом и попросить Вас, когда у Вас будут такого рода дела к Владимиру Галактионовичу, писать лучше Соне или ей. Они тогда смогут выбрать такой момент, когда он спокойнее, чтобы передать ему, в чем дело, или напишут Вам, что это для него слишком тяжело. Здесь теперь ни по каким делам непосредственно с ним не говорят, а письма к нему он читает все сам. Вы, конечно, это вполне поймете. Господи, как это тяжело и грустно".

ГБЛ, ф. 225 (А. В. Пешехонова), 1.28, лл. 2–2 об.

27 мая

Запись в дневнике: "Коммунизм вступает в решительную борьбу с религией. //Статья в

"Правде", № 104 – "Коммунизм и религиозные обряды"//.

Я считаю это большой ошибкой. Во-первых, я считаю, что дело религий еще не покончено. Поверхностный материализм (а с таким только материализмом мы имеем теперь дело) уже теперь обнаруживает всю свою поверхностность. Мир, /.../ когда самый атом уходит в бесконечность, – открывает в свою очередь такую же бесконечность для пытливого человеческого ума, и мироздание опять превращается в тайну. Это, конечно, далеко не та мистическая религия, допускающая чудеса и волхования, но все-таки это опять... бесконечность".

30 мая

Из письма В. Н. Григорьеву: "Они убили важный стимул во всякой промышленности – личную выгоду, рассчитывая (и это очень глупо!) на одни альтруистические побуждения. По-моему, только разумная комбинация того и другого может дать то, что нужно".

ГБЛ, ф. 135.

Из статьи В. И. Ленина "К четырехлетней годовщине Октябрьской революции" (Октябрь 1921 г.): "Мы рассчитаывали – или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета – непосредственными велениями пролетарского государства наладить госу-

дарственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку".

В. И. Ленин. ПСС, т. 44, с. 151.

1 июня

Запись в дневнике: "Надвигается, кажется, настоящее бедствие: засуха. /.../ Коммунисты непоследовательны: то объявляют свободу торговли, то отнимают товары, которые появляются вследствие этих декретов. /.../

Вот что значит невежественная самонадеянность: вместо высшей формы общения ввели повальное воровство! Да коммунизм — высшая ли форма? Кто это сказал?"

9 июля

Председатель Совнаркома Украины X. Г. Раковский передает Короленко через В. В. Беренштама номера эмигрантской газеты "Руль" (Берлин) и две книжки журнала "Современные записки" (Париж). Ранее Раковский передал через председателя Полтавского губисполкома изданную в Софии книгу Г. Уэллса "Россия во мгле".

Беренштам, с. 64–65.

14 июня

Письмо С. Д. Протопопову: "Недавно случилось мне прочитать Уэльса — "Россия во мгле".

К существующему правительству (у нас, конечно) он относится очень снисходительно, но из-за этого сквозит такое презрение к самой России, что можно не на шутку обидеться. /.../

Я, действительно, написал Луначарскому шесть писем, в которых сказал, что считаю правдой. Он обещал мне ответить и даже напечатать их, но вместо этого не откликнулся ни словечком, как будто вовсе их не получил. Я понимаю хорошо, почему это.

Мне тоже смерть не страшна, хотя хотелось бы "досмотреть до конца". Кроме того, у меня есть семья, и мне не хотелось бы расставаться с ней преждевременно. Мы в особенности в эти мрачные дни стали очень дружны".

"Вестник литературы", 1921, № 10, с. 15.
"Былое", 1922, № 20, с. 29—30.

Письмо к писательнице Л. Ф. Маклаковой-Нелидовой, дочери Ф. Н. Королева, директора Петровской академии в годы учения Короленко. Прочитав второй том "Истории моего современника", Л. Ф. Маклакова-Нелидова написала Короленко, что М. Н. Катков не был покровителем ее отца. Из ответа Короленко:

"Мне ужасно неприятно, что я сделал такой промах и так огорчил Вас и Вашу семью. А главное — так несправедливо! У нас, среди тогдашнего студенчества, это было общее убеждение. /.../ Как это поправить? Разумеется, в ближайшем

издании это будет исправлено, и фигура Вашего отца будет восстановлена в ее настоящем виде. Но мне ужасно неприятно, что пока это должно остаться в том же виде. Если были бы по-прежнему частные газеты, я сделал бы это ранее. Теперь поневоле придется обождать. Но все-таки, если Вы что-нибудь придумаете, что Вас больше бы удовлетворяло, — я готов все сделать, лишь бы загладить эту несправедливость, нанесенную мною памяти Филиппа Николаевича".

ЦГАЛИ, ф. 331, ед. хр. 158.

Об этом же Короленко писал 1 августа профессору А. Ф. Фортунатову: "Факты остаются фактами, и я постараюсь восстановить их в настоящем виде. Не знаю, удастся ли это в одном из последующих изданий "Современника" или я успею сделать это еще раньше, в одном из следующих выпусков, хотя бы и без связи с текстом, но это я сделаю непременно".

"Вестник сельского хозяйства", 1922, № 1, с. 16.

Полтавский литератор Ф. К. Греков сообщает Короленко о полученном иэ Петрограда письме А. Е. Кауфмана о том, что письма Короленко к Луначарскому "ходят по рукам и производят большое впечатление".

ГБЛ, ф. 135, II.22.7.

Середина июня

Второй приезд харьковских врачей. Ранее на-

блюдавшиеся явления (затруднение в ходьбе, расстройство речи и глотательных движений, плохой слух) – значительно усилились. Установлена смертельная болезнь (амиотрофический боковой склероз).

БК, с. 253.

16 июня

Письмо Г. И. Петровскому: "У отца //Чуба// произведен был обыск и захвачено полторы тысячи царскими деньгами. При этом милиция попыталась эти деньги присвоить. Если бы отец Чуба на это беспрекословно согласился, то, вероятно, на этом дело бы и закончилось. Но он не согласился и за это теперь сыну грозит смертная казнь. Он указал, что такая конфискация воспрещена декретом. А нет ничего, что бы так раздражало полицию (какую бы то ни было), как ссылки на закон. /.../ Выборные от комнезаможей явились в Ч. К. с ходатайством и с определенным намерением взять его на поруки, считая его невинным".

Т. X (Дублеты).

17 июня

Письмо к начинающей поэтессе О. А. Баян с сообщением, что он не получил ее стихотворений.

"Я теперь сильно болен и потому по большей части в подобных просьбах отказываю, но если

у Вас стихотворений немного и если переписаны они четко, – то пришлите, постараюсь прочесть".

ГБЛ, ф. 135.

29 июля

Письмо А. М. Горькому: "Хочу поделиться с Вами моим горем. Младшая моя дочь, Наталья, была замужем за очень хорошим человеком, Константином Ивановичем Ляховичем. Он был очень популярен в Полтаве. Между прочим, среди рабочих, которые его знали еще с 1905 года. Он был давний революционер, в годы реакции вынужден был эмигрировать, жил во Франции, в Тулузе, где учился в университете. Потом вернулся в Россию. Здесь опять навлек на себя преследования, во время гетмана, и был немцами выслан в Брест (конечно, по наущению местных властей). После революции в Германии вернулся в Россию и был избран рабочими в Совет. Ну, а теперь известно – "диктатура пролетариата", состоящая в том, что избранники пролетариата должны говорить под диктовку коммунистов. Ляхович не принадлежал к числу "покорных телят" и нередко говорил горькую правду властям, т. е. именно то, для чего был рабочими избран. Он был социал-демократ меньшевик, т. е. говорил именно то, что теперь Ленин пишет в декретах.*

*Имеется в виду НЭП. (Ред.)

1921

Ну, разумеется, его арестовали. Я предупреждал председателя Ч. К., что у него болезнь сердца и тиф для него смертелен, а тюрьма насквозь пропитана тифом. Именно это и случилось: он заразился, и 17 марта //апреля// мы его похоронили. Спрашивается, за что погиб честный человек и искренний революционер? За то, к чему теперь приходит и большевизм в то время, когда уже, может быть, поздно. История когда-нибудь отметит, что с искренними революционерами и социалистами большевистская революция расправлялась теми же средствами, как и царский режим, т. е. чисто жандармскими.

Когда я задаюсь вопросом, почему до сих пор не было не только у нас, но и нигде социальной революции, то отвечаю себе так: социальный переворот был бы высшим проявлением справедливости, до которого нам еще далеко. В Европе элементы его уже есть. Они уже умеют учитывать мнение большинства, у них сказать, что можно запретить человеку высказывать мнение, хотя бы и противное большинству, сочли бы явной нелепостью. У нас это теперь факт: в то время, когда в стране необходимо наивысшее напряжение умственной и нравственной силы, – она вынуждена молчать. Однажды, три года назад, меня пригласили произнести речь в одном селе. Я произнес то, что думал, и после этого один матрос сказал мне: "Знаете, – если бы вы это сказали у нас на фронте, вы бы живой отсюда не ушли!"

1921

Народу, который так рассуждает о своем праве, далеко еще до самого справедливого строя. Ему надо еще многому учиться у тех, которых он объявил *презренными соглашателями и изменниками,* как германские вожди социализма, вроде Каутского. А мы вместо этого стали во главе революции всемирной! И немудрено, что наделали таких ошибок, которые показывают только, как *не надо* делать социальную революцию. Это, конечно, тоже заслуга перед социальной революцией вообще. Но бедная Россия поплатится за эти "показательные опыты" так, что, может быть, ее пример надолго отобьет и остальные страны и вызовет буржуазную реакцию. Может быть, долго будут говорить: "видели, видели на примере России".

Я написал шесть писем Луначарскому. Он обещал их напечатать со своими возражениями, но когда я их послал, то он даже не известил об их получении. Началось это с открытого письма Ясинского, откровенной рептилии, которого Луначарский принял за Симеона Богоприимца революции. После письм моего и еще одного киевского писателя, Яблоновского, о Ясинском более не слышно: точно в воду канул, рептилия исчезла. И без него их достаточно... Нет подлее типа, чем эти откровенные рептилии, которые сначала подлаживаются к одному правительству, потом к другому. И еще слывут Симеонами Богоприимцами! /.../

Затем желаю всего наилучшего. Счастливого пути, так как слышал, что Вы отправляетесь на лечение".

АКЛ (Опубликовано А. М. Горьким – "Летопись революции", Берлин, 1923, кн. 1)

3 июля

Запись в дневнике: "Любопытно, что слова "смертная казнь" в большевистском лексиконе не существует. Оно заменяется термином "высшая мера наказания". Революция, как известно, смертную казнь отменила. И никогда не было смертных казней, как теперь".

4 июля

Пишет В. Н. Золотницкому: "Свобода – это воздух, без которого не может существовать печать и без которого она глохнет. Что было бы, например, если бы прежний режим объявил, что допускается только официальное направление. Отсюда /.../ та мертвенность, которая лежит на теперешней печати. Конечно, если бы допустить полную свободу, много бы расцвело и нежелательного, в том числе "черная сотня" и тому подобное... /.../

В истории важнее всего истина. Иначе какая же это история! Да и вообще истина в печати – дело самое важное. Лучше даже злоупотребления свободой, чем ее отсутствие. Без нее печать мертва..."

НС, с. 46–47.

1921

17 июля

Пишет С. Д. Протопопову: ”Письмо Ваше с сообщением о прекращении ”Литературной Газеты” //”Вестника литературы”// тоже получил и уже на него ответил вопросом, не имели ли к этому инциденту, напоминающему ”лучшие времена цензуры”, какого-нибудь отношения извлечения из моих писем? Тогда мне придется ко многим преследованиям, которые я терпел при старом режиме, прибавить еще свежие из времен ”свободы”.

Утренники. Кн. 2. Пб., июнь 1922, с. 104.

Из того же письма:”Получил письмо от Горинова. Временно его оставили с выселением. Хочу написать кому-нибудь из власть имущих, чтобы сочинское начальство прекратило свои преследования, а то уж слишком много накидываются на одного человека, да еще больного старика”.

”Вестник литературы”, 1921, № 10, с. 15.

23 июля

Получено письмо А. М. Горького с просьбой написать воззвание к Европе по поводу голода.

БК, с. 253.

24 июля

Получена телеграмма из Москвы: ”В годину великого народного бедствия общественными силами Москвы, по соглашению с правительст-

вом, организован Всероссийский Комитет помощи голодающим. На первом заседании Комитет единогласно избрал Вас, глубокоуважаемый Владимир Галактионович, своим почетным председателем. Просим принять избрание и оказать Вашу ценную помощь в трудном деле".

"Известия", 24.7.1921, № 160.

27 июля

Ответная телеграмма В. Г. Короленко. В связи с избранием почетным председателем Всероссийского общественного Комитета помощи пострадавшим от неурожая известного русского писателя В. Короленко, председателем Комитета тов. Каменевым получена следующая телеграмма:

"Я болен и слаб, силы мои уже не те, какие нужны в настоящее время, но тем не менее я глубоко благодарен товарищам, вспомнившим обо мне в годину небывалого еще бедствия и постараюсь сделать все, что буду в силах.

Владимир Короленко".

"Правда", 7.8.1921, № 173.

27 июля

Письмо А. М. Горькому:

"Дорогой Алексей Максимович!

В настоящее время я сильно болен: у меня сильное нервное расстройство, а в последнее время к этому присоединилась инфлуэнция. Понят-

но, в каком я положении. Тем не менее, сегодня я уже ответил товарищам, избравшим меня почетным председателем Комитета помощи голодающим, и постараюсь сделать что могу. Но силы у меня уже не прежние.

Мне кажется, Вы ошибаетесь, приписывая нашей эмиграции такие злобные и преступные побуждения перед лицом страшного бедствия. А бедствие надвигается действительно страшное, небывалое. Мы уже видели в прошлом году, как целые толпы слепо бредущих людей надвигались на пределы Украины с северных губерний. Тут были отцы семейств, которые сами запрягались в телеги, в которых были их семьи, и брели слепо на юг, в надежде, что там их ждет большое обилие. Но их по большей части возвращали назад. Повторяю: бедствие надвигается небывалое, может быть, с Алексея Михайловича. И Россия перед ним почти так же беспомощна.

И Вы думаете, что наша эмиграция в целом не будет не только помогать, но даже будет мешать помощи. Мне кажется, что Вы ошибаетесь. На это нужно настоящее черносотенное злодейство, а эмиграция в целом на это неспособна, я в этом уверен. Вообще я на это дело смотрю несколько иначе. Для меня, например, убийство Шингарева и Кокошкина такое же злодейство, как и убийство Розы Люксембург и Либкнехта, и его безнаказанность остается таким же несмытым пятном, как и другое.

1921

Мы затормозили ход нашей революции тем, что не признали сразу, что в основу ее должна быть положена человечность. У нас исстари составилось представление, что "великая" французская революция удалась только потому, что действовала террором. Но историк-социалист Мишле утверждает, что она *не удалась именно поэтому.*

Наш дореформенный режим был режим особенный. Глупые цари держали Россию вне всякого политического прогресса, представляя такой прогресс исключительно конспирации, и этим самым подготовили такой феерический, можно сказать, провал своего режима. Затем Россия преклонилась перед террором, — на мой взгляд такая же бессмыслица. Наши революционные деятели забыли, что со времени французского террора прошло более столетия, и Европа жила в это время не даром. В ней происходило то столкновение мнений, из которого возникает новая истина, социальная и политическая.

Я не отрицаю, что во многом Европа и Америка тоже дошла до таких точек, которые могут быть разрешены только острыми столкновениями. Но у Европы и Америки есть уже практика долго действовавшего политического строя. А у нас?! Мы впали из одного насилия в другое. У нас теперь действует "административный порядок" до казней в "административном порядке" включительно.

1921

Только из столкновения мнений рождаются новые истины и движение вперед. А что не движется, то умирает и разлагается. Правители России воображают, что они стоят во главе социальной революции, а они просто стоят во главе умирающей страны. И мы видим это умирание в простейших процессах: люди перестают работать, — останавливается простейший обмен живых соков.

Все это я старался показать в своих письмах к Луначарскому (на которые, кстати сказать, не получил ответа и даже простого извещения о получении. В это именно время начиналась моя болезнь). У нас, вместо свободы, все идет прежним путем: одно давление сменилось другим, и вот вся наша "свобода".

Разумеется, я сделаю все, что смогу. Постараюсь написать и воззвание, но на это мне нужно несколько дней, и притом, в виду выбора меня в Комитет, я не могу пересылать того, что напишу, иначе, как через Комитет. Самое большее — это пришлю одновременно Вам и в Комитет. Наступают трудные дни, и надо действовать в полном согласии, иначе — провал. Эти времена я уже предсказывал в своих письмах к Луначарскому. Если теперь интеллигенция опять станет действовать враздробь, тогда — полный провал наших начинаний. Нужно, чтобы "власть" показала пример единения.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего.

Ваш Вл. Короленко".

АКЛ; Память – 4, с. 398–399.

Третий приезд харьковских врачей. Речь Владимира Галактионовича настолько затруднена, что он с окружающими преписывается.

БК, с. 253.

28 июля

Чествование Короленко в связи с его 68-летием в Полтавском городском театре. В. Г. по болезни не присутствовал.

70-летие..., с. 13.

"Полтавцы с особенной теплотой отметили 23 июля день рождения отца (торжественное заседание в театре, делегации, посещения детей, трогательные адреса и подарки)".

СК, с. 356.

"Я так ярко помню каждое лето дни его рожденья. С утра стекались в их квартиру незнакомые люди, великое множество, со словами благодарности, с поздравлениями. В трудные годы, когда всем жилось тяжко и голодно, каждый нес сюда, что мог. Придешь – как склад: спички, мыло, соль, различные продукты. Это призводило не

только трогательное впечатление, от этого щемило сердце. На добро отвечали добром".

Из письма Т. А. Пащенко к А. В. Храбровицкому от 9 июня 1982 г. – Т. А. Пащенко (дочь Т. А. Богданович) в 1918–1923 гг. жила в Полтаве.

Посещение Короленко детьми колонии его имени (в Трибах под Полтавой).

С. Сумный. Имени большого человеколюба. "Народный учитель", М., 1928, № 10, с. 40–41.

Приветствия на имя В. Г-ча поступили от профсоюзов Полтавы; Лиги спасения детей; Главного комитета РСДРП в Харькове; Полтавского комитета РСДРП; Наркома просвещения Украины; группы преподавателей из Гатчины; Правления Харьковского медицинского общества; заключенных политизолятора ВУЧ. К. – членов социалистических партий; Еврейской с.-д. партии и др.

АКЛ

Приветственная телеграмма от ВУЦИК и СНК Украины: "По случаю годовщины Вашего рождения Всеукраинский ЦИК и Совет Народных Комисссаров Украины выражает свое глубокое уважение великому писателю, посвятившему всю жизнь просвещению народных масс, борьбе с невежеством, предрассудками, национальной и ре-

лигиозной травлей. На Ваших творениях рабочие и крестьяне России и Украины укрепились в борьбе за братство трудящихся всех стран мира".

"Нижегородское краеведение", 1931, № 9–10, с. 20.

Короленко избран почетным председателем Комитета помощи голодающим Украины.

Беренштам, с. 70–71.

29 июля

Из записки врачам, приехавшим из Харькова:

"По временам мне кажется, точно я "переработался", и при этом нервная система находилась в постоянном угнетении: под гнетом постоянных казней и как будто ответственности за них. Началось это с приезда в Полтаву Луначарского и эпизода, за этим последовавшего. Тогда я в первый раз, вместо разумной речи, расплакался. Я чувствовал, что ходатайствую за уже погребенных".

"О голоде". Сб. статей. Харьков, 1922, с. 28.

Пишет В. Н. Григорьеву: "Истинным утешением служит мне теперь общее сочувствие и общества (образованного) и рабочих масс, — которые угадывают ту дружбу, которую я всегда к ним питал, и теперь правильно оценивают мое общее направление, далеко не совпадающее с официальным..."

СК, с. 355–356.

1921

31 июля

В помещении читальни при Полтавской библиотеке им. Гоголя открылась выставка, посвященная 68-летию со дня рождения Короленко. Выставку открыла устроительница А. Л. Кривинская, речь о Короленко произнес И. И. Горбунов-Посадов. Подробное описание выставки опубликовано С. И. Идашкиным.

70-летие..., с. 10–13.

2 августа

Институт Маркса-Энгельса выслал Короленко русский перевод статьи Розы Люксембург о Короленко (см. июль 1918).

ГБЛ, ф. 135, II.39, 111.

9 августа

Письмо к А. М. Горькому:

"Дорогой Алексей Максимович.

Вы обратились ко мне с предложением написать обращение к Европе о помощи голодающей России, и я принял это предложение. С этих пор у меня нет покоя. Это письмо я пишу среди бессонной ночи.

Прежде всего у меня нет цифровых данных. Я уже обратился к своим приятелям статистикам, но на это нужно время. Значит, придется подождать. При писании "Голодного года"* я распола-

---

*Имеется в виду книга Короленко "В голодный год" (1893). – Ред.

гал бытовым материалом, который сам же собирал на месте. Положим, этот бытовой материал теснится в голову и теперь и не дает мне покоя по ночам. Но... подойдет ли он.

Недавно Уэльс приезжал к Вам и после этого написал книгу. Я совершенно с нею согласен... но... его книгу не признали ни эмигранты, ни здешнее правительство. Редакция эмигрантов снабдила ее отрицательным предисловием, здешняя цензура ее просто-напросто запретила. Для эмигрантов он слишком благоприятно относится к господствующей в России партии, для большевиков вся книга проникнута презрением к России, которая, как известно, стоит во главе всемирной социальной революции. Я прочел то, что писал Уэльс, и меня поразило, как этот англичанин мог так верно понять положение России. Правда, мне хотелось не однажды бросить книгу из-за ее презрения к нашему отечеству. Правительство — честные люди, но наивные. Народ... Что сказать о народе? Но наконец я понял Уэльса и примирился с ним. Дело в том, что всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет, пока, конечно, не свергнет его. Россия свергла царизм. Это верно. Но значит ли это, что она шагнула так, что опередила всю Европу и стала во главе социальной революции. По-моему, отнюдь не значит, эти чудеса случаются только на митингах. Россия свергла только царизм, который и то терпела слишком долго.

1921

История сыграла над Россией очень скверную шутку. Россия слишком долго допускала у себя бездарное правительство и подчиналась ему. Это правительство держало страну вне всякой политической самодеятельности. Прежний режим был слеп и не замечал со своей "диктатурой дворянства", что он растит только слепую вражду. Он надеялся на слепое повиновение армии, забывая, что армия происходит из того же народа и что повиновение не всегда бывает слепо. И дошло до того, что армия же его и свергла.

Но что из этого вышло? Лишенный политического смысла народ тотчас же подчинился первому, кто взял палку. Это были коммунисты. Они удовлетворили долго назревавшей вражде и этим овладели настроением народа. А между тем дело было не во вражде. Нужно было как можно скорее ввести жизнь в новое русло. Я писал Вам уже об убийтсве Кокошкина и Шингарева и выразил свой взгляд на это дело. Сколько бы они теперь могли принести пользы. Вот к чему привело раздувание вражды. К сожалению, я видел много подобных же случаев. Самая трудолюбивая часть народа положительно искоренялась. Расскажу несколько бытовых случаев.

Позапрошлый год на Пасхе ко мне в городском саду подошел молодой еще человек и попросил позволения переговорить со мною. Тогда он рассказал, что с его братом случилась маленькая ошибка. Оказалось, что он участвовал в звер-

ском убийстве одного человека с целью ограбления... – Какая же это ошибка, – спросил я. – ”Человек темный, – ответил он, необразованный... Я этого не сделаю, вы не сделаете, но человек темный сделает”...

Я наотрез отказался ходатайствовать за человека, сделавшего ”маленькую ошибку” в виде убийства с целью ограбления, посоветовав обратиться к правозащитнику. Я был уверен, что ничего трагического с ним не случится, что и действительно оправдалось. Он теперь наверное где-нибудь совершает такие же маленькие ошибки.

В 1918 году (Описка, надо 1919, см. с. 180. – Ред.) в апреле месяце ко мне пришла женщина с хутора Голтва, Байрацкой волости, Полтавского уезда и рассказала следующую историю. Невдалеке от их хутора живут два красноармейца – Гудзь и Кравченко. Они арестовали целую группу лиц, в том числе между прочим и Захария Кучеренко. При обыске у Кучеренко нащупали 500 р. бумажками и 35 рублей серебром. Они вывели арестованных из хутора, но потом решили отпустить остальных, оставив только Кучеренко. Затем он пропал без вести... Вскоре его нашли убитым в болоте.

До глубины души возмущенный этим делом, я отправился в Ч. К. к одному из видных ее деятелей и сказал, что среди их агентов есть разбойники. Он отнесся к этому сообщению довольно

холодно. Положим, он сообщил на место посредством телефонограммы, чтобы одного из них арестовать, но ему ответили, что он ушел на фронт. Об аресте другого не было и речи. Я сомневался, чтобы и другой отсутствовал. Но мне пришлось этим удовлетвориться. И действительно, Гудзь, так звали убийцу, оказался не на фронте, а на месте и жестоко избил жаловавшуюся вдову...

Это доказывает, как снисходительно тогдашняя Ч. К. относилась к убийцам, может, потому, что это предполагаемые кулаки. Эта бедная вдова явлиась ко мне еще раз или два. Между прочим, она приходила ко мне с рассказом, что разыскивая мужа, она наткнулась на целую партию оружия и пришла посоветоваться, донести ли об этом большевистским властям. Видя, как тогдашняя Ч. К. относится к бандитам (один полицейский рассказывал мне, что некоторые чекисты предупреждали убийц), я по совести не мог поручиться за ее безопасность , и теперь я уверен, что все это оружие в лагере бандитов, с которыми Красной армии приходится воевать. Что же касается до бедной женщины, то я почти уверен, что она убита. С тех пор она ко мне не являлась.

Вообще я видел тогда, что бандитами считались состоятельные люди, и я всегда этому удивлялся. Состоятельные люди прежде всего подвергаются нападениям бандитов и являются их естественными врагами. Между тем они-то и счи-

тались первыми бандитами. Нужно было внушить, что богачи и есть прежде всего бандиты. Все как будто столкнулось так, чтобы породить голод: самые трудоспособные элементы народа, самые разумные и знающие сельское хозяйство преследовались и убивались. Я знаю случай, когда один человек был казнен Ч. К. только за то, что поехал в Германию и изучал там сельское хозяйство по предложению местного сельскохозяйственного общества. Я хлопотал о нем, но это не помогло, мне ответили, что он уже расстрелян. "О, это у них деятель, изучал сельское хозяйство в Германии". Звали его Шкурпиев. У меня отмечено, что у этого Шкурпиева земли 15 десятин на троих. О, как бы теперь нам нужно людей, знающих сельское хозяйство.

Я мог бы перечислить таких случаев сколько угодно. Состоятельных людей или казнили или убивали. Мой вывод, к которому я пришел с несомненностью: настоящий голод не стихийный. Он порождение излишней торопливости: нарушен естественный порядок труда, вызваны вперед худшие элементы, самые нетрудоспособные, и им дан перевес, а самые трудоспособные подавлены. Теперь продолжается то же, если это не прекратится, можно ждать голода и на будущий год и дальше.

Нужно отказаться от так называемого раскулачивания. Я знаю такую историю. В одной из близлежащих волостей была семья очень трудо-

способная, у нее было сорок десятин. Комнезаможи (Комитеты бедноты на Украине. Ред.) половину отобрали, оставили только 20 десятин на большую семью. Но все-таки семья опять справилась лучше других и живет зажиточнее. Тогда им оставили только 12 десятин. Семья живет все-таки лучше других. Тогда комнезаможи не знают, что делать с этими "кулаками", и решили наконец... выгнать их совсем из села. Осуществлено ли это или нет, я не знаю, история свежая. Скажите, что же это такое, если не предположить, что тут преследуется окончательное обнищание России. Всех под одно.

В Константиноградском уезде была зажиточная семья, по мере того как семья росла, понемногу приобреталась и земля, приобретались и машины. Теперь машины эти разобраны и, главное, по разным хозяйствам: одна часть машины досталась в одно хозяйство, другая – в другое. Получилось только одно разорение, а не уравнение. И это случилось не однажды.

От этой системы раскулачивания надо решительно отказаться. Нужна организация разумного кредита, а для кредита нужна зажиточность, а не равнение. Иначе сказать, нужно отказаться от внезапного коммунизма. Посмотрите, соберите сведения, сколько у нас разумных коммун и вы удивитесь, как их мало. И из-за этой малости вся Россия вынуждена голодать.

Обобщая все сказанное, делаю вывод: наше

правительство погналось за равенством и добилось только голода. Подавили самую трудоспособную часть народа, отняли у нее землю, и теперь земля лежит впусте. Комнезаможи это часть народа, которые никогда не стояли на особенной высоте по благосостоянию, а распоряжаются всем хозяйством коммунисты, т. е. теоретики, ничего не смыслящие в хозяйстве.

Опять повторяю: нужно вернуться к свободе. Многое уже испорчено, но если что может нас вернуть к подобию прежнего благосостояния, то только возвращение к свободе. Прежде всего к свободе торговли. Затем к свободе печати, свободе мнения, не нужно хватать направо и налево (как схватили Ляховича). Нужно объединиться и общими силами постараться выбиться из тупика, в который мы залезли.

Я, как и Уэльс, думаю, что если нынешнее правительство не будет вследствие голода постигнуто каким-нибудь катаклизмом, то ему суждено вывести Россию из нынешнего тупика. Повторяю, всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет: русский народ заслужил своим излишним долготерпением большевиков. Они довели народ на край пропасти. Но мы видели и деникинцев и Врангеля. Они слишком тяготели к помещикам и к царизму. А это еще хуже. Это значило бы ввергнуть страну в маразм. Но обращение к свободе есть условие, без которого я не мыслю даже первых шагов выхода.

Если возможен еще выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе. Я на это уже указывал в своих письмах к Луначарскому. Теперь повторяю.

Вл. Короленко.
9 августа 1921 г.”
АКЛ; Память–2, с. 423–428.

10 августа

Письмо к А. М. Горькому:

Дорогой Алексей Максимович.

Чувствую, что немного запоздал с ”обращением”. Я все хвораю и, кроме того, не мог не написать Вам того, что у меня лежало на душе: голод у нас не *стихийный,* а *искусственный,* и пока мы не избавимся от некоторых наших приемов, мы из него не выйдем. Я, разумеется, этого в обращении не напишу, но мне нужно было написать это кому-нибудь. Я и написал Вам и Комитету.

Теперь очередь за обращением. Но как его сделать, — я еще не знаю. Я, положим, уже его написал, но сам им не доволен. У меня нет свежих данных, а приятели статистики, к которым я написал по этому поводу, — до сих пор не ответили (вероятно, медленность почты, а может быть, и потеря письма). Как бы то ни было, это теперь на очереди, и надеюсь, вскоре пришлю (дня через три). Если не будет свежих данных, пришлю на основании наличного материала.

Слышал, что Вы уезжаете заграницу. Желаю

Вам от души успеха. Сделайте предварительно все, что сможете, для того, чтобы изменить систему. Иначе ничего не выйдет.

А теперь еще раз желаю всяческого успеха. Россия погибает.

Ваш Вл. Короленко.

10-е августа 1921 г.

Простите, что это письмо, за хлопотами, не успел отправить с предыдущим. Исправляю это теперь".

АКЛ; Память–4, с. 399–400.

13 августа

Пишет С. Д. Протопопову: "Здоровье мое довольно плохо, а тут меня выбрали почетным председателем Комитета помощи голодающим. Силы мои уже не прежние, но – делаю, что могу, хотя стараюсь не утомляться. Сегодня у меня совещание статистиков. Мне выпало на долю написать обращение к Европе. Придумали это другие, и я не счел возможным отказаться. Сделаю, что могу, но у меня нет цифровых данных, да, кажется, и нигде их нет. Написал Григорьеву и Пешехонову, но ответов еще не получил. Обратился и к местным статистическим силам. Здесь есть люди очень серьезные, в том числе бывший сотрудник Ник. Фед. Анненского – Аронский и еще Як. К. Имшенецкий, с которыми и предстоит мне сегодня поработать.

Больше не пишу, чтобы не утомиться перед совещанием".

"Вестник литературы", 1921, № 10, с. 15.

18 августа

"Приехавшие из Полтавы сообщают, что местные профсоюзы решили подчернуть свое глубокое уважение к В. Г. Короленко /.../ и постановили поднести ему не менее трех пудов муки и 80 аршин материи с каждого союза. Получив известие об образовании в Москве общественной организации для борьбы с голодом и избрании его почетным председателем Всероссийского комитета, Вл. Гал. заявил, что с этих пор дом его в полном распоряжении общественных сил, желающих объединиться для борьбы с голодом, и что весь глубоко трогательный подарок профсоюзов он передает в фонд помощи голодающим".

"Помощь", М., 16.8.1921, № 1.

19 августа

Пишет В. Н. Золотницкому: "Благодарю Вас за присылку нижегородских газет. /.../ Но сплошь присылать всю официозную коммунистическую печать нет надобности. Я ее одолеть не могу.

Итак, я все хвораю. У меня сильное нервное расстройство. С меня слишком довольно того, что мы испытали здесь, в Полтаве: одно время я не выходил из Ч. К. Мне приходилось сообщать женам о казни их мужей, дочерям о казни их

отцов, а это сильно расстраивает нервы".

Петерб. сборник, с. 135–136; НС, с. 47.

21 августа

Пишет В. Н. Золотницкому: "Вчера я написал Вам, что не могу прочитывать всю официозную, коммунистическую, печать. Но если будет что-нибудь яркое о голоде, то, конечно, буду благодарен за присылку и официальных газет".

НС, с. 48.

26 августа

Из письма В. И. Ленина к И. В. Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП/б/ о ликвидации Всероссийского Комитета помощи голодающим:

"/.../ Предлагаю: сегодня же, в пятницу, 26/8, постановлением ВЦИКа распустить "Кукиш" – мотив: их отказ от работы, их резолюция. *Назначить* для приема денег и ликвидации одного *вечекиста.*

Прокоповича сегодня же арестовать по обвинении в противоправительственной речи (на собрании, где был Рунов) и продержать месяца три, пока обследуем это собрание *тщательно.*

Остальных членов "Кукиша" тотчас же, сегодня же выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, *под надзор.* /.../

Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого "правительственного сооообщения": распущен за нежелание работать.

Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать "кукишей". Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места. Калинин поехал, а кадетам "не вместно". Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев.

Больной зуб будет удален сразу и с большой пользой во всех отношениях.

Не надо колебаться. Советую сегодня же это покончить в Политбюро.

Иностранцы начнут приезжать, надо "очистить" Москву от "кукишей" и *прекратить* их игру (с огнем). Покажите это членам Политбюро".

В. И. Ленин. ПСС, т. 53, с. 141–142.

"Кукиши" — члены Всероссийского Комитета помощи голодающим (по фамилиям Е. Д. Кусковой и Н. М. Кишкина).

Там же, с. 404, прим. 156.

Всероссийский Комитет помощи голодающим ликвидирован 27 августа 1921 г. Правительственное сообщение о роспуске было напечатано в "Правде" 30 августа 1921, № 191.

29 августа

В Одессе вышла однодневная газета "На хлеб" — издание Южного товарищества писателей в пользу голодающих. Под заголовком "Писате-

ли на голоде" напечатаны портреты Л. Н. Толстого и Короленко; в передовой статье, призывающей к помощи голодающим, говорится: "Здесь за нами стоит вся великая традиция русской литературы, венчаемая славными именами Толстого и Короленко".

Напечатана также заметка "Болезнь В. Г. Короленко": "Живущий в Полтаве старый журналист Ф. Греков в письме своем от 15 июля с. г. сообщает, что у В. Г. Короленко значительно притупился слух, и вследствие паралича он утратил способность говорить ясно и понятно для окружающих. И тем не менее Короленко продолжает работать над "Историей моего современника". Из позднейшего письма (от 22 июля) известного толстовца Горбунова-Посадова мы узнали, что В. Г. постепенно лишается возможности владеть руками; он с большим трудом говорит.

Имя "Короленко" – большое и светящееся имя. Взоры и сердца читателей устремлены на хуторок за Полтавой, где борется с тяжелым недугом В. Г. – певец высокой гуманности, поэт русской интеллигентской совести".

31 августа

Последняя запись в дневнике: "Сегодня в № 193 "Коммуниста" напечатана статья "Самоупразднение Комитета общественных деятелей". /.../ Разумеется, весь инцидент рассматривается как "самоупразднение". Комитет обвиняется в

желании играть в политику, а не в желании помогать действительно голодающим. Таким образом, коммунисты еще раз сфальшивили. /.../"

Лето

В статье проф. В. К. Хорошко "О болезни и предпоследних днях жизни В. Г. Короленко" ("Задруга". Памяти Вл. Г. Короленко. М. 1922) на с. 102 купюра после слов: "Другой эпизод из недавнего прошлого..." Очевидно, здесь должен был быть эпизод, о котором сообщается в книге В. А. Мякотина "В. Г. Короленко" (М., "Земля", 1922, с. 44).

"Когда летом 1921 года одно из таких ходатайств не увенчалось успехом //за осужденного к смертной казни//, его постиг первый удар, отнявший у него дар речи".

6 сентября

Письмо В. В. Туцевичу: "Письмо твоей матери с известием о смерти дорого нашего Володи //двоюродного брата Короленко – В. К. Туцевича// застало меня самого больным, и больным тяжело. Видно, приходит и на нас, людей того поколения, час расчета. Я несколько моложе твоего отца, но и досталось мне несколько больше, особенно в последние годы. Создалась такая традиция: что бы ни случилось, – беги к Короленку. А в последнее время случалось разное".

СС, т. 10, с. 590–591.

1921

14 сентября

Письмо А. М. Горькому: "Дорогой Алексей Максимович! Отвечаю на Ваше письмо от 31 августа. Ранее не мог. Я сильно болен. Ранее также обращение к Европе написать не мог, а с тех пор произошло много событий.

Не верится мне, правду сказать, в измену Кишкина. Не такие люди Кускова, Прокопович и Кишкин, чтобы затевать такие штуки. Я получил от Кусковой письмо, из которого видна ее "лояльность". Не думаю, чтобы она хитрила со мною, и вообще вся эта история очень печальная. Я получаю письма с жалобами на них, с обвинениями в "соглашательстве" и с упреками в измене "убеждениям". Думаю, что и это неверно. Они держатся твердо одной линии, какую раз наметили.

Вообще, история эта печальная и много повредит делу помощи голодающим. Мне в ней чувствуется политиканство, и худшее из политиканств, политиканство правительственное.

Я сильно болен, и врачи воспретили мне всякие волнующие мысли. Болезнь затянулась, и вот почему воззвание до сих пор не написано. Врачи угрожают, что если я не поберегусь, то я могу потерять совсем работоспособность. Уже из почерка моего Вы можете это видеть. А я еще считаю, что могу еще приподняться. Поэтому решил немного поберечься...

Вл. Короленко".

АКЛ; Память–4, с. 400.

1921

Письмо Софьи Владимировны Короленко к А. М. Горькому: ”Многоуважаемый Алексей Максимович. Отцу стало хуже, и я кончаю за него письмо к Вам. Его чрезвычайно волнует вопрос о судьбе арестованных членов Общественного Комитета. Обвинения против них выдвинуты очень тяжкие, а отец не может допустить мысли об их виновности. Слишком это не вяжется с характером его переписки с Кусковой. Он очень просит Вас поэтому прислать хотя кратко какие-либо данные по этому делу. В какой стадии это было и что грозит обвиняемым. Приняв на себя звание почетного председателя, отец принял его не как пустую формальность, он не позволял себе таких формальностей никогда. Он дал свое имя Общественному Комитету потому, что по существу разделяет взгляды стоящих во главе на общественную помощь голодающим в данный момент. Поэтому он считает и свое имя задетым всей этой историей, — считает, что не может остаться в стороне.

Поэтому большая личная просьба с его стороны осведомить его о положении дела Общественного Комитета.

С уважением С. Короленко”.

АКЛ; Память—4, с. 401.

28 сентября

Письмо И. И. Горбунову-Посадову по поводу 40-летнего юбилея его литературной деятельнос-

ти: "Искренно уважаемый Иван Иванович. Сегодня Ваши друзья празднуют Ваш сорокалетний юбилей. Позвольте и мне присоединиться к числу Ваших друзей.

Я знаю, что многое разделяет меня от них, но одно нас соединяет — это религиозное отношение к жизни. Я, как и они, чувствую, что эта жизнь бесконечна, что она не нами началась и не нами кончится, что это именно бесконечность. Почувствовать эту бесконечность это значит почувствовать религиозное отношение к жизни.

До сих пор знание и религия были две области от разных категорий, но я верю, что они станут одной. И это именно мне чуется родственным между мной и Вами. Когда-то знание и вера станут одним, сольются в один поток вера и разум. Тогда не будет противоречия неразмуной веры и безверного разума. Я в это верю, я на это надеюсь, я на это уповаю.

И надеюсь в этой вере с Вами встретиться когда-нибудь. Может быть, еще не скоро. Может быть, нужно еще и знанию, и вере пройти много расстояния навстречу друг другу, но когда-нибудь это случится. И тогда вера и разум станут одно. А до тех пор, да здравствует терпимость. Да скроется тьма, да здравствует солнце! Надеюсь, что это объединяет нас всех.

Пожелаю Вам и всем, чтобы скорее наступило это время.

Любящий Вас Вл. Короленко".

ГБЛ, ф. 135, 11.1.79; Память–2, с. 420–

421 (С ошибкой в дате, так же, как и в БК, с. 253).

31 октября

Постановление Совнаркома УССР об утверждении В. Г. Короленко почетным председателем Всеукраинского Комитета содействия ученым.

"Наука на Украине", 1922, № 1, стб. 125.

Октябрь

"М. Горький выехал за границу. В. Г. Короленко разрешено выехать в Наугейм для лечения".

"Печать и революция", М., 1921, книга 3, ноябрь-декабрь, с. 312 (Хроника).

Как известно, Короленко об этом не просил и отказался ехать. (Ред.)

Ноябрь

"В начале ноября отец заболел воспалением легких, которое ему к концу месяца удалось преодолеть. С напряжением всех своих убывающих сил он работал над "Историей моего современника".

СК, с. 358.

4 декабря

Приезд из Москвы В. Н. Григорьева и невропатолога проф. В. К. Хорошко (в "Книге об

отце" и в БК ошибочно указано 12 декабря).

"Мое врачебное посещение В. Г. состоялось 5–8 декабря истекшего года в Полтаве по предложению и командировке нашего наркомздрава Н. А. Семашко, при дружественном и активном содействии товарищества "Задруга" в лице представителя ее правления С. П. Мельгунова. Выехал я из Москвы 1 декабря вместе со старым другом В. Г. – В. Н. Григорьевым, который ехал с ним повидаться. Вместе со мной "Задруга" послала свой последний прижизненный привет В. Г. – только что отпечатанный 3-й том "Истории моего современника".

/…/ Функция речи была так расстроена, что он, будучи в состоянии все слышанное хорошо понимать и на все внутренней речью правильно реагировать, был лишен возможности произнести слово, сказать фразу. В утешение оставалась сохраненной способность письма. Весь разговор с его стороны велся в письменной форме. Он постоянно держал в руках бумагу и карандаш. При этом он, по писательской привычке, чрезвычайно целомудренно относился к тому, что он писал, четко выписывая все буквы, все слова, ставя все знаки препинания и даже в то время, когда смысл фразы уже вполне ясен для читающего слушателя. Почерк – очень отчетливый.

…/…/ Он очень волновался по поводу того, что не успеет закончить этого своего последнего

произведения ("История моего современника" – Ред.) /.../ Характерно, что при небольшом повышении температуры он чувствовал беспокойство, по-видимому, особенно остро и желал обязательно работать: писать и диктовать".

Вас. Х о р о ш к о. О болезни и предпоследних днях жизни В. Г. Короленко. – "Задруга". Памяти В. Г. Короленко. Под редакцией В. А. Мякотина, М., 1922, с. 94, 97, 99.

16 декабря

Последнее ходатайство за арестованного (адресованное председателю Губ. Чрезв. Комиссии).

БК, с. 254.

Середина декабря

Написал последнюю главу IV тома "Истории моего современника".

БК, с. 254.

18 декабря

Рецидив воспаления легких.

БК, с. 254.

"18 декабря у отца вновь началось воспаление легких. Весть о тяжелой болезни Короленко быстро разносилась по городу. Толпы людей стояли вдоль нашей улицы с раннего утра до ночи. Полтавские врачи, фельдшеры и медсестры распределили между собой дневные и ночные

дежурства у постели больного. Извозчики в очередь стояли у нашего дома – они отвозили врачей, ездили за кислородом. Когда извозчик отъезжал от дома с кем-нибудь из врачей, за ним бежали и в тревоге спрашивали о состоянии отца, температуре, пульсе, сознании.

Время было трудное, много нельзя было достать. И десятки, а может быть, и сотни людей тихонько стучали в кухонную дверь и молча передавали сверток с сахаром, то пакетик с ампулами камфары или кофеина, то свежеиспеченную булку. Иногда на пакете надпись: ”На доброе здоровье”, ”Только поправляйтесь”, ”Нашему защитнику”, ”Другу несчастных”... На салазках подвозили к сараю дрова, несли их на себе”.

СК, с. 359.

25 декабря

В 22 часа 30 минут Короленко скончался.

”В ночь на 25 декабря отец терял сознание, бредил, порывался встать и идти. К утру успокоился, узнал всех, улыбался, приласкал нас взглядом, прикосновением руки, благодарил врачей.

Около 17 часов начался отек легких. В 22 часа 30 минут отец перестал дышать. Шестнадцать врачей, собравшихся у его постели, удостоверили смерть Короленко.

Толпа на улице все росла и росла в эту морозную ночь. Люди уже не сдерживали выражения

своего горя и скорби. До самого утра улица оставалась запруженной народом".

СК, с. 359.

"Три дня Полтава прощалась с Короленко. Двери нашего дома стояли настежь с утра до ночи. Не было ни распорядителей, ни почетного караула, никто не направлял движения непрерывного людского потока. Но тишина и порядок не нарушались.

Прощалось с отцом все население Полтавы – от школьников до стариков из инвалидных домов, люди всех званий, профессий, возрастов, положений. По просьбе матери представители власти не вмешивались в руководство похоронами. Вместе с тысячами приходивших к гробу прошли и члены Полтавского исполкома и приехавшие из Харькова представители Совнаркома и Наркомпроса Украины. Просьба матери о том, чтобы не произносилось речей, была исполнена".

СК, с. 359–360.

27 декабря

На утреннем заседании Девятого Всероссийского съезда Советов в Москве председательствующим А. Енукидзе было оглашено сообщение о смерти Короленко:

"Председательствующий. Прежде чем перейти к дальнейшим вопросам, позвольте мне напомнить одно обстоятельство. Многие из вас сегодня,

наверное, уже читали в газетах о смерти писателя Владимира Галактионовича Короленко. Это имя известно достаточно и широким слоям трудящихся. Он принадлежал к лучшей части нашей народнической интеллигенции, которая создала известную полосу в нашем общественном движении и в нашей литературе. Позвольте мне по этому поводу предоставить несколько слов тов. Феликсу Кону.

Феликс Кон. Уважаемые товарищи, умер Короленко. Еще десяток лет назад это известие потрясло бы всю Россию, снизу доверху, как известие о смерти человека, который с ранних лет шел будить темное крестьянское царство и призывать его к жизни. Но волны жизни катятся гораздо быстрее, чем мысль наших крупных людей, и тот, кто будил крестьянина и звал его на борьбу, не успел за движением жизни. Он — глубочайший идеалист, чуткий ко всякой неправде, не сумел под конец жизни пойти в ногу с реальной жизнью и с реальной борьбой. Но для нас дорог Короленко потому, что на всем протяжении его жизни он был всюду, где слышалось горе, где чувствовалась обида. Вспомним первые времена, когда его гнали по всей Сибири в Якутскую область, когда его вначале послали в Западную Сибирь, но за отказ присягнуть царю погнали дальше и дальше, предлагая чуть ли не на каждом этапе присягнуть и освободиться от преследований. Короленко остался верен себе.

Впоследствии он вернулся в Россию. Спустя много лет разразился голод, и Короленко весь отдался работе на голоде. Далее, когда судили мултянских вотяков по делу о жертвоприношении и заведомо ложно осудили, Короленко стал, как он сам объяснил, пытаться голыми руками остановить ту скалу, которая должна была обрушиться на головы обреченных. И ему удалось спасти их и показать перед всей Россией, что это только административная репрессия. Я не стану описывать здесь многострадальной жизни Короленко, признанного в свое время совестью русского народа.

Я только напомню вам один эпизод, который для нас очень дорог. Я вам напомню ту оргию, которая разразилась после февральских дней против большевиков, – ту оргию всяких Алексинских, Бурцевых и пр., когда они пытались смешать с грязью лучших наших вождей. Я напомню вам, как Бурцев с целым рядом гнусных статей выступил тогда против т. Раковского, – и Короленко в открытом письме заявил: "Я сажусь с Раковским рядом на скамью подсудимых. Я его знаю, прочь грязные руки от Раковского".

Вот чем велик Короленко. У него всегда хватало гражданского мужества бросать правду в глаза и отстаивать свою правду, как он ее понимал. Товарищи, я думаю, что наш съезд должен почтить этого погибшего борца и поборника

правды, верного себе до конца жизни. Я предлагаю почтить его память вставанием. (Все встают.)"

Девятый Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М. 1922, с. 223.
Ср. "Известия", 29.12.1921, № 294.

ВЦИКом послана в Полтаву на имя председателя УЦИКа тов. Петровского следующая телеграмма:

"Президиум ВЦИК просит вас передать семье покойного В. Г. Короленко, от имени Всероссийского съезда Советов, что все сознательные рабочие и крестьяне с глубокой скорбью узнали о кончине благородного друга и защитника всех угнетенных – Владимира Короленко.

Советская власть примет все меры к широчайшему распространению произведений покойного среди трудящихся Республики.

Председатель ВЦИК М. Калинин
Секретарь ВЦИК А. Енукидзе."

"Известия", 1.1.1922, № 1.

28 декабря

Гражданские похороны в Полтаве.

БК, с. 254.

Из письма А. В. Пешехонова к А. Г. Горнфельду от 30 декабря 1921 г.:

"Только что вернулся с похорон В. Г. Положе-

ние его, как вы знаете, давно уже было безнадежное. Он неуклонно "отходил" из здешнего мира. И вот "отошел"... /.../

Похороны были гражданские. Вообще — никаких панихид... Устраивал похороны комитет из профессиональных и рабочих организаций... Красноармейские части были без оружия. Народу на похоронах было бесчисленное множество. Музыку, которая шла впереди около гроба, совсем не было слышно. А с боков и сзади напирали такие массы, что сдерживать приходилось с невероятными усилиями.

Речей — по желанию семьи — на могиле не было...

Гроб — дубовый, без обивки — поставили в цинковый ящик и запаяли оловом. Тут же на кладбище сделали надпись: "В. Короленко". В могиле устроили склеп из кирпичной кладки на цементе. После того, как опустили гроб, выложили свод, и затем уже засыпали землей. Все это делали рабочие организации и, конечно, очень старательно.

Украинский Совнарком в день получения известия о смерти (а мы узнали об этом только 27-го) постановил: а) издать сочинения В. Г. на русском и украинском языке; б) устроить в Полтаве Дом писателей имени В. Г.; в) поставить там же в шестимесячный срок памятник ему; г) Харьковскую (бывш. общественную библиотеку назвать именем В. Г. и ассигновать 200 мил.

рублей на ее пополнение; д) присвоить имя В. Г. училищу слепых в Харькове, и е) пожизненно обеспечить семью В. Г.

Боюсь, что некоторые из этих постановлений, особенно первое и последнее, могут вызвать осложнения и затруднения. Самое лучшее, конечно, было бы, если бы к работе над изданием была привлечена Софья Владимировна, и за сочинения был бы уплачен гонорар. Это лучше всего обеспечило бы семью, и форма была бы для нее приемлема. Еще, конечно, очень важно, чтобы не ставили помех частным изданиям, между прочим, ”Задруге”, которой В. Г. поручил издание своих сочинений”.

ЛДЛ, 1922, № 7, с. 2.

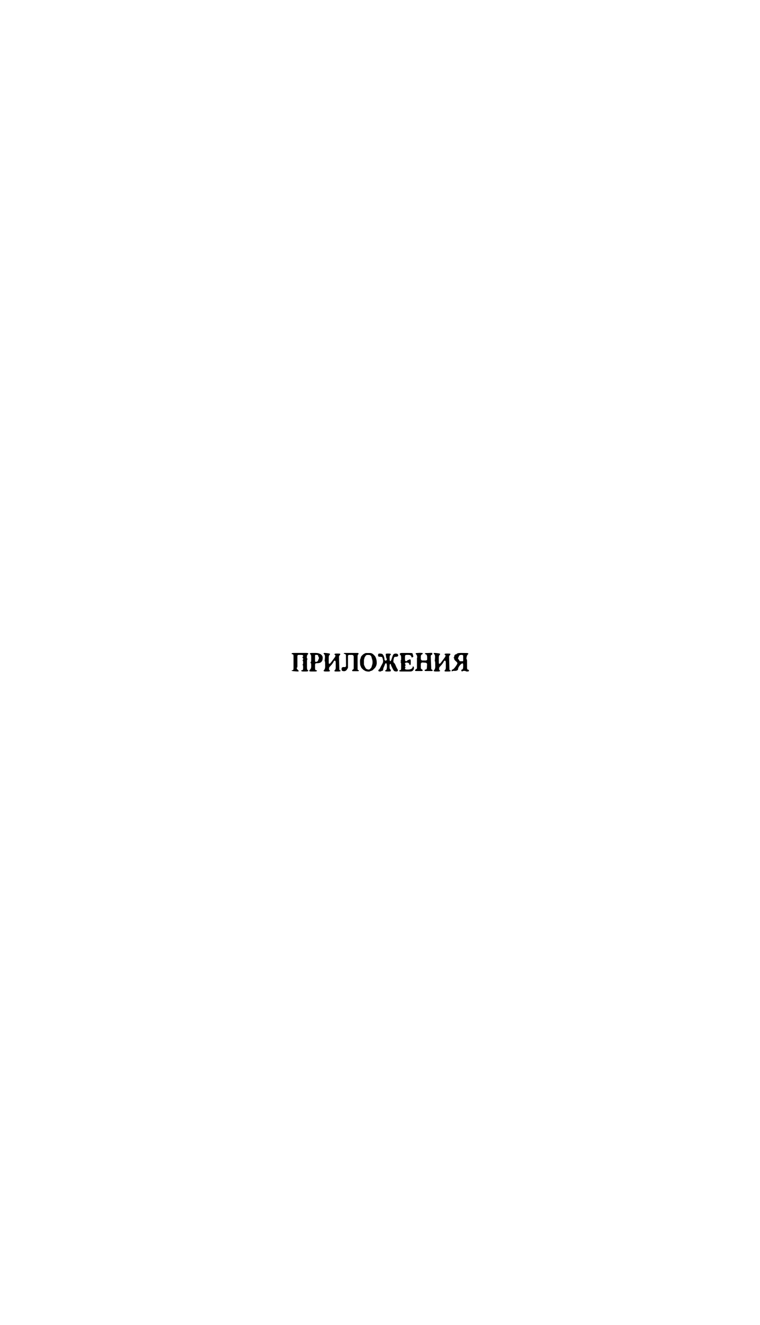
”Когда я думаю о смертном одре Короленка, об его могиле на полтавском кладбище, мне вспоминается вдохновенные строки, в которых он описывал смерть Сократа:

”Теперь он лежал в своей тюрьме, под плащом, спокойный и неподвижный, а над городом нависла печаль, недоумение, стыд... Он опять стал мучителем города, сам уже недоступный мучению... Овод был убит, но мертвый он жалил свой народ еще больнее... Не спи, не спи эту ночь, афинский народ! Не спи, – ты совершил жестокую, неизгладимую неправду!” (”Тени”).

Мы не афиняне, мы не отравили своего мудреца. Мы только выбили из его рук, рук старого

писателя, его единственное оружие, его перо, мы только поднесли ему на закате его жизни горькую чашу ходатайств за смертников. Он умер, — но с нами остались его произведения с вдохновенной защитой свободной мысли и свободного слова, с страстным протестом против ужаса смертной казни. И рассказ об его смерти, как и повесть о его жизни, будет, по его слову, "служить правому делу".

В. А. Мякотин. "Речь на собрании членов "Задруги" в память В. Г. Короленко 10 января 1922 г. "— "Задруга", с. 134.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ РОСТА (Российское телеграфное агентство) Н. А. Лебедеву, данное в Полтаве 26 июня 1919 года.

...Основная ошибка Советской власти – это попытка ввести социализм без свободы. На мой взгляд, социализм придет вместе со свободой или не придет вовсе. Отсюда огромная ошибка – классовая диктатура. Рост социализма я сравниваю с ростом коралловых островов, атоллов, которые подготовляются органически на глубине. Социальная революция подобна моменту появления острова на поверхности. Этот момент должен быть завершением долгой органической работы. Я эти мысли высказывал уже в открытом письме к тов. Луначарскому, напечатанному в газетах. По этому поводу в газете "Вперед" был напечатан ответ, подписанный "Интеллигентом из народа"; я имел возможность прочесть только одну из нескольких статей его ответа. В ней мне сделан упрек, что я не признаю органической подготовкой тех комитетов, которые в таком изобилии всюду насаждаются. Под органической работой я разумею другое – подготовительный органический процесс социализации жизни во всех слоях общества. Комитеты можно открыть и у киргизов, и у калмыков, но это не значит, что калмыков с их полукочевым бытом можно бюрократическим путем привести прямо к социализму. Бюрократизм и есть, по-моему, неизбежная ошибка теперешнего метода действия.

– Каково Ваше мнение о назревающей мировой

– Каково ваше мнение о назревающей мировой революции?

– Я считаю, что расчет на мировую революцию ошибочен. Основная идея Маркса и Энгельса та, что капитализм органически создает свое отрицание. Это отрицание не только негативно, но и положительно. Жизнь выдвигает в процессе долгой борьбы новые факты и новые учреждения. У нас их явно недостаточно. Но и в Европе, в странах с наиболее развитым социализмом, как Германия, где социалистическая партия существует долго и много работала, этих факторов еще слишком мало. Поэтому и сопротивление самого социализма большевистскому спартаковскому движению гораздо сильнее, чем было у нас. За нами следует Венгрия и вообще страны, где социалистические партии менее развиты и менее чувствуют себя ответственными. Всякого рода максимализм сильнее именно в таких странах.

– Теперь меня интересуют некоторые частности. Мне кажется, что даже вы не можете не согласиться с той положительной работой, которая ведется Советской властью.

– Есть два типа администраторов: одни предоставляют простор всему, что закономерно возникает в жизни; другие полагают, что должно существовать только то, что насаждается и произрастает под их непосредственным влиянием. Такие администраторы полагают, что даже растения нужно подтягивать из земли мерами администрации.

Большевизм за все берется сам, поэтому подходит ко второму типу. Закрытие демократических самоуправлений, попытка все сделать декретами и предписаниями без содействия общественных сил вредит даже лучшим начинаниям этого рода, например, в области народного просвещения, где, мне кажется, сделано немало хорошего.

Позволю себе закончить следующим личным впечатлением. Я плохо разбираюсь в оттенках партий, так как не считаю себя активным политиком.

Знаю, что вся жизнь проникнута теперь каким-то озверением. К представителям всех сменяющих друг друга на моих глазах режимов я обращаюсь с призывом к человечности и с выражением уверенности, что знаменем партии, которой суждена победа в настоящей свалке, будет обращение к человеческим приемам борьбы.

Мужество в открытом бою за свои идеи и человечность в отношении к побежденному противнику – такова формула человечной борьбы, если она неизбежна. После гетманского режима с хорошими лозунгами и словами некоторых его представителей наверху и оргиями реакции на местах, после петлюровцев, производивших также много жестокостей, когда к нам пришли большевики, мне казалось, что именно им, несмотря на огромные основные ошибки программы, суждено стать правительством, которое возьмет на себя ответственность за дальнейшее будущее России. Мне казалось, что ошибки, когда минует кровавый туман, заволакивающий настоящее, будут сознаны и наступит время их исправления, для чего нужно будет крайнее напряжение душевной искренности лучших людей партии.

К сожалению, время постепенно разрушало то впечатление спокойной силы, которое получалось в первые моменты после занятия Полтавы. И, признаюсь, теперь мне кажутся уже сомнительными те оптимистические мысли, которые я высказывал много раз своим друзьям, собеседникам и корреспондентам.

Киев с одной стороны, Харьков с другой дают примеры так называемого красного террора. В Полтаве это явление замечается в меньшей степени, но и здесь есть заметные течения этого же рода. И я боюсь, что в

критические моменты оно может сказаться самыми печальными явлениями

Повторяю, считаю проявление красного террора признаком не силы, а слабости и страха. Глубоко убежден, что он приносит страшный вред той стороне, которая его применяет.

Я переписываюсь с тов. Раковским и совершенно откровенно высказываю ему свое мнение по этому поводу.

ГБЛ, ф. 135/1, к. 17, ед. хра. 1007. Автограф карандашом, 2 листа (без вопросов корреспондента). На л. 1 пометка автора: "Интервью, 26 июня 1919 года". Вопросы корреспондента получены А. В. Храбровицким непосредственно у Н. А. Лебедева 27 февраля 1968 г.)

ПИСЬМА К ЛУНАЧАРСКОМУ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Анатолий Васильевич.

Я, конечно, не забыл своего обещания написать обстоятельное письмо, тем более, что это было и мое искреннее желание. Высказать откровенно свои взгляды о важнейших мотивах общественной жизни давно стало для меня, как и для многих искренних писателей, насущнейшей потребностью. Благодаря установившейся ныне "свободе слова", этой потребности нет удовлетворения. Нам, инакомыслящим, приходится писать не статьи, а докладные записки. Мне казалось, что с Вами мне это будет легче. Впечатление от Вашего посещения укрепило во мне это намерение, и я ждал времени, когда я сяду за стол, чтобы обменяться мнениями с товарищем писателем о болящих вопросах современности.

Но вот кошмарный эпизод с расстрелами во время Вашего приезда как будто лег между нами такой преградой, что я не могу говорить ни о чем, пока не разделаюсь с ним. Мне невольно приходится начинать с этого эпизода.

Уже приступая к разговору с Вами (вернее, к ходатайству) перед митингом, я нервничал, смутно чувствуя, что мне придется говорить напрасные слова над только что зарытой могилой. Но — так хотелось поверить, что слова начальника Чрезвычайной Комиссии имеют какое-нибудь основание и пять жизней еще можно спасти. Правда, уже и по общему тону Вашей речи чувствовалось, что даже и Вы считали бы этот кошмар в порядке вещей... но... человеку свойственно надеяться...

И вот, на следующий день, еще до получения Вашей записки, я узнал, что мое смутное предчувствие есть факт: пять бессудных расстрелов, пять трупов легли между моими тогдашними впечатлениями и той минутой, когда я с стесненным сердцем берусь за перо. Только два-три дня назад мы узнали из местных ”Известий” имена жертв. Перед свиданием с Вами я видел родных Аронова и Миркина, и это отблеск личного драматизма на эти безвестные для меня тени. Я привез тогда на митинг, во-первых, копию официального заключения лица, ведающего продовольствием. В нем значилось, что в *деяниях Аронова продовольственные власти не усмотрели нарушения декретов.* Во-вторых, я привез ходатайство мельничных рабочих, доказывающее, что рабочие не считали его грубым эксплоататором и спекулянтом. Таким образом, по вопросу об этих двух жизнях были разные, даже официальные, мнения, требовавшие во всяком случае осторожности и проверки. И действительно, за полторы недели до этого в Чрезвычайную Комиссию поступило предложение Губисполкома, согласно заключению юрисконсульта, *освободить* Аронова или передать его дело в Революционный трибунал.

Вместо этого он расстрелян в административном порядке.

Вы знаете, что в течение своей литературной жизни я ”сеял не одни розы”.[1] При царской власти я много писал о смертной казни и даже отвоевал себе право говорить о ней печатно много больше, чем это вообще было дозволено цензурой. Порой мне удавалось даже спасать уже обреченные жертвы военных судов, и были случаи, когда после приостановления казни получались доказательства невинности, и жертвы освобождались (напр., в деле Юсупова), хотя бывало, что эти доказательства

[1] Выражение Ваше в одной из статей обо мне.

приходили слишком поздно (в деле Глускера и др.).

Но казни без суда, казни в административном порядке – это бывало величайшей редкостью даже и тогда. Я помню только один случай, когда озверевший Скалон (варшавский генерал-губернатор) расстрелял без суда двух юношей. Но это возбудило такое негодование даже в военно-судных сферах, что только "одобрение" после факта неумного царя спасло Скалона от предания суду. Даже члены главного военного суда уверяли меня, что повторение этого более невозможно.

Много и в то время, и после этого творилось невероятных безобразий, но прямого признания, что позволительно соединять в одно следственную власть и власть, постановляющую приговоры (к смертной казни), даже тогда не бывало. Деятельность большевистских чрезвычайных следственных комиссий представляет пример – может быть, единственный в истории культурных народов. Однажды один из видных членов Всеукраинской ЧК, встретив меня в Полтавской Чрезв. Ком., куда я часто приходил и тогда с разными ходатайствами, спросил меня о моих впечатлениях. Я ответил: если бы при царской власти окружные жандармские управления получили право не только ссылать в Сибирь, но и казнить смертью, то это было бы то самое, что мы видим теперь.

На это мой собеседник ответил:

– Но ведь это для блага народа.

Я думаю, что не всякие средства могут действительно обращаться на благо народа, и для меня несомненно, что административные расстрелы, возведенные в систему и продолжающиеся уже второй год, не принадлежат к их числу. Однажды, в прошлом году, мне пришлось описать в письме к Христ. Георг. Раковскому один эпизод, когда на улице чекисты расстреляли несколько так называемых "контрреволюционеров". Их уже вели темной ночью на кладбище, где тогда ставили расстреливаемых

над открытой могилой и расстреливали в затылок без дальних церемоний. Может быть, они, действительно, пытались бежать (не мудрено), и их пристрелили тут же на улице из ручных пулеметов. Как бы то ни было, народ, съезжавшийся утром на базар, видел еще лужи крови, которую лизали собаки и слушал в толпе рассказы окрестных жителей о ночном происшествии. Я тогда спрашивал у Х. Г. Раковского: считает ли он, что эти несколько человек, будь они даже деятельнейшие агитаторы, могли бы рассказать этой толпе что-нибудь более яркое и более возбуждающее, чем эта картина? Должен сказать, что тогда и местный Губисполком, и центральная Киевская власть немедленно прекращали (два раза) попытки таких коллективных расстрелов и потребовали передачи дела Революционному Трибуналу. Суд одного из обреченных Чрезвычайной Комиссией к расстрелу оправдал, и этот приговор был встречен рукоплесканиями всей публики. Аплодировали даже часовые красноармейцы, отложив ружья. После, когда пришли деникинцы, они вытащили из общей ямы 16 разлагающихся трупов и положили их напоказ. Впечатление было ужасное, но – к тому времени они сами расстреляли уже без суда несколько человек, и я спрашивал у их приверженцев: думают ли они, что трупы расстрелянных ими, извлеченные из ям, имели бы более привлекательный вид? Да, обоюдное озверение достигло уже крайних пределов, и мне горько думать, что историку придется отметить эту страницу "административной деятельностью" ЧК в истории первой Российской Республики и притом не в XVIII, а в XX столетии.

Не говорите, что революция имеет свои законы. Были, конечно, взрывы страстей революционной толпы, обагрявшей улицы кровью даже в XIX столетии. Но это были вспышки стихийной, а не систематизированной ярости. И они надолго оставались (как расстрел залож-

ников коммунарами) кровавыми маяками, вызывавшими не только лицемерное негодование версальсцев, которые далеко превзошли в жестокости коммунаров, но и самих рабочих и их друзей... Надолго это кидало омрачающую и заглушающую тень и на самое социалистическое движение.

В сообщении по поводу расстрела Аронова и Миркина, появившемся, наконец, 11 и 12 июня в "Известиях", говорится, что они казнены за хлебную спекуляцию. Пусть даже так, хотя все-таки невольно вспоминается, что продовольственные власти не усмотрели нарушения декретов, и это разногласие заслуживало хотя бы судебной проверки. Вообще все это мрачное происшествие напоминает общественный эпизод великой французской революции. Тогда тоже была дороговизна. Объяснялось это также самым близоруким образом – поисками аристократов и спекулянтов, и возбуждало слепую ярость толпы. Конвент "пошел навстречу народному чувству", и головы тогдашних Ароновых и Миркиных летели десятками под ножом гильотины. Ничто, однако, не помогало, дороговизна только росла. Наконец присяжные рабочие первые очнулись от рокового угара. Они обратились к Конвенту с петицией, в которой говорили: "Мы просим хлеба, а вы думаете нас накормить казнями". По мнению Мишле, историка-социалиста, из этого утомления казнями в С. Антуанском предместье взметнулись первые взрывы контрреволюции.

Можно ли думать, что расстрелы в административном порядке могут лучше нормировать цены, чем гильотина?

В сообщении официальной газеты приведены только четыре имени расстрелянных 30 июня, тогда как определенно говорилось о пяти. Из этого встревоженное население делает заключение, что список неполон. Называют еще другие имена... Между тем, если есть что-нибудь, где гласность всего важнее, то это именно в вопросах чело-

веческой жизни. Здесь каждый шаг должен быть освещен. Все имеют право знать, кто лишен жизни, если уж это признано необходимым, за что именно, по чьему приговору. Это самое меньшее, что можно требовать от власти. Теперь население живет под давлением кошмара. Говорят, будто только часть казненных приводится в списке. Доходят до чудовищных слухов, будто даже прежняя процедура еще упрощается до невозможного отсутствия всяких форм, говорят, что теперь можно обходиться даже без допроса подсудимого. Думаю, что это только испуганный бред... Но – как выбить из головы населения мысль, что теперь бредит порой и сама действительность?..

Мне горько думать, что и вы, Анатолий Васильевич, вместо призыва к отрезвлению, напоминания о справедливости, бережного отношения к человеческой жизни, которая стала теперь так дешева, – в своей речи высказали как будто солидарность с этими "административными расстрелами". В передаче местных газет это звучит именно так. От души желаю, чтобы в вашем сердце зазвучали опять отголоски настроения, которое когда-то роднило нас в главных вопросах, когда мы оба считали, что движение к социализму должно опираться на лучшие стороны человеческой природы, предполагая мужество в прямой борьбе и человечность даже к противникам. Пусть зверство и слепая несправедливость остаются целиком на долю прошлого, отжившего, не проникая в будущее...

Вот я теперь высказал все, что камнем лежало на моем сознании, и теперь, думаю, моя мысль освободилась от мрачной завесы, которая мешала мне исполнить свое желание – высказаться об общих вопросах.

До следующего письма.

[19 июня 1920 года.]

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Это второе письмо я начну с конкретного примера. Так мне легче. Я не политик, не экономист. Я только человек, много присматривавшийся к народной жизни и выработавший некоторое чутье к ее явлениям.

В 1893 году я был на всемирной выставке в Чикаго. Приготовления к выставке и сама выставка привлекли в Чикаго массу рабочего люда. После выставки вспыхнули крупные волнения, вызванные наступившей безработицей, и одно время пульмановский городок, невдалеке от Чикаго, и самый город Чикаго оказались во власти восставших рабочих. В предвидении этого тяжелого положения губернатор штата Иллинойс, по фамилии Алтгелдж, человек своеобразный и прямо замечательный по смелости мысли и действий, один из лучших представителей американской демократии, сам стал еще до конца выставки призывать рабочих к тому, чтобы они заранее обдумали свое положение и старались организоваться для взаимопомощи.

И вот однажды на огромной площади, у так называемого "дворца искусств", невдалеке от берега Мичигана, собрался митинг безработных. Он был грандиозен, как все в Америке. Огромная площадь оказалась залитой целым морем людских голов. Число участников, по предварительному подсчету полиции, далеко превысило двести тысяч еще задолго до часа, назначенного для открытия митинга.

Я тоже пошел туда. Картина была своеобразна: над морем людских голов возвышались "платформы", каждая на двух очень высоких колесах, и с каждой платформы к толпе обращался отдельный оратор. Я слышал тут знаменитого Генри Джорджа, проповедывавшего свой "единый налог", который должен был сразу разре-

шить социальный вопрос уничтожением земельной ренты. Социалист Морган, простой кузнец в блузе с засученными рукавами, взывал к силе рабочего класса. Указывая на огромные дома, окружавшие обширную площадь, он говорил: "Вы голодаете, а ведь все это ваше". С третьей платформы щебетала молоденькая мисс, в то время довольно популярная и усиленно рекомендовавшая... справочные конторы как лекарство от безработицы. Был и такой оратор-рабочий, который горячо доказывал, что капитал, организуя производство, служит одновременно интересам рабочих, и что между этими двумя классами – капиталистами и рабочими – должно установиться прочное дружеское сотрудничество.

Ораторы на платформах сменялись, но с каждой говорили люди единомышленные, звучали однородные призывы. В публике все время происходило соответствующее движение: переходя от платформы к платформе, каждый имел возможность ознакомиться со взглядами всех партий. Все это, очевидно, тяготело не к тому, чтобы в результате митинга получилось единое мнение, а лишь к тому, чтобы каждый мог получить разносторонние данные для собственного вывода. Остальное предоставлялось затем агитации каждой партии в отдельности.

Около меня послышался глубокий вздох. Вздыхал человек в поношенном костюме рабочего, может быть, тоже безработный.

– Эх... все это не то, – сказал он, обращаясь ко мне. – Надо было бы им всем сначала сговориться, а сюда придти с одним выводом. Вот тогда был бы толк.

В говорившем мы узнали соотечественника, русского еврея. В компании, с которой я пришел на митинг, был очень интересный человек, тоже русский по происхождению. Но он приехал в Америку ребенком и, хотя понимал по-русски (по семейной традиции), но сам говорил

уже с трудом. Звали его мистер Стон. Он был, помнится, ремесленник, но уже обратил на себя внимание статьями по рабочему вопросу и поэтому с одной стороны играл видную роль в социалистической партии Чикаго, а с другой – губернатор Алтгелдж нашел возможным предложить ему место одного из фабричных инспекторов для официальной охраны интересов фабричных рабочих. В Америке такие парадоксы не редкость.

Я обратился к нему с вопросом:

– А как вы думаете, мистер Стон? Хотели бы вы, чтобы желание нашего соотечественника исполнилось?

– То есть, – спросил мистер Стон, добиваясь более точной формулы, а, может быть, и не разобрав значения слов говорившего.

– То есть, желали бы вы, чтобы во всех этих головах повернулась сразу какая-то логическая машинка, и они, да не одни они, а пожалуй, весь народ обратился бы к вам, социалистам, и сказал бы: "Мы в вашей власти. Устраивайте нашу жизнь".

– Сохрани Бог, – ответил американский социалист решительно.

– Почему же?

– Ни мы, ни эта толпа, ни учреждения Америки еще к этому не готовы. Я – марксист. По нашему мнению, капитализм еще не докончил своего дела. Недавно здесь был Энгельс. Он говорил: "Ваш капитал отлично исполняет свою роль. Все эти дома-монстры отлично послужат будущему обществу. Но роль его еще далеко не закончена". И это правда. Америка могла бы национализировать пока только железнодорожное хозяйство. Оно уже и теперь сосредоточено в руках нескольких миллиардеров. Но уже топливо... Придумать сразу отношения между железнодорожными рабочими и рабочими по топливу – это предмет более сложный, хотя еще возможный. Что же касается до всесторонней организации народного

хозяйства огромной страны на социалистических началах, то эта задача для нашей партии еще не по силам. Например, – отношения между рабочими квалифицированными и черным трудом могли бы повести к огромным столкновениям. Это легко устраивается только на бумаге в "Утопиях". Но мы, марксисты, отлично понимаем, что нам придется иметь дело не с людьми, сразу превратившимися в ангелов, а с миллионами отдельных, скажем, даже здоровых экоизмов, для примирения которых потребуется трудная выработка и душ, и переходных учреждений... Америка дает для этого отличную свободную почву, но пока и только.

После митинга в нашей небольшой компании продолжалось обсуждение этого предмета, и я выяснил себе точку зрения американского социалиста, которую и постараюсь теперь восстановить "своими словами".

Общество не есть организм, но в обществе есть много органического, развивающегося по своим законам. Новые формы назревают в нем так же, как растут на дне океана коралловые рифы. Как известно, такой риф есть сплетение отдельных животных, развивающихся по законам собственной жизни. Сплетаясь, они образуют гряду, которая все растет. То, что можно бы сравнить с социальной революцией, – это тот момент, когда риф поднялся над поверхностью океана. В это время он подвергается свирепым ударам океанских волн, стремящихся снести неожиданное препятствие, с одной стороны. С другой – влияние атмосферы стремится зародить жизнь на этой новой основе. Нужна была долгая органическая работа под водою, чтобы дать для этого устойчивое основание.

Не то же ли в обществе? Нужно много условий, как политическая свобода, просвещение, нужна выработка новых общественных сплетений на прежней почве, нужны растущие перемены в учреждениях и в человеческих

нравах. Словом, нужно то, что один мой близкий знакомый и друг, основатель румынского социализма, истинный марксист Геря-Доброджану, назвал "объективными и субъективными условиями социального переворота".

На мой взгляд, это основа философии Маркса. И вот почему Энгельс в самом конце прошлого столетия говорил, что даже Америка еще не готова для социального переворота.

У Доброджану нашлись возражатели, которые говорят, что, например, Румыния уже готова. Правда, в ней, действительно, нет ни объективных, ни субъективных условий для социализма. Но разве мы не видим, что как раз те страны, где есть наиболее развитые объективные и субъективные условия, как Англия, Франция, Америка, отказываются примкнуть к социальной революции, тогда как, наоборот, Венгрия уже объявила у себя советскую республику?[1] Не передовая в развитии социализма Германия, где социалистические организации развиты более всех стран, а отсталая Россия, которая до Февральской революции не знала совсем легальных социалистических организаций, — выкинула знамя социальной революции. Из этого румынские возражатели Доброджану делали как будто вывод: чем меньше "объективных и субъективных условий в стране", тем она больше готова к социальному перевороту. Эту аргументацию можно назвать чем угодно, но только не марксизмом.

Теперь эти возражатели могут прибавить еще примеры. Приезд делегации английских рабочих закончился горьким письмом к ним Ленина, которое звучит охлаждением и разочарованием. Зато с востока советская республика получает горячие приветствия. Но — следует

---

1 Эта полемика велась в то время, когда в Венгрии существовала, хотя и кратковременная, советская республика.

только вдуматься, что знаменует эта холодность английских рабочих социалистов и приветы фанатического Востока, чтобы представить себе ясно их значение.

На днях я прочитал в одной из советских газет возмущенное возражение турецкому "социалисту" Балиеву, статьи которого по армянскому вопросу отзывают прямыми призывами к армянской резне. Таков этот восточные социализм даже в Европейской Турции. Когда же вы захотите ясно представить себе картинку этих своеобразных восточных митингов на площадях перед мечетями, где странствующие дервиши призывают сидящих на корточках слушателей к священной войне с европейцами и вместе к приветствию русской советской республики, то едва ли вы скажете, что тут речь идет о прогрессе в смысле Маркса и Энгельса... Скорее наоборот: Азия отзывается на то, что чувствует в нас родного, азиатского.

До следующего письма.

11июля 1920 года.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

В моих письмах к вам опять произошел значительный перерыв. Отчасти это случилось потому, что я был нездоров, но только отчасти. Главная же причина в том, что я был занят другим. Опять "конкретные случаи" не оставляли времени для общих вопросов. Вы легко догадываетесь, какие это конкретные случаи. Бессудные расстрелы происходят у нас десятками, и – опять мои запоздалые или безуспешные ходатайства. Вы скажете: вольно

же во время междоусобия проповедовать кротость. Нет, это не то. Я никогда не думал, что мои протесты против смертной казни, начавшиеся с ”Бытового явления” еще при царской власти, когда-нибудь сведутся на скромные протесты против казней бессудных или против детоубийства. Вот мое письмо к председателю нашего губисполкома, товарищу Порайко, из которого вы увидите, какие конкретные случаи отвлекли меня от обсуждения общих вопросов.

”Товарищ Порайко.

Я получил от вас любезный ответ на свое письмо. Очевидно, заботясь о моем душевном спокойствии, вы сообщили, что дело, о котором я писал, ”передано в Харьков”. Благодарю вас за эту любезность по отношению ко мне лично, но я узнал, что 9 человек расстреляны уже накануне,[1] в том числе одна девушка 17 лет и еще двое малолетних. Теперь мне известно, что Чрезвычайная Комиссия ”судит” и других миргородчан, и опять является возможноть бессудных казней. Я называю их ”бессудными” потому, что ни в одной стране в мире роль следственных комиссий не соединяется с правом постановлять приговоры, да еще к смертной казни. Всюду действия следственной комиссии проверяются судом, при участии защиты. Это было даже при царях.

Чтобы не запоздать, как в тот раз, я заранее заявляю свой протест. Насколько мой слабый голос будет в силах, я до последнего дыхания не перестану протестовать против бессудных расстрелов и против детоубийства.

В тот же день (7 июля) вечером мне пришлось послать тому же лицу дополнительное письмо.

”В дополнение к моему утреннему письму спешу сообщить вам важное сведение, которое достоверно узнал

---

[1] Совершенно так же, – замечу для вас, Анатолий Васильевич, – как во время вашего приезда.

только сегодня. После подавления прошлогоднего восстания, когда 14 человек было расстреляно в Миргороде (карательным отрядом), большевистская власть сочла себя удовлетворенной, и на улицах было расклеено объявление *об амнистии по этому делу.* Теперь Губчека опять судит тех же лиц, которые, надеясь на верность слову ответственного правительства, доверились обещанной амнистии. Это обстоятельство известно всем миргородчанам. Хорошо известно оно и одному из видных членов Полтавской Чрезв. Комис., тов. Литвину.

Неужели возможны казни даже при этих обстоятельствах? Это было бы настоящим позором для советской власти".

По такому же поводу мне пришлось еще писать к Христиану Георгиевичу Раковскому и председателю Всеукраинского Центр. Исполнительного Комитета тов. Петровскому. Последнее письмо считаю тоже не лишним привести здесь.

"Многоуважаемый товарищ Петровский.

Я уже обращался по этому делу к тов. Раковскому. Теперь решаюсь обратиться к Вам. Дело это – ходатайство относительно малолетней дочери крестьянки Евдокии Пищалки, приговоренной Полтавской ЧК к расстрелу. Двенадцать человек по этоу делу уже расстреляны.[1] Пищалка пока оставлена до решения ее участи в харьковских центральных учреждениях. Я не могу поверить, чтобы в этих инстанциях могли одобрить расстрел малолетней, в чем уже усомнилась даже здешняя Чрезв. Комиссия. Сестра Пищалки едет к вам с последней надеждой. Неужели возможно, что она вернется без успеха, и эта девочка (ей недавно исполнилось только 17 лет), пережившая уже ужас близкой казни и агонию последних дней ожидания, будет все-таки расстреляна?

---

[1] Кажется, ошибка. В официальной газете приведено 9 фамилий.

Пользуюсь случаем, чтобы сообщить еще следующее: теперь решается судьба людей, привлеченных к делу о прошлогоднем миргородском восстании, *по которому уже была объявлена амнистия.* Говорят, это ошибка Миргородской Чрезв. Комис., которая не имела права объявлять амнистии. Как бы то ни было, она была объявлена, и о ней были расклеены официальные объявления на улицах Миргорода после того, как карательный отряд расстрелял 14 человек. Это было сделано официально, от имени советской власти. Может ли быть, чтобы люди, доверившиеся слову советской власти, были расстреляны в прямое нарушение обещания?"

Тов. Петровский дал телеграмму в Полтаву – не приводить приговора над малолетней в исполнение, и Пищалка, как говорят, отправлена в Харьков. Но так как "отправить в Харьков" – это формула, которая у нас равносильна "отправить на тот свет" (так в справочном бюро отвечают родным о расстрелянных), то в глазах населения судьба Пищалки остается мрачно сомнительной. Также, по-видимому, не казнили до сих пор амнистированных, и они пока содержатся в заключении. Надо заметить, что после амнистии некоторые из них находились даже на советской службе и, по-видимому, в новых проступках не обвиняются.

Как раз на этом месте моего письма мне сообщили, что ко мне пришла какая-то девочка. Я вышел и узнал, что эта девочка и есть Пищалка. Она вернулась из Харькова свободной. Это доставило мне глубокую радость за нее и за ее семью. Но – я не могу радоваться за нашу родину, где могла идти речь о расстреле этого ребенка и где ее уже вывели из арестантских рот вместе с другими, которые назад не вернулись.

Знаю, что наше время доставляет много таких "конкретных случаев", даже более потрясающих и трагических. Но я счел не лишним привести их здесь как фон,

на котором мы с вами ведем теперь обсуждение общих вопросов.[1]

Возвращаюсь к параллели, поставленной в предыдущем письме.

Над Россией ход исторических судеб совершил почти волшебную и очень злую шутку. В миллионах русских голов в каких-нибудь два-три года повернулся внезапно какой-то логический винтик, и от слепого преклонения перед самодержавием, от полного равнодушия к политике, наш народ сразу перешел... к коммунизму, по крайней мере коммунистическому правительству.

Нравы остались прежние, уклад жизни тоже. Уровень просвещения за время войны сильно подняться не мог, однако выводы стали радикально противоположные. От диктатуры дворянства ("совет объединенного дворянства") мы перешли к "диктатуре пролетариата". Вы, партия "большевиков", провозгласили ее, и народ, прямо от самодержавия пришел к вам и сказал: "устраивайте нашу жизнь".

Народ поверил, что вы можете это сделать. Вы не отказались. Вам это казалось легко, и вы непосредственно после политического переворота начали социальную революцию.

Известный Вам английский историк Карлейль говорил, что правительства чаще всего погибают от лжи. Я знаю, теперь такие категории, как истина или ложь, правда или неправда, менее всего в ходу и кажутся "отвлеченностями". На исторические процессы влияет только "игра эгоизмов". Карлейль был убежден и доказывал, что вопросы правды или лжи отражаются в конце концов на самых реальных результатах этой "игры эгоизмов", и я думаю, что он прав. Вашей диктатуре пред-

---

1 После отправки этого письма, в конце августа, освободили по распоряжению из Харькова также амнистированных ранее миргородцев.

шествовала диктатура дворянства. Она покоилась на огромной лжи, долго тяготевшей над Россией. Отчего у нас после крестьянской реформы богатство страны не растет, а идет на убыль, и страна впадает во все растущие голодовки? Дворянская литература отвечала: от мужицкой лени и пьянства. Голодовки растут не от того, что у нас воцарился мертвящий застой, что наша главная сила, земледелие, скована дурными земельными порядками, а исключительно от недостатка опеки над народом лентяев и пьяниц. Мне с товарищами в голодные годы приходилось много бороться в литературе и в собраниях с этой чудовищной ложью. Что у нас пьянства было много, это была правда, но правда только частичная. Основная же сущность крестьянства, как класса, состояла не в пьянстве, а в труде, и притом труде, плохо вознаграждаемом и не дававшем надежды на прочное улучшение положения. Вся политика последних десятилетий царизма была основана на этой лжи. Отсюда всевластие земского начальника и преобладание дворянства во всем гражданском строе и в земстве. Эта вопиющая ложь проникала всю нашу жизнь... Образованное общество пыталось с нею бороться, и в этой "оппозиции" участвовали даже лучшие элементы самого дворянства. Но народные массы верили только царям и помогали им подавлять всякое свободолюбивое движение. У самодержавного строя не было умных людей, которые поняли бы, как эта ложь, поддерживаемая слепой силой, самым реальным образом ведет строй к гибели.

Формула Карлейля, как видите, пригодна, пожалуй, для определения причины гибели самодержавия. Вместо того, чтобы внять истине и остановиться, оно только усиливало ложь, дойдя, наконец, до чудовищной нелепости "самодержавной конституции", т. е. до мечты обманом сохранить сущность абсолютизма в конституционной форме.

И строй рухнул.

Теперь я ставлю вопрос: все ли правда и в вашем строе? Нет ли следов такой же лжи в том, что вы успели внушить народу?

По моему глубокому убеждению, такая ложь есть, и даже странным образом она носит такой же широкий, "классовый" характер. Вы внушили восставшему и возбужденному народу, что так называемая бржуазия ("буржуй") представляет только класс тунеядцев, грабителей, стригущих купоны и – ничего больше.

Правда ли это? Можете ли вы искренне говорить это?

В особенности, можете ли это говорить вы – марксисты?

Вы, Анатолий Васильевич, конечно, отлично еще помните то недавнее время, когда вы, марксисты, вели ожесточенную полемику с народниками. Вы доказывали, что России нообходимо и благодетельно пройти через "стадию капитализма". Что же вы разумели тогда под этой благодетельной стадией? Неужели только тунеядство буржуев и "стрижку купонов"?

Очевидно, вы тогда разумели другое. Капиталистический класс вам тогда представлялся классом, худо ли, хорошо ли *организующим производство.* Несмотря на все его недостатки, вы считали, совершенно согласно с учением Маркса, что такая организация благодетельна для отсталых в промышленном отношении стран, каковы, например, Румыния, Венгрия и... Россия.

Почему же теперь иностранное слово "буржуа" – целое, огромное и сложное понятие, с вашей легкой руки превратилось в глазах нашего темного народа, до тех пор его не знавшего, в упрощенное представление о "буржуе", исключительно тунеядце, грабителе, ничем не занятом, кроме стрижки купонов?

Совершенно также, как ложь дворянской диктатуры,

подменившая классовое значение крестьянства представлением о тунеядце и пьянице, ваша формула подменила роль организатора производства – пускай и плохого организатора – представлением исключительно грабителя. И посмотрите опять, насколько прав Карлейль с своей формулой. Грабительские инстинкты были раздуты у нас войной и потом беспорядками, неизбежными при всякой революции. Бороться с ними необходимо было всякому революционному правительству. К этому же побуждало и чувство правды, которое обязывало вас, марксистов, разъяснять искренно и честно ваше представление о роли капитализма в отсталых странах. Вы этого не сделали. Тактическим соображениям вы пожертвовали долгом перед истиной. Тактически вам было выгодно раздуть народную ненависть к капитализму и натравить народные массы на русский капитализм, как натравливают боевой отряд на крепость. И вы не остановились перед извращением истины. Частичную истину вы выдали за всю истину (ведь и пьянство тоже было). И теперь это принесло плоды. Крепость вами взята и отдана на поток и разграбление. Вы забыли только, что эта крепость – народное достояние, добытое "благодетельным процессом", что в этом аппарате, созданном русским капитализмом, есть многое, подлежащее усовершенствованию, дальнейшему развитию, а не уничтожению. Вы внушили народу, что все это – только плод грабежа, подлежащий разграблению в свою очередь. Говоря это, я имею в виду не одни материальные ценности в виде созданных капитализмом фабрик, заводов, машин, железных дорог, но и те новые процессы и навыки, ту новую социальную структуру, которую вы, марксисты, сами имели в виду, когда доказывали благодетельность "капиталистической стадии".

В 1902 году разыгрались в некоторых местах Полтавской и смежной Харьковской губернии широкие аг-

рарные беспорядки. Крестьяне вдруг кинулись грабить помещичьи экономии и затем, по прибытии властей, покорно становились на колени и также покорно ложились под розги. Когда их, вдобавок, стали судить, то мне пришлось одно время служить посредником между ними и сорганизовавшейся защитой. В это время в моем кабинете в Полтаве крестьяне собирались порой в значительном количестве, и я старался присмотреться к их взглядам на происшедшее. Сами они были о нем не очень высокого мнения. Они называли все движение "грабижкой", и самые благоразумные из них объясняли возникновение этой "грабижки" по-своему: "як дитина не плаче, то мати не баче". Они понимали, что грабеж – не подходящий приступ для каких бы то ни было улучшений, но, доведенные до отчаяния, старались хоть чем-нибудь обратить внимание "благодетеля – царя" на свое положение. Остальное сделала слепая жадность, и движение приняло широкие размеры. Но царское правительство было слепо и глухо. Оно знало только необходимость дальнейшей опеки и "вечность незыблемых основ", и из внезапно грозно прокинувшейся грабижки не сумело сделать вывода. Попытка (довольно разумная) аграрной реформы первой думы была задушена, а побуждения, двигавшие крестьянскими массами во время грабижки, остались до времени революции. Вы, большевики, отлили их в окончательную форму. Своим лозунгом "грабь награбленное" вы сделали то, что деревенская "грабижка", погубившая огромные количества сельскохозяйственного имущества без всякой пользы для вашего коммунизма, перекинулась и в города, где быстро стал разрушаться созданный капиталистическим строем производственный аппарат.

Борьба с этим строем приняла характер какой-то осады неприятельской крепости. Всякое разрушение осаждаемой крепости, всякий пожар в ней, всякое унич-

тожение ее запасов выгодно для осаждающих. И вы тоже считали своими успехами всякое разрушение, наносимое капиталистическому строю, забывая, что истинная победа социальной революции, если бы ей суждено было совершиться, состояла бы не в разрушении капиталистического производственного аппарата, а в овладении им и в его работе на новых началах.

Теперь вы спохватились, но, к сожалению, слишком поздно, когда страна стоит в страшной опасности перед одним забытым вами фронтом. Фронт этот – враждебные силы природы.

До следующего письма.

[4 августа 1920 года.]

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

На этот раз можно, кажется, обойтись без конкретных случаев, и я попытаюсь сразу перейти к общим вопросам, пока события не завладели еще моим настроением.

Начинаю это письмо под впечатлением английской делегации. В нашем местном официозе напчатана или перепечатана откуда-то статья "Наша скорбь", сопровождающая письмо Ленина к английским рабочим. В ней прямо говорится, что наряду с гордостью нашим революционным первенством, русские коммунисты переживают "трагедию одиночества". В письме Ленина звучит, по мнению автора, недоумение по поводу "самой возможности в нашу беспримерную эпоху таких "вождей" рабочих масс, каковы большинство приехавших

в Россию английских делегатов"... "Английские тред-юнионисты, ничему в сущности не научившиеся, к несчастью все еще представляют огромные массы английских рабочих".

Так как вы, партия коммунистов, являетесь только представителями "диктатуры русского пролетариата", то отсюда следует вывод, что наш пролетариат в своей массе шагнул далеко вперед в сравнении с английскими тред-юнионистами, движение которых представляет уже целую историю. В других советских газетах не раз уже повторялось, что вожди старого немецкого социализма, даже такие, как Каутский, являются презренными соглашателями и даже продались "буржуазии".[1]

Отбросив то, что можно объяснить полемической несдержанностью и увлечением, остается все-таки факт: европейский пролетариат за вами не пошел, и его настроение в массе является настроением того американского социалиста Стона, мнение которого я приводил во втором письме. Они думают, что капитализм даже в Европе не завершил своего дела и что его работа еще может быть полезной для будущего. При переходе к этому будущему от настоящего не все подлежит уничтожению и разгрому. Такие вещи, как свобода мысли, собраний, слова и печати для них не простые "буржуазные предрассудки", а необходимое орудие дальнейшего будущего, своего рода палладиум, который человечество добыло путем долгой и небесплодной борьбы и прогресса. Только мы, никогда не знавшие вполне этих свобод и не научившиеся пользоваться ими совместно с народом, объявляем их "буржуазными предрассудками", лишь тормозящими дело справедливости.

Это огромная ваша ошибка, еще и еще раз напоминающая славянофильский миф о нашем "народе-бого-

---

[1] Полтавские "Известия" ("Вісті") 27 июня 1920 г. № 24.

носце" и еще более — нашу национальную сказку о Иванушке, который без науки все науки превзошел и которому все удается без труда, по щучьему велению. Самая легкость, с которой вам удалось повести за собой наши народные массы, указывает не на нашу готовность к социалистическому строю, а, наоборот, на незрелость нашего народа. Механика знает полезное и вредное сопротивление. Вредное мешает работе механизма и подлежит устранению, но без полезного сопротивления механизм будет вращаться впустую, не производя нужной работы. Это именно случилось и у нас. Вы выкинули самые максималистские лозунги, вы воюете во имя социализма, вы побеждаете его именем на полях сражений, но вся эта суета во имя коммунизма нисколько не знаменует его победы.

В Румынии, которая во многом напоминает Россию, мне рассказывали случай, яркий, как нарочно придуманный анекдот, но тем не менее, действительный. Там сохранились еще крупные поместья со всеми признаками нашего старинного боярства. Даже зовутся владельцы боярами, несомненно от славянского слова.

Порой такие бояре, особенно из молодых, склонны к крайним партиям, и многие из них проходили школу социализма Доброджану. Как-то один из таких бояр, путешествуя по Швейцарии, заинтересовался анархизмом и познакомился с ученым садовником-анархистом. Пили брудершафт и так понравились друг другу, что боярин стал звать анархиста в Румынию. У него на родине огромные имения, в том числе много земли под лесом, и он решил часть этого леса обратить в общественный парк. Это соответствовало взглядам анархиста: все имения боярина он охотно превратил бы в общую собственность, и он честно предупредил об этом приятеля. Он предвидит, что румыны, у которых есть такие "бояре", очевидно, представляют молодой народ, не зараженный

еще, как швейцарцы, буржуазными предрассудками, и потому там легче провести анархические идеи. Он предупреждает, что при первых признаках революции он не только не станет защищать частной собственности боярина, но, наоборот, сейчас же предоставит ее народу. Боярин согласился, – может быть, потому, что опасность не казалась ему слишком близкой...

И вот, в одном углу Румынии ученый садовник-анархист на деньги и на земле боярина завел образцовый парк общественного пользования. Вскоре, однако, раскрылись неудобства, истекающие из "молодости народа": на столах, на скамьях, на стенах появились скабрезные надписи, цветы бесцеремонно срывались, ветви на невиданных деревьях обламывались, ретирады превратились в клоаки. Анархист обратился с красноречивым воззванием, в котором объяснил, что парк отдается в распоряжение и под защиту населения: не надо срывать цветов, не надо обламывать ветви, не надо неприличных надписей... Но "молодой народ" ответил на пафос анархиста-теоретика своеобразным юмором: надписи появились уже вырезанными ножами, цветы и деревья уничтожались с ожесточением, ретирады еще более загажены. Тогда садовник пришел к боярину и сказал:

– Я не могу жить в вашей стране. Народ, который не научился, как вести себя в публичных местах, еще слишком далек от анархизма в моем смысле.

Этот случай объясняет суть моей мысли. Не всякое отсутствие навыков буржуазного общества знаменует готовность к социализму. Когда-то наш анархист Бакунин написал: "Нам надо войти в союз со всеми ворами и разбойниками русской земли". Он был теоретик по преимуществу и анархист, отрицавший собственность в теории. Вор отрицает ее практически. Пусть практика сольется с теорией. Нам теперь такое рассуждение кажется великой наивностью: между отрицанием собствен-

ности анархиста-философа, далеко заглянувшего в будущее, и таким же отрицанием простого вора лежит целая бездна. Вору нужно сначала вернуться назад, выработать в себе честное отношение к чужой собственности, то есть то, чему учит "капиталистическая стадия", и уже затем не индивидуально, а вместе со всем народом думать об общественном отрицании собственности.

Вы скажете, что наш народ не похож на тех румын, о каких мне рассказывали. Я знаю: в степени есть разница даже и в самой Румынии. Но – давайте честно и с любовью к истине поговорим о том, что такое теперь представляет наш народ.

Вы допустите, вероятно, что я не менее любого большевика люблю наш народ; допустите и то, что я доказал это всей приходящей к концу жизнью... Но я люблю его не слепо, как среду, удобную для тех или других экспериментов, а таким, каков он есть в действительности. Когда я путешествовал по Америке, например, я с удовольствием думал о том, что у нас невозможны такие суды Линча, какой около того времени разыгрался в одном из южных штатов: негр изнасиловал белую девушку и, чтобы скрыть преступление, убил ее. Население городка устроило суд и сожгло его живым на костре. Корреспонденты описывали шаг за шагом такие подробности: веревки перегорели и несчастный сполз с костра. Толпа предоставила отцу убитой особую честь: он взял негра на свои дюжие руки и опять бросил в костер.

Я думаю, что даже и теперь, во время величайшего озверения, у нас подобное явление невозможно. Славянская натура нашего народа мягче англосаксонской. У нас даже смертная казнь введена только греками вместе с христианством. Но это не мешает мне признать, что в Америке нравственная культура гораздо выше. Случай с негром – явление настолько исключительное, что эта исключительность и вызвала такой зверский суд толпы.

В обычное время, в среднем, молоденькая девушка может безопасно путешествовать по всей стране, охраняемая твердостью общественных нравов. Можно ли то же сказать о наших нравах? У нас такая путешественница может на всяком шагу попасть в сети общей нашей распущенности и развращенности. По натуре, по природным задаткам наш народ не уступает лучшим народам мира, и это заставляет любить его. Но он далеко отстал в воспитании нравственной культуры. У него нет того самоуважения, которое заставляет воздерживаться от известных поступков, даже когда этого никто не узнает. Это надо признать и надо вывести из этого необходимые последствия.

Нам надо пройти еще довольно долгую и суровую школу. Вы говорите о коммунизме. Не говоря о том, что коммунизм есть еще нечтно неоформленное и неопределенное, и вы до сих пор не выяснили, что вы под ним разумеете, – для социального переворота в этом направлении нужны *другие нравы.* Из одного и того же вещества углерода получаются и чудные кристаллы алмаза, и аморфный уголь. Значит, есть какая-то разница во внутреннем строении самих атомов. То же нужно сказать и о человеческих атомах, из которых составляется общество: не всякую форму можно немедленно скристаллизировать из данного общества. Во многих городах Швейцарии уже теперь вы можете безопасно оставить любую вещь на бульваре и, вернувшись, застанете ее на том же месте. А у нас – будем говорить прямо... Точный учет в таком вопросе, конечно, труден, но вы знаете, у нас есть поговрка: не клади плохо, не вводи вора в грех. И вы, вероятно, согласитесь, что на тысячу человек, которые прошли бы мимо какой-нибудь плохо лежащей вещи, в Европе процент соблазнившихся будет гораздо меньше, чем в России. А ведь и такая разница уже имеет огромное значение для кристалла. Прошлую осень я был

в украинской деревне и много разговаривал с крестьянами обо всем происходящем. Когда я рассказал о том, как в Тулузе моя дочь с мужем прожили год на квартире, населенной рабочими, ни разу не запирая на ночь дверей, – это возбудило величайшее удивление.

– А у нас, – грустно сказал на это один хороший и разумный крестьянин, – особенно в нынешнее время, если хлопчик принесет матери чужое, то иная мать его даже похвалит: хорошо, что несешь в дом, а не из дому.

И с тех пор, как вы провозгласили коммунизм, не ослабло, а усилилось в огромной степени.

Маленький, но многозначительный пример: чтобы хоть несколько ослабить недостаток в продовольствии, городское управление Полтавы (еще "буржуазное") поощряло разработку всех свободных участков земли. Таким образом, участки перед домами на улицах оказались засаженными картошкой, морковью и проч... То же и относительно свободных мест в городском саду. Это уже несколько лет стало традицией.

В этот год картофель уродился превосходный, но... его пришлось выкопать всюду задолго до того, как он поспел, потому что по ночам его просто крали. Кто крал – на этот раз не важно. Дело, однако, в том, что одни трудились, другие пользовались. Треть урожая погибла потому, что картофель не дорос, запасов на зиму из остальной части сделать не пришлось, потому что недоспевший картофель гнил. Я видел группу бедных женщин, которые утром стояли и плакали над разоренными ночью грядами. Они работали, сеяли, вскапывали, пололи. А пришли другие, порвали кусты, многое затоптали, вырвали мелочь, которой еще надо было доходить два месяца, и сделали это в какой-нибудь час.

Это пример, указывающий, что такую вещь, как нравственные свойства народа, можно выразить в цифрах. При одном уровне нравственности урожай был бы

такой-то, и городское население до известной степени было бы обеспечено от зимнего голода. У нашего народа "при коммунизме" огромная часть урожая прямо погибла от наших нравов. Еще больший ущерб предстоит от того, что на будущий год многие задумаются обрабатывать пустые места, – никому не охота трудиться для воров... И никакими расстрелами вы с этой стихией не справитесь. Тут нужно нечто другое, и во всяком случае до коммунизма еще далеко.

Я хотел в этом письме обойтись без конкретных случаев. Но я едва закончил это письмо. У нас продолжается прежнее. По временам ночью слышатся выстрелы. Если это в юго-западной стороне, значит, подступают повстанцы, если в юго-восточной стороне кладбища, – значит, кого-нибудь (может быть, многих) расстреливают. Обе стороны соперничают в жестокости. Вся наша Полтавщина похожа на пороховой погреб, и теперь идет уже речь о расстреле заложников, набранных из мест, охваченных повстаньем. Мера, если бы ее применить, бессмысленная, жестокая и только вредная для тех, кто ее применяет. Во время войны, особенно когда я был во Франции, я следил за этим варварским институтом, завещанным нам средними веками, и должен сказать, что даже во время войны действительных расстрелов заложников, кажется, не было. Французы обвиняли в этом немцев, немцы французов. Но кажется, что заложничество только и годилось для взаимных обвинений, а не для действительного употребления. То же нужно сказать и о нас, – молодежи, скрывающейся теперь в лесах, и Махно, насторожившемуся уже поблизости, мало горя, если несколько стариков будут расстреляны. Это только даст им несколько новых приверженцев и окончательно озлобит нейтральное население. Ввиду, может быть, этих соображений, до сих пор расстрелов заложников еще не было. Но достаточно и того, что тюрьмы

ими полны.[1] Сколько горя это вносит в семьи, — это мне ясно видно по тем, кто приходит ко мне в слезах. И сколько работников отнято у этих семей в самый разгар сбора урожая.

А Махно, называющий себя, кстати сказать, анархистом, уже выпустил в местностях, им занятых, свои деньги. Мне говорили, что на них написано два двустишья: "Ой, жінко, веселись, в Махна гроши завелись". И другое: "Хто цих грошей не братиме, того Махно дратиме".

Вообще это фигура колоритная и до известной степени замечательная. Махно — это средний вывод украинского народа (а, может быть, и шире). Ни одна из воюющих сторон без него не обходилась. Вам он помог при взятии Донецкого бассейна. Потом помогал добровольцам, хотя бы пассивно, очистив фронт. При последнем занятии Полтавы махновцы опять помогали вам. А затем советская власть объявила его вне закона. Но он над этим смеется, и этот смех напоминает истинно мефистофельскую гримасу на лице нашей революции.

19 августа 1920 года.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Приходится задуматься о причинах явного разлада между западноевропейскими вожаками социализма и вами, вождями российского коммунизма. Ваша монопольная печать объясняет его тем, что вожди социализ-

---

[1] Увы! После этого о расстрелах заложников сообщалось даже в официальных "Известиях".

ма в Западной Европе продались буржуазии. Но это, простите, такая же пошлость, как и то, когда вас самих обвиняли в подкупности со стороны Германии.

Нет надобности искать низких причин для объяснения факта этого разлада. Он коренится гораздо глубже – в огромной разнице настроений. Дело в том, что вожди европейского социализма в течение уже десятков лет руководили легально массовой борьбой своего пролетариата, давно проникли в эти массы, создали широкую и стройную организацию, добились ее легального признания.

Вы никогда не были в таком положении. Вы только конспирировали и, самое большее, – руководили конспирацией, пытавшейся проникнуть в рабочую среду. Это создает совершенно другое настроение, другую психологию.

Европейские руководители социализма, принимая то или другое решение, рекомендуя его своим последователям, привыкли взвешивать все стороны этого шага. Когда, например, объявлялась стачка, то вождям приходилось обдумывать не только ее агитационное значение, но и всесторонние последствия ее для самой рабочей среды, в том числе данное состояние промышленности. Сможет ли масса выдержать стачку, в состоянии ли капитал уступить без расстройства самого производства, которое отразится опять на тех же рабочих? Одним словом, они принимали ответственность не только за самую борьбу, но и за то, как отразится рекомендуемая ими мера на благосостоянии рабочих. Они привыкли чувствовать взаимную зависимость между капиталом и трудом.

Вы в таком положении никогда не были, потому что, благодаря бессмысленному давлению самодержавия, никогда не выступали легально. Вам лично приходилось тоже рисковать, приходилось сидеть в тюрьмах за то, что во всей Европе уже было признано правом массы и пра-

вом ее вождей, и этот риск тюрьмы, ссылки, каторги заменял для вас в ваших собственных глазах и в глазах рабочих всякую иную ответственность. Если от ошибки в том или другом нашем плане рабочим и их семьям приходилось напрасно голодать и терпеть крайнюю нужду, то и вы получали свою долю страдания в другой форме.

И вот почему вы привыкли звать всегда к самым крайним мерам, к последнему выводу из схемы, к конечному результату. Вот почему вы не могли выработать чутья к жизни, к сложным возможностям самой борьбы, и вот откуда у вас одностороннее представление о капитале, как исключительно о хищнике, без усложняющего представления об его роли в организации производства.

И отсюда же ваше разочарование и горечь по отношению к западноевропейскому социализму.

Рабочие вначале пошли за вами. Еще бы. После идиотского преследования всяких попыток к борьбе с капиталом, вы сразу провозгласили пролетарскую диктатуру. Рабочим это льстило и многое обещало... Они ринулись за вами, т. е. за мечтой немедленного осуществления социализма.

Но действительность остается действительностью. Для рабочей массы тут все-таки не простая схема, не один конечный результат, как для вас, а вопрос непосредственной жизни их и их семей. И рабочая масса прежде всех почувствовала на себе последствия вашей схематичности. Вы победили капитал, и он лежит теперь у ваших ног, изувеченный и разбитый. Вы не заметили только, что он соединен еще с производством такими живыми нитями, что убив его, вы убили также производство. Радуясь своим победам над деникинцами, над Колчаком, над Юденичем и поляками, вы не заметили, что потерпели полное поражение на гораздо более обширном и важном фронте. Это тот фронт, на протяжении

которого на человека со всех сторон наступают враждебные силы природы. Увлеченные односторонним разрушением капиталистического строя, не обращая внимания ни на что другое в преследовании этой своей схемы, вы довели страну до ужасного положения. Когда-то в своей книге "В голодный год" я пытался нарисовать то мрачное состояние, к которому вело самодержавие: огромные области хлебной России голодали, и голодовки усиливались. Теперь гораздо хуже, голодом поражена *вся Россия,* начиная со столиц, где были случаи голодной сметри на улицах. Теперь говорят, что успели наладить питание в Москве и Петербурге (надолго ли и какой ценой?). Но зато голод охватывает пространства, гораздо большие, чем в 1891–92 году в провинции. И главное – вы разрушили то, что было органического в отношениях города и деревни: естественную связь обмена. Вам приходится заменять ее искусственными мерами, "принудительным отчуждением", реквизициями при посредстве карательных отрядов. Когда деревня не получает не только сельскохозяйственных орудий, но за иголку вынуждена платить по 200 рублей и больше, – в это время вы устанавливаете такие твердые цены на хлеб, которые деревне явно невыгодны. Вы обращаетесь в своих газетах к селянам со статьями, в которых доказываете, что деревне выгодно вас поддерживать. Но, устраняя пока вопрос по существу, – вы говорите на разных языках; народ наш еще не привык обобщать явления.

Каждый земледелец видит только, что у него берут то, что он произвел, за вознаграждение, явно не эквивалентное его труду, и делает свой вывод: прячет хлеб в ямы. Вы его находите, реквизируете, проходите по деревням России и Украины "каленым железом", сжигаете целые деревни и радуетесь успехам продовольственной политики. Если прибавить к этому, что многие области в России тоже поражены голодом, что оттуда в

нашу Украину, например, слепо бегут толпы голодных людей, причем отцы семей, курские и рязанские мужики, за неимением скота, сами впрягаются в оглобли и тащат телеги с детьми и скарбом, – то картина выходит более поразительная, чем все, что мне приходилось отмечать в голодном году... И все это не ограничивается местностями, пораженными неурожаем. Уже два месяца назад у нас в Полтаве я видел человека, который уже шестой день "не видел хлеба", пробиваясь кое-как картошкой и овощами... А теперь, вдобавок, идет зима, и к голоду присоединяется холод. За воз дров, привезенных из недалеких лесов, требуют 12 тысяч. Это значит, что огромное большинство жителей, даже сравнительно лучше обеспеченных, как ваши советские служащие, окажутся (за исключением, разве, коммунистов) совершенно беззащитными от холода. В квартирах будет почти то самое, что будет на дворе. На этом фронте вы отдали все городское (а частью и сельское) население на милость и немилость враждебным силам природы, и это одинаково почувствует как разоренный, заподозренный, "неблагонадежный" человек в сюртуке, так и человек в рабочей блузе. Народ нашел уже и формулу, в которой кратко обобщил это положение. Один крестьянин, давно живущий в городе и занимающийся ломовым извозом, сказал мне как-то с горькой и злой улыбкой:

Як був у нас Микола-дурачок,
То хлиб був пятачок,
А як прийшли разумни коммунисти,
То нечего стало людям исти,
Хлиба ни за яки гроши не дистанешь...

Этого не выдумаешь нарочно, это то, что само рождается из воздуха, из непосредственного ощущения, из очевидных фактов.

И вот рабочая среда начинает чувствовать вашу основную ошибку, и в ней являются настроения, которые вы так осуждаете в огромном большинстве западноевропейских социалистов; в ней явно усиливается меньшевизм, то есть социализм, но не максималистского типа. Он не признает немедленного и полного социального переворота, начинающегося с разрушения капитализма, как неприятельской крепости. Он признает, что некоторые достижения буржуазного строя представляют общенародное достояние. Вы боретесь с этим настроением. Когда-то признавалось, что Россией самодержавно правит воля царя. Но едва где-нибудь проявлялась воля этого бедняги-самодержца, не вполне согласная с намерением правившей бюрократии, у последней были тысячи способов привести самодержца к повиновению. Не то же ли с таким же беднягой, нынешним "диктатором"? Как вы узнаете и как вы выражаете его волю? Свободной печати у вас нет, свободы голосования – также. Свободная печать, по-вашему, только буржуазный предрассудок. Между тем отсутствие свободной печати делает вас глухими и слепыми на явления жизни. В ваших официозах царствует внутреннее благополучие, в то время когда люди слепо "бредут врозь" (старое русское выражение) от голоду. Провозглашаются победы коммунизма в украинской деревне, в то время, когда сельская Украина кипит ненавистью и гневом, и чрезвычайки уже подумывают о расстреле деревенских заложников. В городах начался голод, идет грозная зима, а вы заботитесь только о фальсификации мнения пролетариата. Чуть где-нибудь начинает проявляться самостоятельная мысль в среде рабочих, не вполне согласная с направлением вашей политики, коммунисты тотчас же принимают свои меры. Данное правление профессионального союза получает наименование белого или желтого, члены его арестуются, само правление распускается, а затем явля-

ется торжествующая статья в нашем официозе: "Дорогу красному печатнику" или иной красной группе рабочих, которые до тех пор были в меньшинстве. Из суммы таких явлений и слагается то, что вы зовете "диктатурой пролетариата". Теперь и в Полтаве мы видим то же: чрезвычайная комиссия, на этот раз в полном согласии с другими учреждениями, производит сплошные аресты меньшевиков. Все более или менее выдающееся из "неблагонадежной" социалистической оппозиции сидит в тюрьме, для чего многих пришлось оторвать от необходимой текущей работы (без помощи "неблагонадежных" меньшевиков вы все-таки с ней справиться не можете). И таким образом, является новое "торжество коммунизма".[1]

Торжество ли это? Когда-то, еще при самодержавии, в один из периодов попеременного усиления то цензуры, то освобождавшейся своими усилиями печати, в одном юмористическом органе был изображен самодержец, сидящий на штыках. Подпись: "Неудобное положение" или что-то в этом роде. В таком же неудобном положении находится теперь ваша коммунистическая правящая партия. Положение ее в деревне прямо трагическое. То и дело оттуда приносят коммунистов и комиссаров, изувеченных и убитых. Официозы пишут пышные некрологи, и ваша партия утешает себя тем, что это только куркули (деревенские богачи), что не мешает вам выжигать целые деревни сплошь – и богачей, и бедняков одинаково. Но и в городах вы держитесь только военной силой, иначе ваше представительство быстро изменилось бы. Ближайшие ваши союзники, социалисты-меньшевики, сидят в тюрьмах. Мне приходится то и дело наблюдать такие явления. В 1905 году, когда я был здоров и более деятелен, мне приходилось одно время

---

1 Теперь много меньшевиков административно выслано в Грузию.

бороться с нарастающим настроением еврейских погромов, которое, несомненно, имело в виду не одних евреев, но и бастовавших рабочих. В это время наборщики местной типографии, нарушая забастовку, печатали воззвания газеты "Полтавщина" и мои. Это невольно сблизило меня со средой наборщиков. Помню одного: он был, несомненно, левый по направлению и очень горячий по темпераменту. Его выступления навлекли на него внимание жандармских властей, и с началом реакции он был выслан сначала в Вологду, потом в Усть-Сысольск. Фамилия его Навроцкий. Теперь он в Полтаве и... арестован вашей чрезвычайкой за одно из выступлений на собрании печатников.[1] Когда теперь я читаю о "желтых" печатниках Москвы и Петербурга, то мне невольно приходит на мысль, – сколько таких Навроцких, доказавших в борьбе с царской реакцией свою преданность действительному освобождению рабочих, – арестуются коммунистами чрезвычайки под видом "желтых", т. е. "неблагонадежных" социалистов. Одно время шел вопрос даже о расстреле Навроцкого за его речь против новых притеснений свободы мнений в рабочей среде. Чего доброго, – это легко могло случиться, и тогда была бы ярко подчеркнута разница чрезвычаек и прежних жандармских управлений. Последние не имели права расстреливать, – ваши чрезвычайки имеют это право и пользуются им с ужасающей свободой и легкостью.

---

[1] В октябре Навроцкий был выслан по решению ЧК в северные губернии. Мне пришлось писать по этому поводу в Харьков. Мои "докладные записки" по начальству не имели успеха. Теперь Навроцкий свободен, но зато выслан в северные губернии его сын, уже раз, еще в детстве, бывший в ссылке вместе с отцом. Очевидно, "история повторяется".

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

В чем вы разошлись с вождями европейского социализма и начинаете все больше и больше расходиться с собственной рабочей средой? Ответ на этот вопрос я дал выше: он в вашем максимализме.

Логически это положение самое легкое: требуй всего сразу и всех, кто останавливается сразу перед сложностью и порой неисполнимостью задачи, называй непоследовательным, глупым, а порой и изменником делу социализма, соглашателем, колчаковцем, деникинцем, вообще изменником...

Неудобство этого приема состоит в том, что и вы сами не можете осуществить всего сразу. Вы, например, допустили денежную систему. Это, конечно, только "на первое время", пока "наладится новый аппарат обмена", например, общественное снабжение. Но ведь ждать этого долго, и какой-нибудь еще больший максималист, нарисовав последствия денежной системы, которая, действительно, является одной из характернейших черт капиталистического строя, может логически сделать и вам упрек: вы допустили эту черту, значит, принимаете ее последствия, а затем несколько логических ступеней, и вы – колчаковец, деникинец, изменник делу социализма. И не говорите, что это для вас только временный этап: весь вопрос состоит именно в той мере компромисса идеала с действительностью, который "временно" принимают западноевропейские социалисты и вы. Вы, схематики, максималисты, а они ищут меру революционных возможностей. Для вас не оказалось возможным упразднить сразу денежную систему, они видят еще много других невозможностей "сразу".

Логика – одно из могучих средств мысли, но далеко не единственное. Есть еще воображение, дающее возмож-

ность охватывать сложность конкретных явлений. Это свойство необходимо для такого дела, как управление огромной страной. У вас схема совершенно подавила воображение. Вы не представляете себе ясно сложность действительности. Математик рассчитывает, например, во сколько времени ядро, пущенное с такой-то скоростью, прилетит на луну, но уже физик ясно представляет себе всю невозможность задачи, по крайней мере при нынешнем уровне техники. Вы только математики социализма, его логики и схематики. Вы говорите: мы бы уже всего достигли, если бы нам не мешали всемирные буржуи, и если бы вожди европейского социализма, а за ними и большинство рабочих, не изменили: они не делают у себя того, что мы делаем у нас, не разрушают капитализма.

Но прежде всего вы сделали у себя самое легкое дело: уничтожили русского буржуя, неорганизованного, неразумного и слабого. Вам известно, что европейский буржуа гораздо сильнее, а европейский рабочий не такое слепое стадо, чтобы его можно было кинуть в максимализм по первому зову. Он понимает, что разрушить любой аппарат недолго, но изменять его в данном случае приходится на ходу, чтобы не разрушить производства, которым человек только и защищается от вечно враждебной природы. У западноевропейских рабочих более сознания действительности, чем у вас, вождей коммунизма, и оттого они не максималисты. После переписки Сегрю и Ленина – дело ясно: европейская рабочая масса в общем не поддержит вас в максимализме. Она остается нейтральной в пределах компромисса.

У нас в Полтаве тотчас после революции сменилось городское самоуправление. Оно стало демократическим и вмешалось в ход прежнего снабжения. Между прочим, оно основало городской дровяной склад, и когда торговцы слишком вздували цены, городское управление

усиливало свою продажу, и цены падали. Тогда кричали, что и это социализм. Правоверные и приверженцы капитала предпочитают вполне "свободную торговлю", без всякого вмешательства. Вам это показалось бы слишком скромным... Но Полтава была защищена от зимней стужи.

Это, конечно, мелочь, но она ясно намечает мою мысль. Только так можно вмешиваться в снабжение на ходу, не нарушая и не уничтожая его. Затем, по мере опыта, это вмешательство можно усиливать, вводя его во все более широкие области, пока, наконец, общество перейдет к социализму. Это путь медленный, но единственно возможный. Вы же сразу прекратили буржуазные способы доставки предметов первейшей необходимости, и ныне Полтава, центр хлебородной местности, окруженная близкими лесами, стоит перед голодом и перед лицом близкой зимы вполне беззащитная. И так всюду, во всех областях снабжения. Ваши газеты сообщают с торжеством, что в Крыму у Врангеля хлеб продается уже по 150 руб. за фунт. Но у нас (т. е., у вас) в Полтаве, среди житницы России, он стоит 450 руб. за фунт, т. е. втрое дороже. И так же все остальное.

Я уже говорил о том, что в Полтаве создалась традиция: жители обращаются ко мне, как к писателю, который умел порой прорывать цензурные рамки. Прежде ко мне приходили люди, притесняемые царскими властями. Теперь идут родные арестуемых вами. Среди этих последних есть много кожевников. Жизнь берет свое: несмотря на ваш запрет, кожевные кустари то и дело принимаются делать кожи, удовлетворяя таким образом настоятельнейшей потребности в обуви, ввиду зимы. Порой волостные исполкомы дают на это санкцию и понемногу кожа начинает выделываться, пока... не узнают об этом преступлении ваши власти и не прекратят его. Вам надо, чтобы "сразу" производство стало на поч-

ву социалистическую, даже коммунистическую, и вы превращаете компромисс в соглашательство с буржуазными формами производства. Конечно, вы можете сказать, что у вас уже есть кое-где "советкие кожевни", но что значат эти бюрократические затеи в сравнении с огромной, как океан, потребностью. И в результате, посмотрите, в чем ходят ваши же красноармейцы и служащая у вас интеллигенция: красноармейца нередко встретишь в лаптях, а служащую интеллигенцию в кое-как сделанных деревянных сандалиях. Это напоминает классическую древность, но это очень неудобно теперь к зиме. На вопрос, что будет зимой, ответом порой служат только слезы.

Вообще сердце сжимается при мысли о судьбе того слоя русского общества, который принято называть интеллигенцией. Рассмотрите ставки ваших жалований и сравните их с ценами хотя бы на хлеб. Вы увидите, какое тут смешное, вернее трагическое, несоответствие. И все-таки живут... Да, живут, но чем? – продают остатки прежнего имущества: скатерти, платочки, кофты, пальто, пиджаки, брюки. Если перевести это на образный язык, то окажется, что они продают все, заготовленное при прежнем буржуазном строе, который приготовил некоторые излишки. Теперь не хватает необходимого, и это растет, как лавина. Вы убили буржуазную промышленность, ничего не создали взамен, и ваша коммуна является огромным паразитом, питающимся от этого трупа. Все разрушается: дома, отнятые у прежних владельцев и никем не реставрируемые, разваливаются, заборы разбираются на топливо, одним словом, идет общий развал.

Ясно, что дальше так идти не может, и стране грозят неслыханные бедствия. Первой жертвой их явится интеллигенция. Потом городские рабочие. Дольше всех будут держаться хорошо устроившиеся коммунисты и Красная

армия. Но уже и в этой среде среди добросовестных людей заметны признаки обнищания. Лучше всего живется всякого рода грабителям. И это естественно: вы строите все на эгоизме, а сами требуете самоотвержения. Докажите же, что вооруженному человеку выгодно умереть с голоду, воздерживаясь от грабежа человека безоружного.

Я говорил выше об одной характерной мелочи чисто бытового свойства, о грабеже огородов, принявшем такие размеры, что это лишает на будущее время побуждения к труду, не говоря только, какую роль при этом играли красноармейцы. Порой хозяева огородов делали засаду на воров. Когда они застигали при этом людей штатского звания, те конфузились и убегали. Только красноармейцы отвечали просто: что же нам, сидеть голодными, что ли? И продолжали грабить, переходя с данного участка на участок соседа. Теперь еще одна такая же мелочь. Не далее двух недель тому назад из Полтавы уходил на фронт красноармейский полк. Штаб его помещался рядом с моей квартирой, и потому с утра вдоль нашей улицы выстроились ряды солдат. Во дворе дома, где я живу, есть несколько ореховых деревьев. Это привлекло солдат, и в ожидании отправки наш двор переполнился красноармейцами. Трудно описать, что тут происходило. Взлезали на деревья, ломали ветви и, постепенно входя в какое-то торопливое ожесточение, торопясь, как дети, солдаты стали хватать поленья дров, кирпичи, камни и швырять все это на деревья с опасностью попасть в сидящих на деревьях или в окна нашего дома. Несколько раз поленья попадали в рамы, к счастью, не в стекла. Вы ведь знаете, что значит теперь разбить стекло. Пришлось обратиться к начальству. Но и начальство могло прекратить это только на самое короткое время. Через минуту двор опять был полон солдат, и мне едва удалось уговорить, чтобы не кидали поленьев и камней с опасностью побить окна. Все деревья

были оборваны, и только тогда красноармейцы ушли, после торжественной речи командира, в которой говорилось, что Красная армия идет строить новое общество... А я с печалью думал о близком бедствии, когда нужда не в орехах, а в хлебе, топливе, в одежде, обуви заставит этих людей, с опасным простодушием детей, кидающихся теперь на орехи, также кидаться на предметы первой необходимости. Тогда может оказаться, что вместо социализма мы ввели только грубую солдатчину, вроде янычарства.

Мне пришлось уже говорить при личном свидании с Вами о том, какая разница была при занятии Полтавы Красной армией и добровольцами. Последние более трех дней откровенно грабили город "с разрешения начальства". Красноармейцы заняли Полтаву, как дисциплинированная армия, и грабежи, производимые разными бандами, тотчас же прекратились. Только впоследствии, когда вы приступили к бессудным расстрелам, реквизициям квартир (постигавшим нередко и трудовые классы), это впечатление заменялось другим чувством. Вы умеете занимать новые местности лучше добровольцев, но удержать их не умеете, как и они, – закончил я тогда. Теперь же приезжие из Киева рассказывают, что Красной армии было предложено перед выступлением в поход "одеться за счет буржуазии". Если это подтвердится, а известие носит все признаки достоверности, то это будет значить, что опасный симптом уже начинается: вы кончите тем, чем начинали деникинцы. Приезжие говорят, что на этот раз грабеж продолжался более недели, и это, может быть, указывает на начало последнего действия нашей трагедии.

Чувствую, что мои письма надо кончать. Они слишком затянулись и мешают мне отдаться другой работе. К тому же, об этом предмете надо бы сказать гораздо больше и с большим изучением, а для этого у меня нет

ни времени, ни здоровья. Поэтому закончу кратко: вы с легким сердцем приступили к своему схематическому эксперименту в надежде, что это будет только сигналом для всемирной максималистской революции. Вы должны уже сами видеть, что в этом вы ошиблись: после приезда иностранной рабочей делегации, после письма Сегрю и ответа Ленина эта мечта исчезает даже для вашего оптимизма. Вам приходится довольствоваться легкой победой последовательного схематического оптимизма над "соглашателями", но уже ясно, что в общем рабочая Европа не пойдет вашим путем, и Россия, привыкшая подчиняться всякому угнетению, не выработавшая формы для выражения своего истинного мнения, вынуждена идти этим печальным, мрачным путем в полном одиночестве.

Куда? Что представляет собой ваш фантастический коммунизм? Известно, что еще в прошедшем столетии являлись попытки перевести коммунистическую мечту в действительность. Вы знаете, чем они кончились. Роберт Оуэн, фурьеристы, сен-симонисты, кабетисты – таков длинный ряд коммунистических опытов в Европе и в Америке. Все они кончались печальной неудачей, раздорами, трагедиями для инициаторов, вроде трагедии Кабэ. И все эти благородные мечтатели кончали сознанием, что человечество должно переродиться прежде, чем уничтожить собственность и переходить к коммунальным формам жизни (если вообще коммуна осуществима). Социалист историк Ренар говорит, что Кабэ и коммунисты его пошиба прибегали к слишком упрощенному решению вопроса. "Среди предметов, окружающих нас, есть такие, которые могут и должны оставаться в индивидуальном владении, и другие, которые должны перейти в коллективную собственность". Вообще процесс этого распределения, за которое вы взялись с таким легким сердцем, представляет процесс долгой и

трудной подготовки "объективных и субъективных условий", для которого необходимо все напряжение общей самодеятельности и, главное, свободы. Только такая самодеятельность, только свобода всяких опытов могут указать, что выдержит критику практической жизни и что обречено на гибель. "Кабэ, – говорит Ренар, – (и другие утописты, – прибавляю я) – не сумели еще найти принципа, который установил бы эту раздельную линию. Он уделял слишком много места власти и единству. Государство-община, о котором он мечтал, напоминает пансион, где молодым людям обеспечивают здоровую умеренную пищу, где одевают в мундир их ум, как тело, приучают их работать, есть, вставать по звонку. Однообразие этой суровой дисциплины порождает скуку и отвращение. Этот монастырский интернат слишком тесен, чтобы человечество могло в нем двигаться, не разбив его". Вы, вместо монастырского интерната, ввели свой коммунизм в казарму (достаточно вспомнить "милитаризацию труда"). По обыкновению самоуверенно, не долго раздумывая над разграничительной чертой, вы нарушили неприкосновенность и свободу частной жизни, ворвались в жилье ("мой дом – моя крепость", – говорят англичане), стали производить немедленный дележ необходимейших вещей, как интимных проявлений вкуса и интеллекта, наложили руку на частные коллекции картин и книг... Не создав почти ничего, вы разрушили очень многое, иначе сказать, вводя немедленный коммунизм, вы надолго отбили охоту даже от простого социализма, введение которого составляет насущнейшую задачу современности.

Очевидец рассказывал мне следующую бытовую картину: с одного из съездов возвращались уполномоченные волостных комитетов. На этом съезде, по обыкновению, были приняты резолюции в самом коммунистическом духе. Среди крестьян, подписавших эти резолю-

ции, царило угрюмое настроение. Они ехали в свои деревни, а там, как известно, настроение далеко не коммунистическое. В этой компании ехал горячий и, по-видимому, убежденный коммунист, доказывавший преимущество коммунистического строя. Ответом на его горячие тирады было угрюмое молчание. Тогда он решил пробить этот лед и прямо обратился к одному из собеседников, умному, солидному мужику, в упор предложив вопрос: почему вы молчите и что думаете о том, что я говорил вам.

– Ось бачите, – ответил мужик серьезно, – все это, может быть, и правда... да беда в том, что руки у человека так устроены, что ему легче горнуть до себе, а не вид себе (загребать к себе, а не от себя).

Как видите, это как раз то самое, к чему в конце опыта приходят мечтатели утопического коммунизма. Дело, конечно, не в руках, а в душах. Души должны переродиться. А для этого нужно, чтобы сначала перерождались учреждения. А это в свою очередь требует свободы мысли и начинания для творчества новых форм жизни. Силой задерживать эту самодеятельность в обществе и в народе – это преступление, которое совершало наше недавнее павшее правительство. Но есть и другое, пожалуй, не меньшее – это силой навязывать новые формы жизни, удобства которых народ еще не сознал и с которыми не мог еще ознакомиться на творческом опыте. И вы в нем виноваты. Инстинкт вы заменили приказом и ждете, что по вашему приказу изменится природа человека. За это посягательство на свободу самоопределения народа вас ждет расплата.

Социальная справедливость – дело очень важное, и вы справедливо указываете, что без нее нет и полной свободы. Но и без свободы невозможно достигнуть справедливости. Корабль будущего приходится провести между Сциллой рабства и Харибдой несправедливос-

ти, никогда не теряя из виду обеих вместе. Сколько бы вы ни утверждали, что буржуазная свобода является только обманом, закрепощающим рабочий класс, в этом вам не удастся убедить европейских рабочих. Английские рабочие, надеющиеся теперь провести ваши опыты (если бы, конечно, они оказались удачны) через парламент, не могут забыть, что буржуа Гладстон, действовавший под знаменем самодовлеющей свободы, чуть не всю жизнь боролся за расширение их избирательных прав. И всякое политическое преобразование в этом духе вело к возможности борьбы за социальную справедливость, а всякая политическая реакция давала обратные результаты. Политических революций было много, социальной не было еще ни одной. Вы являете первый опыт введения социализма посредством подавления свободы.

Что из этого может выйти? Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы только еще у порога таких бедствий, перед которыми померкнет все то, что мы испытываем теперь. Россия представляет собою колосс, который постепенно слабеет от долгой внутренней лихорадки, от голода и лишений. Антанте не придется, пожалуй, долго воевать с нами, чтобы нас усмирить. Это сделает за нее наша внутренняя разруха. Настанет время, когда изнуренный колосс будет просить помочь ему, не спрашивая об условиях... И условия, конечно, будут тяжелые.

Я кончаю. Где же исход? В прошлом 1919 году ко мне приезжал корреспондент вашего правительственного телеграфного агентства, чтобы предложить мнс несколько вопросов о том, что я думаю о происходящем. Я не люблю таких интервью. Помимо того, что я писатель и мог бы сам формулировать свои мысли, — эти интервью почти всегда бывают неточны. Но опять-таки —

я писатель, т. е. человек, стремящийся к тому, чтобы его мысли стали известны. А вы убили свободную печать. И я согласился отвечать корреспонденту, выразив только сомнение, чтобы мои мысли нашли место в большевистской печати. Он ответил, что за это он не ручается, но агентство разошлет это интервью руководителям советской власти.

Интервью в печати не появилось. Не знаю, было ли оно прислано вам и нашли ли вы время, чтобы с ним ознакомиться. Я тогда говорил в общем то же, что повторяю теперь: вы умеете занимать новые места, но удержать их не умеете, и я чувствую, что вы на Украине потеряли уже почву. События это мое предчувствия оправдали: месяца через полтора вам пришлось оставить Украину под напором деникинцев. Теперь тучи над вашим господством на Украине опять сгущаются...

Тот румынский анархист, о котором я говорил ранее, пришел к заключению, что народ, который до такой степени не умеет себя вести в публичных местах, еще очень далек от идеального строя. Я скажу иначе: народ, который еще не научился владеть аппаратом голосования, который не умеет формулировать преобладающее в нем мнение, который приступает к устройству социальной справедливости через индивидуальные грабежи (ваше: грабь награбленное), который начинает царство справедливости допущением массовых бессудных расстрелов, длящихся уже годы, такой народ еще далек от того, чтобы стать во главе лучших стремлений человечества. Ему нужно еще учиться, а не учить других.

Вы победили добровольцев Деникина, победили Юденича, Колчака, поляков, вероятно, победите и Врангеля. Возможно, что вооруженное вмешательство Антанты тоже окончилось бы вашей победой: оно пробудило бы в народе дух патриотизма, который напрасно старались убить во имя интернационализма, забывая, что идея

отечества до сих пор еще является наибольшим достижением на пути человечества к единству, которое, наверно, будет достигнуто только объединением отечеств. Одним словом, на всех фронтах вы являетесь победителями, не замечая внутреннего недуга, делающего вас бессильными перед фронтом природы...

Вы видите из этого, что я не жду ни вмешательства Антанты, ни победы генералов. Россия стоит в раздумьи перед двумя утопиями: утопией прошлого и утопией будущего, выбирая, в какую утопию ей ринуться. Внешнее вмешательство только затемнило бы опыт, а генералы, вероятно, опять предводительствуют элементами, вздыхающими о прошлом и готовыми в пользу прошлого так же злоупотреблять властью, как и вы в пользу будущего. По мнению многих, положение России теперь таково, что остается надежда только на чудо. В разговоре с корреспондентом, о котором я говорил выше, я закончил призыв к вам, вожакам скороспелого коммунизма, отказаться от эксперимента и самим взять в руки здоровую реакцию, чтобы иметь возможность овладеть ею и обуздать реакцию нездоровую, свирепую и неразумную. Мне говорят, что это значило бы рассчитывать на чудо. Может быть, это и правда. Конечно, для этого понадобилось бы все напряжение честности и добросовестности для того, чтобы признать свою огромную ошибку. Подавить свое самолюбие и свернуть на иную дорогу — на дорогу, которую вы называете соглашательством.

Сознаю, что в таком предположении много наивности. Но я оптимист и художник, а этот путь представляется мне единственным, дающим России достойный выход из настоящего невозможного положения. К тому же давно сказано, что всякий народ заслуживает того правительства, которое имеет. В этом смысле можно сказать, что Россия вас заслужила.. Вы являетесь только настоящим выражением ее прошлого, с рабской покор-

ностью перед самодержавием даже в то время, когда, истощив все творческие силы в крестьянской реформе и еще нескольких, за ней последовавших, оно перешло к слепой реакции и много лет подавляло органический рост страны. В это время народ был на его стороне, а Россия была обречена на гниль и разложение. Нормально, чтобы в стране были представлены все оттенки мысли, даже самые крайние, даже порой неразумные. Живая борьба препятствует гниению и претворяет даже неразумные стремления в своего рода прививку: то, что неразумно и вредно для данного времени, часто сохраняет силу для будущего.

Но под влиянием упорно ретроградного правительства у нас было не то. Общественная мысль прекращалась и насильно подгонялась под ранжир. В земледелии воцарился безнадежный застой, нарастающие слои промышленных рабочих оставались вне возможности борьбы за улучшение своего положения. Дружественная трудящемуся народу интеллигенция загонялась в подполье, в Сибирь, в эмиграцию и вела мечтательно озлобленную жизнь вне открытых связей с родной действительностью. А это в свою очередь извращало интеллигентную мысль, направляя ее на путь схематизма и максимализма.

Затем случайности истории внезапно разрушили эту перегородку между народом, жившим так долго без политической мысли, и интеллигенцией, жившей без народа, то есть без связи с действительностью. И вот, когда перегородка внезапно рухнула, смесь чуждых так долго элементов вышла ядовитой. Произошел взрыв, но не тот плодотворный взрыв, который разрушает только то, что мешало нормальному развитию страны, а глубоко задевший живые ткани общественного организма. И вы явились естественными представителями русского народа с его привычкой к произволу, с его наивными ожиданиями "всего сразу", с отсутствием даже начат-

ков разумной организации и творчества. Не мудрено, что взрыв только разрушал, не созидая.

И вот истинное благотворное чудо состояло в том, чтобы вы, наконец, сознали свое одиночество не только среди европейского социализма, но начавшийся уже уход от вас вашей собственной рабочей среды, не говоря уже о положительной ненависти деревни к вашему коммунизму, — сознались бы и отказались от губительного пути насилия. Но это надо делать честно и полно. Может быть, у вас еще достаточно власти, чтобы повернуть на новый путь. Вы должны прямо признать свои ошибки, которые вы совершили вместе с вашим народом. И главная из них та, что многое в капиталистическом строе вы устранили преждевременно, и что возможная мера социализма может войти только *в свободную страну.*

Правительства погибают от лжи... Может быть, есть еще время вернуться к правде, и я уверен, что народ, слепо следовавший за вами по пути насилия, с радостью просыпающегося сознания пойдет по пути возвращения к свободе. Если не для вас и не для вашего правительства, то это будет благодетельно для страны и для роста в ней социалистического сознания.

Но... возможно ли это для вас? Не поздно ли, если бы вы даже захотели это сделать?

22 сентября 1920 года

Владимир К о р о л е н к о. Письма к Луначарскому. Париж, "Задруга", Заграничный отдел. 1922, с. 11–62.

П. И. Негретов

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В. Г. КОРОЛЕНКО

Проблемы изучения

По сведениям Всесоюзной книжной палаты, опубликованным к 125-летнему юбилею В. Г. Короленко, произведения писателя за годы Советской власти издавались 684 раза тиражом более 36 миллионов экземпляров.[1] Цифры внушительные, но нуждаются в комментариях. Действительно, советские издательства издавали и переиздавали художественные произведения и дореволюционную публицистику Короленко, но из того, что было написано им в последний период жизни, с 1917 по 1921 год, читателям доступна только "История моего современника"

Когда в декабре 1921 г. Короленко умер, его семья получила телеграмму соболезнования от Президиума ВЦИК, подписанную М. И. Калининым, в которой от имени Советской власти давалось обещание принять "все меры к широчайшему распространению произведений покойного среди трудящихся Республики".[2] Это обещание осталось невыполненным.

В 1920-е годы Госиздат Украины предпринял издание Полного посмертного собрания сочинений Короленко. Бедно и неряшливо издававшиеся тома выходили нерегулярно и небольшими тиражами. В 1927 г. А. М. Горь-

кий, получив от Е. С. Короленко, вдовы писателя, один из томов этого издания, писал ей: "А плохо издают книги Владимира Галактионовича, бумага пухлая, не стойкая, брошюровка тоже нехороша".[3] К 1929 году, когда издание было прекращено, успели выпустить только 23 тома, менее половины намеченных к изданию, причем не увидел света XXXII том с публицистикой 1915–1920 годов. С тех пор попытки издать полное собрание сочинений Короленко больше не предпринимались.

Главным вопросом революции Короленко считал земельный вопрос. О бедственном положении крестьян он писал еще в 1892–1893 годах в очерках "В голодный год". Продолжением их должны были стать очерки "Земли, земли!", законченные в октябре 1919 г. Короленко пытался издать их в 1920 г., но по "независящим обстоятельствам" это не удалось.[4] Очерки были напечатаны в журнале "Голос минувшего" после смерти Короленко (1922, № 1–2), но не полностью: из двадцати глав журнал опубликовал шестнадцать. Полностью они были опубликованы за границей, в парижском журнале "Современные записки" (1922–1923, тома 11–14).

Значительное место в литературном наследстве Короленко принадлежит дневникам, которые он вел в течение сорока лет. Перед смертью Короленко говорил своим близким: "Издадите дневники, думаю, много будет в них любопытного".[5] Среди изданных томов посмертного собрания сочинений Короленко находятся четыре тома дневников, последний заканчивается 1903 годом. Два других, пятый и шестой, подготовленные к печати Редакционной комиссией и охватывающие период с 1904 года до конца жизни писателя, до сих пор лежат в его архиве в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и выдаются исследователям только по особому разрешению.[6]

В 1968 году вышла в свет "Книга об отце" С. В. Ко-

роленко, дочери писателя. Книга была встречена читателями с большим интересом, журнал "Новый мир" напечатал восторженную рецензию.[7] Однако серьезная научная критика указала на недостатки книги как со стороны замысла, так и со стороны исполнения.[8]

На судьбе "Книги об отце" стоит остановиться подробнее. В упоминавшемся письме Горького к Е. С. Короленко говорится: "Меня очень обрадовало сообщение Софьи Владимировны о том, что она пишет биографию Владимира Галактионовича. Думается, что она должна сделать это очень хорошо". Ожидания Горького не сбылись: Софья Владимировна биографию отца написать не смогла. Она только составила монтаж из отрывков произведений отца, его писем и дневников. Наибольшую ценность представляют извлечения из тех произведений Короленко, которые никогда не публиковались или были напечатаны только в газетах и журналах. С. В. Короленко закончила свой труд в 1931 г. Умерла она в 1957 г., так и не увидев свою книгу напечатанной.

"Книга об отце" оживила интерес читателей к литературному наследству Короленко, особенно к неопубликованной его части. Когда заходит речь об этой последней, то против ее опубликования выдвигается довод, который давно стал бессмысленным. Характерный пример. В 1974 г. вышла книга Н. А. Лебедева "Внимание: кинематограф!", где автор между прочим рассказывает, как он в 1919 г. в качестве корреспондента РОСТА брал в Полтаве интервью у Короленко. Н. А. Лебедев пишет, что Короленко "не понял революции", стоял "на позициях абстрактного гуманизма" и вел борьбу "на два фронта", поэтому "опубликование подобного интервью в разгар гражданской войны было бессмысленным".[9] Удивительно, как это Н. А. Лебедеву не пришла в голову простая мысль, что со времени окончания гражданской войны прошло более полувека, и теперь

нет оснований скрывать от читателя интервью Короленко 1919 года.

Содержание под спудом произведений Короленко периода революции и гражданской войны приводит к неожиданным результатам. В 1965 г. впервые было опубликовано письмо В. И. Ленина к А. М. Горькому от 15 сентября 1919 г., в котором Ленин подверг резкой критике брошюру Короленко "Война, отечество и человечество".[10] Но эти очерки Короленко не переиздавались с 1917 года и большинству современных читателей не известны; следовательно, остается непонятна и критика Лениным этих очерков.

Отношение Ленина к Короленко вообще остается не изученным. Известно, что Ленин еще в 1907 г. назвал Короленко "прогрессивным писателем",[11] что он ценил его художественные и публицистические произведения, что самое имя ЛЕНИН было выбрано им под впечатлением сибирских рассказов Короленко.[12] Известно также, что в упомянутом выше письме к Горькому Ленин назвал Короленко "жалким мещанином, плененным буржуазными предрассудками". Механически соединить эти факты нельзя, их надо проанализировать, но никто еще не предпринимал такого исследования.

Первым исследователем последних произведений Короленко в советском литературоведении был А. В. Луначарский. Но его критические статьи о Короленко противоречивы и путаны,[13] точка зрения в них меняется в зависимости от политической конъюнктуры.[14]

В 1923 г. Луначарский утверждал, что из шести писем Короленко он получил только первое, второе и четвертое,[15] а в 1926 г. называл первое, третье и, "может быть", шестое или седьмое.[16] В действительности Луначарский получил все шесть писем. "Я знаю, что мои письма дошли все", – писал Короленко С. Д. Протопопову 7 февраля 1921 г.[17] По свидетельству близкой

семье Короленко Л. Л. Кривинской, все письма Короленко к Луначарскому "были доставлены с оказией и вручены его секретарю. Он на них не ответил , и никаких запросов по этому поводу от него ни к самому Владимиру Галактионовичу, ни позже к его семье не поступало".[18]

Инициатором вступления Луначарского в контакт с Короленко был Ленин. Он надеялся, что Луначарскому удастся убедить Короленко прекратить критику Советской власти.[19] Луначарский с поручением Ленина не справился, к тому же дал Короленко неосторожное обещание опубликовать его письма в сопровождении своих ответов. Но уже первое письмо Короленко от 19 июня 1920 г. поставило Луначарского в затруднительное положение. 7 июля он обратился к Ленину за советом, как ответить Короленко, но не получил ответа. Второе письмо Короленко Луначарский также направил Ленину, но ответа снова не последовало.[20]

На протяжении десяти лет (1921–1931) Луначарский шесть раз возвращался к истории своей несостоявшейся переписки с Короленко, каждый раз видоизменяя ее и противореча себе, пока окончательно не запутался. О двух версиях мы уже упоминали, остановимся подробнее на его письме к Н. К. Пиксанову от 30 октября 1930 года. Поскольку письмо это не опубликовано, приведем его полностью.

> "Дорогой Николай Кирьякович,
> издание сборника Ваших статей я вполне одобряю.
> Что касается моей переписки с Короленко, то ее издать никак нельзя. Ибо и переписки-то не было. После получения 1-го письма Короленко я показал и его, и проект моего ответа Владимиру Ильичу, и мы с ним установили дальнейший план".

Из писем Луначарского к Ленину от 7 и 26 июля 1920 года видно, что проекта ответа Луначарский не представлял и никакого обсуждения плана действий Ленин с Луначарским не вел.

> "В первом же ответе я сообщил Короленко (после нескольких возражений и советуя ему прочесть книгу Троцкого о терроре), что я не буду еще отвечать на каждое письмо и подожду, пока мысль его будет мне окончательно ясна и тогда отвечу большим письмом. Но письма стали доходить очень неаккуратно. Об этом я опять писал, просил прислать недостающие, и весь этот инцидент оборвала смерть Владимира Галактионовича".

Итак, согласно словам Луначарского, его переписка с Короленко все-таки состоялась, и он даже высказывал в первом ответе какие-то возражения. Эта версия противоречит его публичным объяснениям 1921 и 1924 гг., в которых он уверял, что "вместо ответа" Владимиру Галактионовичу он ограничился только посылкой ему "блестящей книги т. Троцкого о терроризме".[21] Письмо к Н. К. Пиксанову заканчивается так:

> "Как видите, довольно крупные снаряды, частью, правда, буквально недолетевшие (по почте), которыми стрелял Короленко, не находили ответа с моей стороны. Издавать же письма Короленко без самой резкой отповеди невозможно".[22]

Что же мешало Луначарскому в 1930 году написать эту "резкую отповедь" и опубликовать ее вместе с письмами Короленко?

Копии своих писем Луначарскому Короленко еще в

1920 г. передал для распространения в России и для опубликования за границей.[23] Они широко распространялись в списках, об этом после смерти Короленко упоминалось в печати.[24] Парижское издание этих писем тотчас после выхода в свет лежало на столе у В. И. Ленина, и он его с интересом читал.[25]

При таком положении вещей уклонение Луначарского от ответов воспринималось как поражение. Это его раздражало, и он намекал на "некорректность" Короленко, как будто Владимир Галактионович огласил их интимную переписку. Короленко смотрел на свои письма к Луначарскому как на общественное явление, вызванное отсутствием свободной печати. Инакомыслящим, писал Короленко, приходится теперь писать не статьи, а докладные записки по начальству.[26]

Трудами Е. В. Мокршанской и А. В. Храбровицкого создан полный библиографический указатель публицистики Короленко, который хранится в Центральной справочной библиотеке Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Этот указатель содержит и список публицистических произведений Короленко периода революции и гражданской войны.

Указатель, разумеется, не учитывает неопубликованные произведения, а также письма Короленко этого периода, которые по своему характеру тоже могут быть причислены к публицистическим произведениям. Между тем "Описание писем В. Г. Короленко", составленное В. М. Федоровой (М. 1961), доведено только до конца 1917 г.

Все это создает значительные трудности для изучения послеоктябрьской публицистики писателя. Стоит ли после этого удивляться, что Короленко у нас знают хуже, чем классиков XIX века?

Сильные и слабые стороны мировоззрения писателя

можно постичь только тогда, когда имеешь возможность ознакомиться со всеми произведениями его, без какого-либо изъятия.

П. Негретов
Воркута

ПРИМЕЧАНИЯ

1. "Книжное обозрение", 28.7.1978, № 30, с. 8.

2. "Известия", 1.1.1922, № 1.

3. М. Горький. Собр. соч., т. 30, М., 1955, с. 28–29.

4. Письма В. Г. Короленко к И. П. Белоконскому. 1883–1921 гг., М., "Задруга", 1922, с. 100–101. (Письмо от 28.12.1920).

5. В. Г. Короленко. Полное посмертное собр. соч. т. 1, Харьков, 1922, с. 8.

6. Дневник Короленко за 1905 год опубликован М. Г. Петровой в книге: Революция 1905–1907 годов и литература. М., "Наука", 1978, с. 217–252.

7. Г. Литинский. По завещанию отца. "Новый мир", 1969, № 9, с. 246–249.

8. См. рецензии А. В. Храбровицкого в ж-ле "Дон", 1967, № 3, с. 171–172 и 1969, № 4, с. 177–178.

9. Н. А. Лебедев. Внимание: кинематограф!, М., 1974, с. 29.

10. В. И. Ленин. ПСС, т. 51, М., 1965, с. 47–49.

11. Там же, т. 15, с. 132.

12. Д. И. Ульянов. Воспоминания о Владимире Ильиче. Изд 4-е, М., 1971, с. 125. См. также А. Храбровицкий. В. И. Ленин – читатель сибирских рассказов В. Г. Короленко. "Полярная звезда", Якутск, 1979, № 1, с. 74.

13. На это указывал еще в начале 20-х годов В. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в в брошюре "Великий гуманист", Пб., 1922, с. 4–5.

14. В 1924 и 1929 гг. Луначарский писал о значении идеалов Короленко: "Сейчас, в наше время, когда сердца наши немножко обросли шерстью, когда и молодежь-то наша – волчата, – очень не мешает прислушаться к чудесным и благородным мелодиям, родственным тому будущему, к которому мы стремимся". ("Красная Нива", 1924, № 1, с. 20; см. также вступит. статью Луначарского в кн.: В. Г. К о р о л е н к о. Сочинения. М.–Л., 1929, с. 13). Вспоминая эти слова в 1930 г., Луначарский говорит, что теперь он не решился бы повторить их без некоторых оговорок: "Либералы /.../ цепляются за Запад, за его "свободы", за его истинную "демократию" и так далее. И такое западничество приобретает сейчас характер столь же вредный, сколь он был полезен, когда все эти прелести просвещенной Европы противопоставлялись царским тюрьмам, а Короленко и на этот счет очень сильно зашибает". (Вступит. статья в кн.: В. Г. К о р о л е н к о. Собр. соч., кн. 1, М.–Л., Зиф, 1930, с. xvii). См. также его статью "В зеркале Горького". – "На литературном посту", 1931, № 12, с. 10.

16. *Его же.* Очерки по истории русской литературы. М., 1976, с. 409.

17. "Былое", 1922, № 20, с. 18. 27 июля 1921 Короленко писал А. М. Горькому, что на свои письма к Луначарскому он "не получил ответа и даже простого извещения о получении". См. "Память", вып. 4, М., 1979 – Париж, 1981, с. 399.

18. Письмо Л. Л. Кривинской от 24.4.1969 к автору статьи.

Пересылку писем Короленко с оказией и получение их Луначарским подтверждает хранящаяся в архиве

Короленко его переписка с Б. М. Барнбеймом, доставившим письма из Полтавы в Москву. (ГБЛ, ф. 135, II.1.24; II.18.50).

19. В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962, с. 507–508 (воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича).

20. Литературное наследство, том. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. М., 1971, с. 198–199, 207.

21. А. Луначарский. В. Г. Короленко – "Правда" от 28.12.1921; Его же. Праведник. – "Красная нива" 1924, № 1, с. 18.

22. Личный архив Н. К. Пиксанова.

23. Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. Л. 1924, с. 189. (Письмо от 11.10.1920).

24. Т. Богданович. В. Г. Короленко в последние годы жизни., "Былое", 1922, № 19, с. 216; А. Фомин. Последние годы в Полтаве. В кн.: Короленко. Петербургский сборник под ред. А. Б. Петрищева. Пб., 1922, с. 88; Владимир Беренштам. В. Г. Короленко как общественный деятель и в домашнем кругу. Берлин, 1922, с. 85.

25. "Правда", 24.9.1922, № 215. Иллюстрированное приложение "Тов. Ленин на отдыхе", с. 7.

26. В. Г. Короленко. Письма к Луначарскому. Письмо первое.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адливанкина Р. 276
Акимов, заключенный 182
Александр II 37
Александр III 37, 297
Алексеев Н. А. 162, 176, 197
Алексей Михайлович, царь 344
Алексинский Г. А. 374
Алтгелдж, губернатор в США 390, 392
Альсберг Г. 268, 269, 271
Анисимов С. С. 230
Аннеский Н. Ф. 13, 321, 327, 359
Аптекман О. В. 323
Арденн Н. (Апостолов Н. Н.) 13
Аронов Г. Я. 246, 248, 252, 253, 255, 256, 385, 388
Аронский Н. В. 359
Арсеньев К. К. 111
Артемьев-Лисенко В. К. 323
Афанасьев Н. Е. 41
Ашукин Н. С. 327
Ашукина М. Г. 328
Бабурова, монахиня 195
Бакунин М. А. 290, 291, 407
Балабай М. Д. 63
Балабанов, полтавец 284
Балбачан, полковник 143, 144, 148, 150
Балиев, турецкий социалист 395
Барнбейм Б. М. 444
Барсуков, чекист 164
Батюшков 118, 129
Баян О. А. 337
Бебель А. 71
Бедный Демьян 84
Бейлис М. Т. 263
Белоконский И. П. 11, 30, 33, 168, 178, 207, 208, 230, 286, 288, 300, 301, 329, 330, 442

Беневская С. Я. 288
Беренштам В. В. 11, 175, 250, 259, 262, 266, 267, 279, 280, 293, 316, 317, 318, 319, 334, 349, 444
Блок А. А. 132
Богданович А. И. 321, 327
Богданович Т. А. 95, 302, 317, 331, 348, 444
Бонч-Бруевич В. Д. 134, 135, 208, 246, 444
Бора, сенатор в США 257
Брамсон Л. М. 125
Буня, М. И. 122
Бураго, генерал 169
Бурцев В. Л. 45–47, 374
Валленштейн А. 86, 87
Василец, крестьянин 165
Вельцовская, учительница 272, 273
Вернадская Н. В. 305
Вернадский В. И. 305
Вильгельм II 23
Винниченко В. К. 147
Воблаго, полицейский 197
Воронский А 232
Врангель П. Н. 266, 293, 357, 422, 430
Гайдовский Г. Н. 100
Гальченко, полтавец 226, 227
Гамзей, черносотенец 104
Геккер Н. Д. 133
Генкин Я. 252
Герценштейн М. Я. 104, 218
Геря-Доброджану К. 42, 394, 406
Гизетти А. А. 127
Гладстон У. 429
Глазман, генерал 72
Глускер, кровельщик 386
Гмыря Г. 238
Гогенцоллерн А. 23
Гоголь Н. В. 140
Годына Е. К. 299
Годына М. К. 299
Голиков Д. Л. 271

Гольдман Э. 268, 270
Гончар И. Е. и П. Е. 264
Горбунов-Посадов И. И. 262, 350, 363, 366, 367
Горемыкин И. Л. 66
Горинов В. А. 342
Горнфельд А. Г. 11, 51, 56, 79, 88, 110, 114, 116, 122, 125, 126, 130, 131, 139, 153, 160, 161, 231, 238, 242–244, 254, 273, 274, 280, 282, 290, 297, 298, 303, 319, 327, 331, 375, 444
Горобец, красноармеец 181
Городецкий, цензор 62
Гофман Л. 142
Горький А. М. 31, 40, 50, 69, 76, 84, 111, 125, 126, 155, 209, 241, 289, 290, 305, 314, 315, 316, 322, 326, 338, 341–343, 350, 358, 365, 366, 368, 434, 436, 437, 442, 443
Гребенщиков Г. Д. 114
Греков Ф. К. 336, 363
Григорьев В. Н. 50, 178, 284, 295, 321, 333, 349, 359, 368, 369
Григорьев Г. П. 13
Гриневицкий С. И. 42
Гудзь А. А. 180, 181, 197, 353
Гучков А. И. 52
Давыдов, геодезист 134
Девченко, заключенный 167
Деконский 85
Деникин А. И. 202, 203, 204, 223, 225, 231, 430
Дерман А. Б. 110, 135, 326, 327
Деспот-Зенович А. И. 301
Джордж Г. 390
Дзержинский Ф. Э. 256, 291
Дзюба М. 308
Доброджану А. 53
Доброджану, см. Геря-Доброджану К.
Долгополов А. П. 182
Дробнис Я. Н. 176, 179, 200, 201, 224, 225
Дробышевский А. А. 53
Дудник Е. М. 263

Думбадзе И. А. 87
Дурново, министр 66
Дяченко Л. 57
Евгеньев-Максимов В. Е. 443
Егоров А. И. 189, 199
Егунова А. В. 272
Елпатьевский С. Я. 135
Енукидзе А. С. 372, 375
Жак А. С. 235, 287
Жарновецкий, журналист 187, 188
Жорес Ж 71
Жук И. 235
Журин Н. И. 28
Загаров, пред. жил. комиссии 170, 179, 180
Зайцева, чекистка 315
Засулич В. И. 106
Зелинский К. Л. 260
Зельгейм, публицист 115
Золотницкий В. Н. 286, 320, 341, 360, 361
Ивакин, гимназист 177
Иванов, чекист 247–248, 252, 255, 256, 258
Ивановская П. С. 12, 17, 18, 25, 26, 31, 32, 39, 52, 54, 134, 149, 157, 165, 177, 179, 183, 189, 226, 263, 265, 270, 272, 276, 281, 284
Ивасенко, большевик, 265
Игнатьев, полтавец 262
Идашкин С.И. 350
Ильинский Л. 297
Имшенецкий Я. К. 329, 359
Кабэ 426, 427
Каган В. 300
Калинин М. И. 323, 362, 375, 434
Калмыкова А. М. 125
Кареев Н. И. 106
Карлейль Т. 399, 400, 402
Карпенко В. Т. 204
Катаев В. П. 13, 191
Катков М. Н. 335
Кассиор (Косиор?), помощник Раковского 277, 278

Каутский К. 340
Кауфман А. Е. 294, 311, 336
Кеннан Дж. 30
Керенский А. Ф. 63
Кине Э. 184
Кирик, член ревтрибунала 171
Кишкин Н. М. 362, 365
Книжник-Ветров И. С. 83
Козлов, цензор 109
Козюра 225
Кокошкин Ф. Ф. 87, 104, 344, 352
Колосов Е. Е. 106
Колчак А. В. 414, 430
Комлев А. О. 264
Кон Ф. Я. 373
Кони А. Ф. 92, 120
Кончин Е. В. 156
Корнилов Л. Г. 52, 58
Королев Ф. Н. 335, 336
Короленко В. Ю. 189, 243
Короленко Е. С. 2, 18, 19, 145, 150, 156, 157, 169, 171, 172, 190, 296, 372, 435, 436
Короленко-Ляхович Н. В. 11, 12, 39, 60, 69, 78, 79, 86, 88, 92, 95, 99, 130, 166, 190, 197, 214, 216, 331, 338
Короленко С. В. 14, 27, 32, 109, 118, 132, 149, 151, 190, 217, 248, 280, 314, 318, 366, 377, 435, 436
Кострова Л. В. 114
Котляревский И. П. 63, 214
Коцюба Г. 305
Кравченко А. М. 180, 181, 353
Кремнев А. 118
Крестинский Н. Н 316
Кривинская А. Л. 122, 350
Кривинская М. Л. 318
Кропивницкий М. Л. 110
Кропоткин П. А. 217
Круповецкий Л. 136
Крупская Н. К. 284, 285
Крюков Ф. Д. 135, 273

Кудрявцев В. М. 314
Кузуб, черносотенец 192
Кулиш П. А. 63
Кураев В. В. 316
Кускова Е. Д. 362, 365, 366
Кучеренко З. М. 180, 353
Кучеренко Ф. Е. 180, 181
Кущевский И. А. 243
Лаворский, член ВУЦИК 277
Лацис М. И. 181
Лебедев Н. А. 185, 186, 380, 383, 436, 442
Ленин В. И. 11, 41, 50, 57, 64, 66, 73, 87, 88, 181, 208, 209, 237, 246, 255–257, 271, 316, 326, 333, 334, 361, 362, 394, 404, 421, 426, 435, 437, 440, 442, 444
Лещ, полтавец 253
Либкнехт К. 344
Липовий В. 202
Лисовский М. 116
Литвин, чекист 397
Литвиненко, офицер 149
Литинский Г. 442
Лоос Б. 219
Лопатин Г. А. 106
Лошкарева М. Г. 24, 30
Луначарский А. В. 27, 28, 56, 57, 74, 76, 77, 84, 129, 134, 155, 186, 207, 240, 246–250, 254–256, 257, 259, 261, 264, 268, 269, 281, 282, 297, 312, 322, 326, 328, 335, 340, 346, 349, 358, 380, 384, 389, 396, 401, 433, 437 438, 439, 443, 444
Люксембург Р. 128, 344, 350
Ляхович К. И. 39, 45, 101, 103, 111, 121, 130, 131, 142, 151, 157, 166, 171, 179, 197, 200, 201, 204, 214, 239, 294, 301, 317–319, 323–325, 330, 338, 357
Ляхович Н. Г. 101, 204
Ляхович С. К. 17, 332
Майфет Г. И. 13
Макаренко П. 103, 104
Маклакова-Нелидова Л. Ф. 335

Малий П. 30, 133
Малышева А. С. 42, 215, 251, 332
Малютин И. П. 239, 325
Мамуровский В. А. 156
Маресевич, офицер 144
Марков А. А. 31
Маркс К. 48, 194, 291, 381, 394, 395
Мартов Л. 96
Марченко, студент 181
Маршак С. Я. 216
Маторина Р. П. 117
Махно Н. И. 194, 228, 293, 297, 320, 411, 412
Машенжинов, студент 148, 149
Маяковский В. В. 159
Мельгунов С. П. 178, 182, 225, 230, 271, 272, 369
Менжинский В. Р. 290, 291
Меньшиков М. О. 198
Мирбах В. 121, 122
Миркин С. М. 246, 247, 252, 253, 255, 256, 385, 388
Мирошниченко, офицер 105
Митропан П. А. 13, 107, 132, 135, 146, 152
Михаил, царь 37
Михайловский Н. К. 89, 106
Мишле Ж. 345, 388
Могилевский, полтавец 249
Моисеев А. М. 84, 85
Мокиевский П. В. 320, 329
Мокршанская Е. В. 12, 440
Морган, американский социалист 391
Морозова Т. Г. 13
Муравьев М. А. 86, 87
Муромцев В. А. 56, 163, 164
Мякотин В. А. 12, 106, 115, 135, 160, 209, 216, 271, 272, 284, 285, 287, 290, 291, 330, 370, 378
Мякотина Варвара (сестра Мякотина В. А.) 290, 291
М—в, офицер 200
Навроцкая А. Н. 280
Навроцкий И. В. 265, 419

Наполеон I 52
Науменко В. П. 195
Немирицкий, член Совзадета 172
Немировский, большевик 190, 192
Никитин М. А. 52
Николай II 23, 37, 38, 48, 121
Николаева М. Ф. 51
Нил, иеромонах 196
Овсянико-Куликовский Д. Н. 40, 121, 288
Олеховская М. З. 185
Осинский Н. (Оболенский В. В.) 316
Оуэн Р. 426
Пащенко Т. А. 348
Петлюра С. В. 150, 211, 231
Петр I 37
Петрищев А. Б. 14, 71, 444
Петрова М. Г. 39, 442
Петровский Г. И. 26, 221, 264, 272, 277, 280, 284, 298, 337, 375, 397, 398
Пешехонов А. В. 56, 71, 86, 106, 115, 132, 135, 153, 156, 157, 160, 161, 169, 238, 274, 285, 313, 319, 331, 332, 359, 375
Пигуренко, заложницы 185
Пиксанов Н. К. 438, 439, 444
Пищалка Е. 264, 397, 398
Плевако, заключенный 191
Плеханов Г. В. 63, 64, 71, 111
Подгаевский М. М. 224
Покровский Ф. 127, 289
Порайко В. И. 261, 299, 396
Потресов А. Н. 125, 132
Прокопович С. Н. 361, 365
Протопопов 16
Протопопов С. Д. 11, 29, 45, 63, 71, 127, 153, 228, 236, 242, 258, 263, 274, 276, 282, 289, 298, 305, 312, 313, 315, 334, 342, 359, 437
Проценко, учитель 171
Пятаков Г. Л. 184, 187

Раковский Х. Г. 42, 45, 47, 133, 134, 153, 174, 177, 195, 221, 226, 230, 233, 234, 260, 276, 277, 279, 288, 295, 316, 319, 328, 332, 334, 374, 383, 386, 387, 397
Распутин Г. Е. 37
Рейснер М. А. 85
Редько А. М. 308
Ремезов И. С. 314
Ренар Ж. 426, 427
Римский-Корсаков, офицер 149
Ринкман И. Д. 230
Родионов Т. Ф. 156, 157
Роза (Рабинович Р. А.) 315
Роза, следователь 165, 166, 183
Розенберг В. А. 24, 39, 46, 107
Роллан Р. 27
Романовский А. 13
Ромась М. А. 45, 111
Рубакин Н. А. 27
Рудзик И. 104
Рунов Т. А. 361
Рыжов В. 9
Сажин М. П. 279, 290, 291, 317, 325, 327
Сайко Е. А. 53
Саков Е. Д. 162
Салтыков-Щедрин М. Е. 12
Самойленко, комендант 105
Самловский, полтавец 197
Севский В. (Краснушкин В. А.) 135
Сегрю Г. 421, 426
Сезеневская Е. О. 214
Семашко Н. А. 316, 369
Сергеев Н. И. 55
Сияльский Е. И. 196
Скалон Е. Н. 386
Скоропадский П. П. 106, 143, 145
Скотт В. 98
Скуратов Б. Б. 152
Скуревич Е. И. 130

Сметанич С. Д. 191, 198
Соколов, следователь 262
Сократ 377
Старицкий А. П. 203
Сталин И. В. 361
Стеклов (Нахамкис) Ю. М. 198, 201
Стишинская, полтавчанка 199
Столяревский, полтавец 165
Стон, американский социалист 392, 405
Стонов (Влодавский) Д. М. 13, 299
Струкова А. А. 286
Сумный С. 348
Супруненко Н. И. 139
Сюмак, крестьянин 164
Тверитинов, офицер 210
Терещенко М. И. 53
Терлецкий, член ВУЦИК 276, 277
Тиль Т. 9
Тимирязев К. А. 237, 238
Толстой Л. Н. 3, 52, 76, 218, 291, 295, 314, 363
Тома, член ревтрибунала 171
Троцкий Л. Д. 64, 203, 204, 439
Тургенев И. С. 13, 76, 139–141
Турцевич В. В. 364
Тюрьморезов М. Е. 293
Тютчев Н. С. 285, 291, 326
Ульянов Д. И. 442
Умыруко-Запольская Л. 73
Урицкий М. С. 133, 134
Успенский Г. И. 76
Уэллс Г. 334, 351, 357
Федорова В. М. 440
Федюкин С. А. 135
Фигнер В. Н. 92, 106, 271, 325
Филатов Б. Ф. 289, 321
Филонов Ф. В. 34
Фомин А. Г. 203, 308, 444
Фортунатов А. Ф. 336

Фотиева Л. А. 256
Франс А. 63
Фрегер А. И. 308
Фрунзе М. В. 280
Фейфец, член ревтрибунала 171
Хорошко В. К. 364, 368, 370
Храбровицкий А. В. 3, 11–13, 15, 107, 115, 117, 152, 204, 215, 216, 260, 348, 383, 440, 442
Храневич, заключенная 182, 184, 185
Цимеринов Б. М. 305
Цюрупа А. Д. 316
Чаплян Д. Я. 277
Чернов В. М. 88
Чернышевский Н. Г. 41
Черняев, офицер 150
Чечулин Н. 272
Чижевская, заключенная 148, 149
Чириков Е. Н. 28, 30
Чуб, полтавец 337
Чуковский К. И. 327
Шаров, чекист 324
Шахматов А. А. 109
Швецов С. П. 86
Шевченко Т. Г. 63
Шефер, меньшевик 275
Шингарев А. И. 87, 104, 344, 352
Ширяев, чекист 277
Шкурупиев (Шкурпиев), крестьянин 169, 355
Шмидт Д. А. 151, 152
Шнеерсон З. М. 242
Штакельберг, офицер 204
Штепа Е. 279
Штюрмер Б. В. 16
Шумский А. Я. 248, 249
Щегловитов И. Г. 16
Щеголев П. Е. 267
Щучкин, полковник 211
Эйхгорн Г. 121

Эйшискин М. И. 111
Энгельс Ф. 48, 381, 392, 394, 395
Эренбург И. Г. 159
Юденич Н. Н. 414, 430
Юсупов И. 385
Яблоновский (Потресов) С. В. 340
Яковенко В. В. 14, 15, 216, 233
Яковенко В. И. 15, 170, 214, 215, 221, 227, 228, 233, 234, 276, 287, 288, 300, 318
Яковенко Н. В. 15
Яковенко Н. Ф. 15
Якубович Д. П. 72, 76, 77, 327
Якубович И. Д. 327
Ямпольский, учитель 201
Ясинский И. И. 74, 79, 83, 84, 340
Ясинский, д-р 277